

Аркадий Лapidус

Философия идиотизма

байки

о вкусной и здоровой

жизни

2

*Светлый образ
одного из персонажей
и главного героя книги жизни
автора*

СОДЕРЖАНИЕ

Послесловие-предисловие.....	3
Пролог.....	5
Характеристики героев.....	12
Битюлечки.....	16
Всё течёт – всё из меня.....	22
Цирк! Цирк! Цирк!.....	29
Нам беззубые нужны.....	37
Эхо.....	47
Щепочки.....	57

Первая встреча, последняя встреча.....	66
Император всея жены.....	70
Сказки дедушки Наума.....	85

ПОСЛЕСЛОВИЕ-ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь продолжала прогрессировать. Словно профессиональный сумасшедший, делающий очередную ходку в дурдом, я уже почти не сомневался, что я – Бог, а Бог, что он – это я. Был ещё и третий, который и сейчас только посмеивался. В предыдущем повествовании он тоже «косил» под моего двойника из параллельной действительности, а здесь...

– Что значит «косил»? – снова врезался в мои мысли двойник. – Я – это ты, а ты – это я.

– И вы – это трижды я, – подчеркнул Бог.

– Почему трижды, когда дважды? – опять не согласился я.

– Потому что дважды – вы это я, и одиножды – я отдельно. Один плюс два – три! – снова лукаво блеснул своей математической мыслью Бог.

Мда-а... Весёленькая компашечка...

Сегодняшняя наука не исключает существование Создателя. Впрочем, и в атеистическом вчера некоторые научные гении, обнаруживая какую-нибудь ошеломляющую закономерность, втихаря крестились или восхищённо произвольно выкрикивали «Барух а Шем!» или «Аллах акбар!» . А такие ненаучные товарищи вроде меня, которые не всегда могут до конца и безапелляционно объяснить «Почему? Отчего? Откуда? Зачем? Для чего?» и так далее, но чувствуют, что то, что видят и о чём говорят – правильно, верно, благоприятно, вкусно и перспективно, всегда с уважением относились к природным шедеврам и их проявлениям.

– Опять бросил! – воскликнул Бог и, выпрыгнув из меня уже не в виде старца, а в виде крепенького мужичка, подбежал к очередному прохожему.

Как в повторяющемся кинокадре он опять выдернул из-под его ног окурки и, молча, отнёс его в близстоящую урну.

– Бестолку! – всё так же уныло сказал двойник и неторопливо тоже полез из меня.

Отодвинув огалу (тележку с пахом (ведром) для мусора), он развалился на скамейке рядом со мной. Всё повторялось, но уже не так точно как раньше. Видимо, тут, как и в реку, нельзя было войти дважды. И хотя я, как и раньше, не шелохнулся, но от того, что услышал дальше, просто обалдел.

– Бедный Булгаков! Кстати, теперь могу вам сказать, что это одна из ваших предыдущих реинкарнаций, – сказал Бог, располагаясь тут же.

– Наших? – ахнули мы.

– Ну да! А что вы удивляетесь? Пораскиньте мозгами! Полно намёков! Моя природа расточительства не любит! Гении и другие достижения до их полной реализации реинкарнируют по профилю! Он был медиком – и вы были! Он трудно писал – и вы мучаетесь! А пьесы? И его и ваши были не ко двору, а сегодняшние откровения опять под мистическим колпаком. Там главным менеджером был дьявол, а тут я. И я тоже почти ничего не могу поделать. Закон естественности и для меня – закон! Хотя, конечно, попытка – не пытка! Да у вас даже жёны – Елены Сергеевны. Правда, теперь они не поддерживают, а в лучшем случае лишь терпят... Ну, чего расселся? – толкнул локтём он двойника. – Пах полный!

– Ты свисни – тебя не заставлю я ждать. Приду я дерьмо от тебя убирать! – всё так же вяло огрызнулся двойник.

Он вытащил из паха очередной сакит (полиэтиленовый мешок) с мусором, лениво завязал его и понёс к контейнеру.

– Ну и фокусники вы! – продолжал Бог. – Вашего дьявола моими функциями пытались наделить. Вот и получилось не «За жизнь!», а «За смерть!». Из-за таких как вы до сих пор почти все молятся “За жизнь!”, а голосуют “За смерть!”.

Я потянулся и уставился в голубейшее небо. Работа в Израиле и сейчас была для меня сплошным удовольствием. И это не потому, что практически всю её выполняли собранные воедино после написания книги, а теперь опять расщеплённые мои «Я». Физически уставал я к концу рабочего дня точно так же, как и раньше, но морально...

Ах, как мне было хорошо! Никто не следил за каждым моим шагом, не выскакивал неожиданно из-за угла, чтобы уличить в безделии и нерадивости, не подгонял и не унижал.

Мне доверяли!!!

– Какие у вас противные самодовольные рожи! – сказал Бог, когда двойник вернулся. Что вы не чухаетесь! Что толку от прозрений, если никому они не известны!

– Как это никому? А нам? – возмутился я.

– Вот именно! Сам пью, сам гуляю, сам стелю и сам лягаю! Кайф! – ухмыльнулся двойник.

– Идиоты! – опять укоризненно пробурчал Бог и побежал к следующему прохожему...

С чего всё началось

*А началось с того,
что то ли во сне, то ли наяву,
то ли через сон в явь или через явь в сон,
но я встретился со своим двойником, и
уже оба мы – с удивительным Богом в
виде дырки от бублика. “Дырка” и
перенесла нас посредством
универсальной молитвы
“Отче наш” в последнюю
стадию извращённого
социалистического прошлого.
Там мы, слившись со своими героями
уже не на бумаге, а в реальности,
пережили ещё раз ряд удовольствий
и неудовольствий, которые
всегда и все благо, потому что это –
ЖИЗНЬ!*

ПРОЛОГ

Вопреки оптимистическим предсказаниям учёных канувшего в Лету далёкого двадцатого века от рождества Христова, катастрофа была чудовищной, и её масштабы не поддавались никаким человеческим сравнениям. Столкнулись две галактики – известная на Земле как “Туманность Андромеды” и та, на периферии которой находилась сама Земля. Всё видимое пространство было заполнено флюктуирующим и не прекращающимся ни на секунду ослепительным взрывом. Все цвета радуги и их сочетания плескались и взаимодействовали в самых неожиданных ракурсах и масштабах, а в центре этого космического фейерверка крутилось и парадоксально пучилось нечто, очень похожее на “чёрную дыру”.

– Ещё одна дырка от бублика! – хохотнул кто-то, и я увидел, как с обратной стороны дыры с невероятной кинематографической скоростью образовывалась новая галактика, а может быть, и что-то большее...

– Человек не произошёл от обезьяны. Он и есть обезьяна с Божьими прививками, – опять хохотнул кто-то, и я проснулся.

Справа, как и в прошлый раз, всхлипывала во сне некрасивая от хронического переутомления и недосыпа жена. Слева так же посапывала и вздрагивала счастливая в своей животной свободе и потому беременная Бог знает от кого собачка Чуча–Божий подарок. А за стеной всё с той же страстью и удовольствием свистела и хрюкала всё та же вечно живая и неистребимая тёща.

Я повернул голову и обмер.

Жёлтый глаз дьявола глядел в окно.

Глядел холодно.

– Да нет дьявола! Нет! Что за хреновина? Сгинь, Сатана!

Я мотнул головой.

Глаз моргнул (или это я моргнул?), и я с облегчением убедился, что это всё-таки хоть и не совсем нормальная, но Луна, а не гоголевская чертовщина. Да и как могло быть иначе, если, воистину, самого дьявола никогда не было, нет и не могло быть, а были, есть и будут болезни – в том числе и нервно-психические. Ну и случайные гости из других миров и из будущего, а так же остальные, стимулирующие разум, якобы нарушения гармонии и прочего природного равновесия и порядка. И фантомы! Информационных фантомов – полно! Но если некоторым без страшных сказок скучно и неинтересно, то – пожалуйста:

Жёлтый глаз дьявола глядел холодно. Товарно-денежные отношения, торжествуя, вытеснили все другие, и человечество наконец-то начало, вслед за окружающей его средой, необратимо деградировать и вымирать...

– Ха-ха-ха-ха!..

– Бр-р!..

– Евреи – межклеточная нация. Они должны жить везде! – ещё раз сказал кто-то.

– Да ну? – удивился я, так как это, мягко говоря, не совсем совпадало с великой идеей сионизма.

– Что ну? Что я, лошадь, что ли? – опять сказал кто-то. – Всё вам надо разжёвывать, всё напоминать. Тупые, как бараны! Я же говорил, что Израиль – люлька! Колыбель! Форпост! Родина и оборона для слабых! Для сильных это – транзит! – как хлыстом стегануло действительно чем-то знакомым, и я вскочил с кровати.

Натыкаясь на стулья и косяки дверей, я дошёл до туалета, а после него, так же – на автопилоте, завернул на кухню. За столом сидел двойник и, похмыкивая, быстро-быстро писал. Заметив меня, он только кивнул в сторону лежащей по другую сторону стола ручки и

стопки чистых листов. Да и раскупоренная пачка томатного сока указывала на то, что сегодня дружеская попойка не предвидится. А то, что было вчера...

– Господи, да было ли вчера?

Я взглянул на календарь и настенные часы – число и время были те же, что и в прошлый раз, и секундная стрелка не двигалась.

Дрожащими руками я налил себе полбокала сока и выпил.

– Сон во сне! – оторвавшись от писанины и блаженно потянувшись, сказал двойник.

– А? – спросил я растерянно.

– Два! – передразнил двойник и начал массировать правую кисть руки. – Раз... два... три... четыре... пять! Пять снов, как матрёшка в матрёшке! А может, и не снов... Тут такая чертовщина! Ты уже пятый разходишь и исчезаешь. Давай, помогай! Пиши! У меня уже судорога пальцы сводит.

– Пять раз?

Я помнил только нашу первую встречу.

Кухня начала зыбиться и таять...

– Вот ёрш твою в клёш! – выругался двойник и, схватив меня за руку, толкнул к стулу.

Ничего не соображая, но следуя интуиции, я вцепился в ручку и пачку листов, и... И всё вокруг опять прояснилось и приобрело материальную объёмность и вес.

Решительность и деловитость двойника сразу напомнили (о чём я уже и в первую встречу начал догадываться), что двойник-то двойник, да не совсем. Впрочем, даже наш мозг состоит из двух полушарий и нескольких долей. Два в одном – не секрет, а у некоторых и три, и пять, и... И никакой клинической шизофрении, так как никто друг другу не мешает и никто никого не старается задавить своим шовинистически недозрелым “я”, хотя диспуты бывают подчас и лютые...

С определённого места биография двойника сошла с предназначенных ему рельсов и провалилась в стандартно-бытовую колею. Приехав в Израиль, он за два года прединсультной зубрёжки освоил-таки азы “родного” иврита (значит, можно, если не считаться с ценой!) и, чудом подтвердив лежащий лет тридцать без дела диплом фельдшера-лечебника, работал медбратом. Но ничего не писал! Это лишь только особо наивные думают, что писать что-то приличное можно между делом и между прочим, и никакого времени и особых затрат и усилий на это не нужно. Ещё как нужно и ещё как не между прочим, а положив на это жизнь! Но зато всё, что было, всегда с тобой и смысл бытия ощущается! Тем более что настоящее складывается из прошлого и лишь на мгновение из постоянно превращающегося в прошлое будущего. Поэтому понятно, почему физически вполне сносная и внешне спокойная жизнь двойника проходила зря. Когда счастливые от материальной

стабильности и предсказуемости жена и теща сначала выбросили все его рукописи, а потом выдернули “чудика” из петли и поместили в дурдом, он окончательно утвердился в мысли, что дальше так жить нельзя. Да и не нужно...

После выхода из психлечебницы несчастный всю свою божью потребность в творческом бытии направил на сбор ядов. Смешивая их, он проверял убойный эффект на... на братьях наших меньших! И когда не только крысы, но и беспризорные кошки начали стабильно валиться замертво даже при мимолётном знакомстве с адской смесью, он принял душ, одел всё чистое и почти новое и... и оказался у меня на кухне, а жизнь опять приобрела свой вкус и смысл.

Пока я это всё вспоминал, входная дверь заскрипела, и я открыл рот от изумления. Вместо премилого и миролюбиво бесполого дымного колечка или дырки от бублика со двора в кухню, сладко потягиваясь, вплыла и направилась к холодильнику угрожающе огромная сисястая обезьяна с вполне приличными мужскими гениталиями.

– Красавица! – причмокнул двойник. – Или красавчик!

Обезьяна (или обезьян) зыркнула в нашу сторону и, кокетливо пошевелив надбровными дугами, ослабилась, после чего начала чудовищно и многократно зевать, а я тут же вспомнил, как она возникла из дырки в одно из выпавших из памяти посещений. Да и как можно было забыть тот кошмар, который предшествовал её появлению! Вся дарвинистическая эволюция с обилием рождений и смертей, слизи, крови и всяких других дурно и специфически пахнущих жидкостей и клеточных формирований прошла перед нами и через нас, и натерпелись мы предостаточно. И хотя дырка опять объясняла это какими-то сбоями, но я уже тогда сильно засомневался в этом. Чтобы Бог так беспрекословно подчинялся каким-то программам, которые он сам и наворотил, – это было слишком...

– Какой-то странный у нас Бог, – сказал я как можно тише и покосился в сторону обезьяны, достающей из холодильника мороженое.

– Сранный! Сранный! – тут же опять игриво улыбнулась обезьяна. – Вылитый вы, любимчики! В ваше очередное гипергомосексуальное время! Всё для вас, всё для вас! Какие вы – в таком виде и я! Боже мой, до чего же спать-то хочется! Охо-хо-хох!..

Я вздрогнул и развёл руками. Неслучайность происходящего начала подтверждаться.

– Что ты от него хочешь? – раздражённо буркнул двойник. – Обезьяна – она и есть обезьяна!

– Не просто обезьяна, а образ переходного звена от обезьяны к человеку, – сказал Бог и аккуратно положил в свою хоть и переходную, но ещё очень обезьянью пасть ложечку мороженого, после чего очень деликатно пошевелил челюстями, смакуя её.

– Оно и видно, – ухмыльнулся двойник.

– Во-первых, никому, кроме вас, не видно. Иначе бы меня давно уже высушили да по музеям и храмам растащили. А во-вторых, нечего отвлекаться. Работайте! – уже твёрдо и очень по-мужски сказал Бог и начал энергично опустошать коробку с мороженым.

– О-ох! – тяжело вздохнул двойник. – Всю жизнь кто-нибудь понукает. Даже во сне нет никакой свободы.

– Смотря в каком сне, – заметил я. – Сон разума, например, порождает чудовищ, а от них, ясное дело, свободы не жди.

– Правильно, – сказал Бог. – Оттуда и появляются всяческие человекообразные рогатые, парнокопытные и такие, как вы.

– Мы? – удивились мы.

– Ну да! Разве не чудовищно так с Богом разговаривать?

– Да какой ты Бог? – не выдержал двойник. – Старик Хоттабыч ты, а не Бог!

– Кто такой? Не знаю! – удивился Бог.

– Ну вот! А ещё под Бога косит, – опять кольнул двойник. – Джин из бутылки это. Простой рядовой колдун из сказки.

– Сейчас покопаемся в архивах... У меня всё складывается... У меня тут, – постучала себя по голове обезьяна, – постоянный вакуум и дрема! С одной стороны автоматически засасывается и складывается, а с другой, по необходимости, тем же автоматом выбрасывается. Ага! Знаю! Правильно! За Хоттабыча меня и держат. Дай – то, дай – это. А не дашь – геть обратно в бутылку!

– Ну, это примитивномыслящие, а те, кто поумней... – начал было я, но Бог прервал меня.

– Те, кто поумней мной как хлыстом размахивают, чтобы деньги из остальных пошустрей выколачивать. Бросьте на эту тему спорить! Почти никто в меня такого, какой я есть, не верит. И вы тоже не верите. Да и как можно верить в то, что есть – и одновременно вроде и нет. Это то же, что пойдти туда – не знаю куда, найди то – не знаю что! Страх Божий я! Пугало! Ну и старик Хоттабыч, конечно, тоже. Кнут и пряник я у вас, а не творец и созидатель! А ведь кто творит, тот тоже – я. “Я” – моё имя! Аз есмь! Ох, детки вы, детки!..

Обезьяна всхлипнула и, сунув в пасть вместо ложки всю коробку с мороженым, поперхнулась, и начала жутко задыхаться. Мы выскочили из-за стола и что есть силы замолотили по мохнатому загривку. Коробка вылетела и, упав на пол, заляпала мороженым добрую половину его.

– Спасибо, ненаглядные вы мои! – теперь уже от умиления прослезилась обезьяна и, снова отчаянно зевая, начала зыбиться и таять.

– Куда ты? – тревожно воскликнули мы.

– Туда же – откуда! Спать хочу! Смертельно! Можете читать “Отче наш”, и, может быть, ещё и встретимся, – уже опять игриво сказала обезьяна и продолжила своё зевотное превращение и исчезновение.

Как только это чудо растаяло как следует и тёмным пятнышком с дымным колечком вокруг воспарило через потолок бог знает куда, я взял тряпку и ведро и начал уборку, а двойник вытащил из-за пояса всё того же “Любимца Израиля”. Похоже было, что он не расставался с моим подарком ни днем, ни ночью. Во второе или в третье посещение это случилось, но я хорошо помнил, что знакомство с книжкой-биографией были первой и главной его просьбой. Да и не мудрено! Он и сам смог бы такое написать, да не написал...

– Я почему перестал писать-то, – как бы услышав меня и оправдываясь, сказал двойник. – С утра до вечера только и слышишь: “Ты ничего не добился! Ты прожектёр! Ты семью прокормить не можешь! У тех и машина, и квартира, и вилла в три этажа с гаражами под ними, и по границам путешествуют по два-три раза в год, а кто ты? Кто ты такой, кроме как неудачник? Кто тебя знает? Кому нужны твои писульки? Это блажь и больше ничего! Кто дал тебе право поучать всех и вся? Какой Бог, если ты ни в церковь, ни в синагогу, ни в мечеть, ни в какой иной храм не ходишь, кроме как на экскурсию?”. Любая бездарь может называть себя писателем, но не я! Представляешь? Не имею права! Стоит только заикнуться, что, мол, тоже вроде бы какие-то муки творчества испытываю, как у всех глаза прямо бешеными становятся. Ишь, мол, куда замахнулся, ничтожный!.. Когда у нас с тобой седалищный нерв воспалился от травмированного позвоночника и мы на четвереньках по полу ползали, тебе Бог ручку и тетрадку в руки всунул, а мне тут же воткнули тесто, фарш и муку – “Лепи пельмени! Хоть какую-то пользу приноси!”. Вот и лепил килограммами. Тёща их в русские магазины сдавала. Вот тут ты, в этом первом издании, пишешь: “Пишите! И к чёрту тех, кто говорит, что каждый сверчок должен знать свой шесток. Ни один смертный вам не указчик, а судьи только БОГ и СОВЕСТЬ, которая не что иное, как голос вашей бессмертной души!”. А когда писать? Глаза продрал – на работу! А там по двенадцать часов и больше. И это счастье, иначе – зубы на полку! Домой пришёл, поел, в телевизор упёрся – и спать. И так до субботы. А в субботу жену выгулять надо. Одной на набережную и не суйся! Наше, насосавшееся крови и долларов, бандитское хамло из Союза не просто пристаёт, а угрожает в случае отказа. И не без оснований! У них уже, как и в Союзе, свои ребята и в полиции, и в суде, и везде, где власть и деньги. Корпоративное зверьё! Отогрели свои дурные гениталии на израильском солнышке – и вперёд! Ну, а о теще вообще можно с утра до ночи песни лирические петь. Всю жизнь она проработала заведующей библиотекой – и здрасте, пожалуйста! Говорит, что книги никому не нужны. Нужны только колбаса да «бабки»!

– Она знает, что говорит, – прервал я монолог двойника, прополаскивая тряпку. – Ну не из дворян наши тещи и даже не из чеховских интеллигентов. Не материализовалась в них духовность! При первом же бытовом проколе сдулась, как шарик! Ну, нет в них никакой иррациональной дури!

– Но и зловредности умышленной тоже нет, – справедливо заметил двойник.

– Слава Богу! – согласился я. – Было бы это, то тогда вообще не о чём было бы говорить. Помнишь, у нас заведующая библиотекой была? Из репрессированных. Она не просто книги

выдавала или рекомендовала, а рассказывала про них и их авторов. Объясняла, что было непонятно. Расспрашивала, что понравилось или не понравилось. Дискутировала с нами, мальцами, как с равными, а подросли – к стеллажам пускала, чтобы сами выбирали. И таких людей было полным-полно в Талгаре. Какая-то бывшая казачья станица, а доброты, суперрациональной иррациональности и талантов – море. И в чём парадокс! Благодаря сталинской истребительке и военной эвакуации такая концентрация. В аптечном киоске, помнишь интеллигента в золотом пенсне? Он нам с Володькой всегда витамины “ц” с глюкозой бесплатно давал. “Как дела, молодые люди?” – спрашивал. И мы такими солидными себя чувствовали, такими уважаемыми и нужными! В своём третьем или четвертом классе... Его потом как врага народа и шпиона сгнобили... Только теперь понимаешь, как нам повезло. Какие настоящие люди нас окружали!.. Где они? Только мусор да жвачные вокруг! Правильно говорил Паниковский: «Жалкие ничтожные люди!». Куда прогресс человеческий скачет – не пойму? Похоже, что так по кругу и бегают. Вот они – “Чья жизнь в сплошном картофеле и хлебе”. И неважно, что это свинячье корыто называется вилами, машинами, яхтами, отдыхами на Багамах и Бог его знает чем ещё. Моя тёща то же самое про колбасу талдычит, что и твоя.

– Твоя в Киеве живёт и лишь в гости наезжает, а моя всё время рядом, – завистливо заметил двойник. – Да ещё и дочурка под её да супружницы влиянием перца подсыпает. “У той папа лучше! У этой ласковый и не ругается! Да ещё и семью кормит от пуза! А мой – дурак дураком. Идиот какой-то и матершинник. Лауреат шнобелевской премии!”. Бывает, как даст эта троица аккорд, так хоть всех святых выноси.

– Ладно! Что жаловаться попусту? На альтернативу нет ни времени, ни Божьего стимула. На чём ты остановился? – спросил я, вытирая руки.

– Да вот... – начал двойник и осёкся. – Это я не писал...

– Чего не писал?

– Ничего не писал. Почти все чистые листы записаны.

– Но это же наш почерк, – перебирая рукопись, заметил я. – Вот и надпись: “Конец первого цикла”. Братуха, ты же добрую половину работы сделал!

– Ничего я не делал. Я только до середины дошёл. И потом, смотри, тут два экземпляра рукописи, а я писал один. Действительно, сон какой-то.

– Как ты догадался! – поддел я. – А главное, где действие, там и мы. Как там... Отче наш, иже еси на небесах! Да светится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя яко на небеси и на земли... Ну что молчишь? Забыл, что ли?

– Я? – возмутился двойник. – Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим...

– И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого! – закончили мы уже в голос и оказались прямо в беседке Наума Аркадьевича, слившись в единое целое с ним и остальными героями и одновременно находясь рядом.

Ощущение непередаваемое! Я думаю по качеству это то же, что и Божье присутствие в каждой былинке вселенной и одновременно его независимое индивидуальное бытие...

ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПРОБЛЕМЫ ОСНОВНЫХ ГЕРОЕВ В ЦИТАТАХ ИЗ ПЕРВОГО ЦИКЛА

АПОЛЛОН:

“Молодой человек не был грузином, хотя и обладал фуражкой-аэродромом с необъятными полями и маленьким отверстием для головы. Не был он и одним из сыновей или внуков Остапа-Сулеймана-Берта-Мария Бендер-бей Задунайского. Впрочем, кто его знает... Несколько избыточная космополитичная улыбка молодого человека на столь же космополитичном по своей географии лице была той визитной карточкой, которая любому представителю как большой, так и малой нации и народности заявляла о своей лояльности и родстве. Словом, в крови владельца фуражки-аэродрома бурлил и искрился коктейль из исторически выдержанных и характерных кровей.”

”... Аполлон пел, прекрасно танцевал, играл на множестве музыкальных инструментов, свободно рифмовал “кожу” с “рожей” и ударом ребра ладони раскалывал обожжённый кирпич”.

Как говорится – герой во всех отношениях, но... “...

Хотя на лице героя не меркла лёгкая, как солнечный блик, улыбка – на душе было пасмурно.

– У каждого человека горе – смерть близких! – без конца повторял он в последнее время, что было связано с преждевременной кончиной его горячо любимой матушки.”

И это бы ещё ничего, если бы не навязчивая мысль, что маму он похоронил заживо.

“... – Моя мама не вписывалась в социально удобную женщину, но она была для меня и папой, и мамой, и бабушкой, и дедушкой. Я всем обязан ей! Всем! А она растаяла, как свечка... На глазах... Саркома, граждане! Злокачественное новообразование! И метастазы! Метастазы, чёрт бы их подрал! Она была тёплая, когда я её хоронил! Почему? Она не умерла!.. Она занималась йогой! Она умела отключаться!.. Это была каталепсия! Да-да – она не умерла! Я похоронил её живую!..»

Немудрено, что от такой идеи у героя возникали иногда приступы сильнейших сердцебиений, сопровождаемые смертельными страхами, которые чудесным образом снимал наложением руки его друг и коллега Федя.

ФЕДЯ:

“... Дверь кабинета отворилась, и в помещение, не обращая никакого внимания на присутствующих, проник бледный худой юноша в помятой рубашке и таких же брюках. Всклокоченная причёска и подозрительно горящие глаза завершали картину первого впечатления, свидетельствуя о том, что в данной голове не всё в должном порядке.

Юноша подошёл к столу и бесцеремонно начал копаться в бумагах.

– Опять рукопись потерял?

Доктор зазвенел ключами, открывая сейф.

– Опять, опять...

– На, и не бросай где попало!

Доктор вынул из сейфа папку и протянул её юноше. – Кстати, познакомься – наш новый директор!

– Ещё один... – вздохнул юноша и протянул ладонь. – Гений! Я – гений!

– Я – тоже, – улыбнулся Аполлон.

– Иронизируете? А жаль. Улыбка у вас хорошая, – сказал юноша и неожиданно тоже улыбнулся.

– У вас тоже, – ответил Аполлон и не соврал: улыбка бледного юноши была светлая.

Минутой позже герой узнал, что звали его Федей и он занимал должность художественного руководителя Дома культуры.”

“... Федя был смелым человеком – он писал и говорил правду! Естественно, что его никогда и нигде не печатали и всерьёз не воспринимали. Это совсем не значит, что те, кого печатали, лгали. Просто их правда особенно глаз не колола и, обходя рифы социальных и природных закономерностей, шибко не тревожила. Даже профессиональные сатирики не решались поднять глаза вверх, против течения – к истокам, и смотрели лишь вниз – по течению, указывая на уже образовавшиеся заторы, а не на те места, откуда несло мусор. Следствием этого было то, что не успевали благодарные труженики ликвидировать один затор, как тут же образовывался новый, и, зачастую, в совершенно непредвиденном месте.”

“... Федя же всегда плыл и смотрел против течения, то есть вверх, и не понимал – почему, выше министров, ошибающиеся или бездарные смертные прижизненной гласной критике не подлежат”.

Понятно, что герой страдал от отсутствия своей литературной реализации, а поддерживал его и всячески поощрял до появления Аполлона лишь Наум Аркадьевич.

НАУМ АРКАДЬЕВИЧ:

“Наум Аркадьевич был личностью незаурядной. В разговоре с собеседником, внушающим доверие, он представлялся не иначе как беспартийной сволочью, видимо, не исключая того, что попадают еще и партийные. Конечно же, сволочью он не был, а был по характеру и жизненной позиции Дон-Кихотом, а по профессии врачом. Больные уважали его за то, что он делал их здоровыми, а здоровые – за то, что он не делал их больными.

Надо сказать, что живых Дон-Кихотов не любили, не любят и, видимо, никогда не будут любить власть имущие, благополучные и бескрылые. Как смеялись они над ними, так и продолжают смеяться, а если смех не помогает, то их просто выдёргивают, как вылезший гвоздь из каблука, и швыряют в придорожную жизненную грязь, предоставив полную свободу для окисления. Поэтому биография Дон-Кихота – доктора так же как и биография его литературного коллеги Ламанчского, была сложна, необычайна, полна мытарств и треволнений, падений и подъёмов.

Однако в данном случае результат не стал трагедией. По крайней мере – пока! Доктор закалился, обрёл бойцовские качества, умел постоять за себя и за других и, главное, научился побеждать. Перед самой пенсией он осуществил вечную мечту странников поневоле: купил крохотный саманный домишко с садиком, построил огромную беседку, повесил в ней гамак и бросил свой трудовой якорь в медпункте авторемонтного завода, а в настоящем – объединения. Вот уже более пятнадцати лет он крепко держал здоровье заводчан в своих опытных добрых тёплых ладонях и когда считал нужным, группировал их в кулаки и наотмашь бил по бюрократическим столам, без спросу повышая голос и совершенно не взирая на лица. В результате этого досрочно был построен профилакторий и роскошный физиотерапевтический комплекс с лучшим отечественным и импортным оборудованием и заметно уменьшился поток больничных листов. Вся администрация объединения, включая инженерно-технический персонал и самого генерального директора, лечились только у Наума Аркадьевича и, называя его профессором, а также главным звеном своего жизнеобеспечения, берегли доктора, терпя все его причуды».

И всё бы ничего, если бы Наум Аркадьевич не мучился от непроходящего жгучего желания вылечить не только всех больных, но и общество в целом. Его друг – Абрам Моисеевич – тоже горел этим огнём, но, в отличие от доктора, не верил в эволюцию извращённого социализма.

АБРАМ МОИСЕЕВИЧ:

“... Очень сильно подозревая, что слово “еврей” произошло от слова “европа”, Абрам Моисеевич собирался уезжать в Израиль, а оттуда в Швейцарию.

– Я знаю, что я делаю и на что иду! – жарко заявлял он своим знакомым, отговаривающим его от такого сомнительного шага, и задавал такие вопросы, честно отвечать на которые было или чрезвычайно трудно, или небезопасно.

В своё время Абрам Моисеевич экстерном сдал полную колоду экзаменов физико-математического, исторического и филологического факультетов. Универсальное гуманитарно-аналитическое образование постоянно им самим совершенствовалось и расширялось, и благодаря этому он, не считая своего родного идиша и русского языка, в совершенстве владел ивритом, английским, немецким, французским, испанским, итальянским, а также был ярым пропагандистом и поборником эсперанто. Кроме того, Абрам Моисеевич с детства безумно увлекался всеми семью музами и, как и в любой интересующей его области, и здесь достиг вполне приличных высот и разве что только не танцевал балетно. Он писал и переводил стихи и небольшие новеллы, рисовал маслом в стиле мастеров Возрождения и имел обширнейшую фонотеку классической и современной музыки, а также литературных и драматических записей.

Так вот, питая естественную симпатию к незаурядным способностям Абрама Моисеевича, горячее всех отговаривал его от отъезда в Израиль, а оттуда в Швейцарию Наум Аркадьевич. Он уверял, что за счастье нужно бороться там, где ты живёшь, а не думать, что где-то оно в готовом виде изнемогает от ожидания своего избранника.

– Брось, Ньюма, детсадовскую ерунду пороть – ты же неглупый человек! – обычно отвечал на это Абрам Моисеевич. – У каждого счастье своё! Одному нужно нажраться, другому накомандоваться, третьему с бабами наспаться, четвёртому скорее на пенсию податься, и так далее, и тому подобное... Я же не могу жить в стране, где слово “еврей” произносится как ругательство.

– Где? Где произносится? – отчаянно кричал Наум Аркадьевич.

– Везде!

– Кто? Кто произносит?

– Все! Даже сами евреи уже вынуждены.

Что мог ответить на это Наум Аркадьевич, если сам он почти всегда, отвечая на вопрос “Кто вы по национальности?”, автоматически настораживался и каменел.

Ловя растерянность оппонента, Абрам Моисеевич распалялся ещё больше:

– Вот ты говоришь – бороться! Во-первых, как бороться, а во-вторых, с кем?

– Со всем! Талантом и добротой! – отвечал обычно доктор и оживлялся. – Самый естественный, надёжный и перспективный способ.

– Талантом? – взвизывался Абрам Моисеевич. – Пусть я нескромный человек, но этим Бог меня не обидел. И что я вижу? Зависть! Чёрную зависть! “Вот, еврей, сволочь, шпарит!” – говорят. Это о языках. Или – “Вот, жид, гад, пишет!”. Это о стихах. Или... А насчёт доброты,

так чем ты добрее, тем, значит, трусливее, и даже если еврей герой, то всё равно трус, и тут хоть головой об стенку бейся. Да что там говорить!.. И почему это я вместо того, чтобы нормально жить, должен всю жизнь доказывать, что я добрый и талантливый и имею не меньше прав на недостатки, чем кто-либо другой?

Абрам Моисеевич знал, что говорил, – недостатки были. И главный из них – это десять лет молодости и зрелости, проведённые на сталинских лесоповалах от звонка до звонка. Ослабленные недоеданием, авитаминозом, антисанитарией и каторжным трудом, заключённые умирали там от малейшей царапины, и он выжил только благодаря тому, что пристроился к медпункту. А осуждён был за то, что во время фашистской оккупации сотрудничал во вражеских газетах, втолковывающих неразумным славянам и неславянам про единый и такой же всегда и для всех правильный, как и псевдокоммунистический, национал-социалистический порядок.

...Выйдя на свободу, “враг народа” узнал, что уже три года как реабилитирован. Нашлись документы, объясняющие его околотературные вояжи по немецким тылам. И хотя даже награда нашла “предателя и подонка” и он получил какой-то, изрядно запоздавший орден или даже «Звезду Героя» за свои подвиги разведчика и выслушал скучно-равнодушные извинения от роботовидного бюрократа-полковника с необъятным брюхом, но вопросы без ответов оставались, и это только укрепляло его эмиграционную решительность.

Спор всегда заканчивался одним и тем же – Абрам Моисеевич громко кричал, что всё равно уедет в Израиль, а оттуда в Швейцарию, а Наум Аркадьевич так же громко и упрямо отвечал ему:

– Ну и дурак!

БИРЮЛЕЧКИ

Что ни говорите, а счастье и покой – понятия родственные. И если дрыжики, ёрзанья и беготню с выпученными глазами некоторые тоже называют счастьем, то так им и надо. Так им и надо – тем, кто сидели сейчас в беседке Наума Аркадьевича, неторопливо пили чай и, похоже, были счастливы совершенно несвойственным им счастьем покоя. Впрочем, были ли? Был месяц апрель первой половины восьмидесятых годов двадцатого столетия, и покой в природе не наблюдался. Скорее, наоборот – похоже было, что приближался очередной конец света в одной отдельно взятой стране.

Немного воды утекло и продолжало течь, но много событий произошло и продолжало происходить. Кто-то наконец-то “дал дуба”, и некоторые сердца напряглись в ожидании хоть каких-то перемен; кто-то совершенно не вовремя сделал то же самое, и некоторые поняли, что надеяться не на что; кто-то опять внёс на своё имя кругленькую сумму в закордонный банк, и немалое количество тоже некоторых воспыало к нему чёрной завистью. Жизнь смеялась и вертела своё лотерейное колесо!

– Хорошо! – сказал Абрам Моисеевич.

– Ещё бы! – ответил Наум Аркадьевич. – Родина!

– При чём здесь Родина? Просто хорошо – и всё!

– Но ты же сейчас здесь счастлив?

– Предположим...

– Не предположим, а точно. А там, где ты счастлив, – там и твоя Родина.

– Вот-вот! Родина – это привычка. Вернее, комплекс привычек. А привычка свыше нам дана. Замена счастью она!

– Чай стынет, – вмешался Аполлон, разливающий по чашкам этот безобидный напиток.

Федя перелистовал “Похождения бравого солдата Швейка” и чудовищно веселился.

– Ой, не могу! Ой, держите меня! – покатывался гений. – «... Как твоя фамилия? Швейх? Ну, видишь, чего ж ты запираешься, когда у тебя такая еврейская фамилия?». Ха-ха-ха-ха...

Аполлон хмуро улыбнулся и взял гитару.

– «Ты жива ещё, моя старушка? Жив и я. Привет тебе, привет!», – зазвучало красиво и печально.

Все умолкли.

– «Пусть струится над твоей избушкой тот вечерний несказанный свет...» – пели гитара и герой.

Длинное арпеджио закончило мелодию, а с ней и иллюзию покоя.

– Кстати, о политике! – сказал маэстро, как бы подытоживая длинную цепь мучительных раздумий. Поистине – за что боролись, на то и напоролись!

– Ну, вот и наш директор тоже свихнулся, – отозвался Абрам Моисеевич. – А всё среда. Твоя среда!

– Моя? – удивился доктор. – Да он чудом в живых остался.

– Да-да, – подтвердил Аполлон. Какое-то дополнительное напряжение появилось. Может, реланиум принимать, а?

– Ни в коем случае! Никаких реланиумов! Только в экстренных случаях, и никак по-другому! – возмутился Наум Аркадьевич и, вскочив, начал быстро и сильно растирать кисти рук. – Я тебе другое лекарство пропишу. Без побочных действий и верное. Проведём одно

большое клубное мероприятие, и всё – как рукой!.. Будем строить будущее. Естественно, светлое. Социализм, наконец, чёрт возьми!

– Да ты что? Весна в голову ударила? – усмехнулся Абрам Моисеевич.

– Мечта!

– Дурдом! Ей-богу, дурдом! Псих! Тебе самому реланиум нужен. Причём в лошадиных дозах.

– Крыса, бегущая с корабля!

– Граждане, граждане! Вы же только чай пили! – попытался остановить гладиаторов директор. – И потом, социализм уже построен. Развитой!

– Ну конечно... Опухоль! Злокачественная! Понимаете – патология! Извращение, наконец! Всё только в песнях...

– Пусть даже так. Но что мы можем – члены профсоюза? Меня вот только на горшки хватило, – махнул рукой Аполлон.

– Всё! Всё можем! Главное – расщепить первый атом, а там такая реакция начнётся... При критической массе, конечно...

– Вот видишь – сомневаешься насчёт критической массы? Распад! Распад начнётся. Обыкновенный развал. Весь мир насилья мы разрушим, а затем опять Содом и Гоморра.

– Стерва ты, Моисеевич! Всё, что надо, само разрушится, а что надо – построится. Всё люди сами отрегулируют. Главное – не надо мешать. Маленький рычажок повернём – и покатится. Покатится, Федя?

– А как же!

– К какой-то матери!

– Вверх! – поправил Федя. – Мы – машина с зажатými тормозными колодками. И ведь ползём! С вонью, медленно, но ползём. А если колодки отпустить?

– Ну, Марксы! Ну, Энгельсы! Поль, не слушай этих экстремистов. Используют и выбросят на помойку истории.

– А что, – встрепенулся герой. – Археологам и исследователям, в основном, помойки и достаются. Тут-то дело надёжное. Встряска! Мне тоже нужна встряска. Зигзаг! Пусть детский лепет, пусть смешно, но всё какая-то физкультура. Абрам Моисеевич, присоединяйтесь!

– А куда мне деваться? Разве я вас брошу! Я же активнейший участник самодеятельности. Но не советую. Прогорим на все сто. Весь глобус нужно к свету поворачивать, а не с карманным фонариком в тени бегать.

– Ну, если и фонариков не будет, то совсем зрение атрофируется.

– Вот! – потряс кулаками неугомонный эскулап. – Физкультура, физика в конце концов – ерунда! Объём, вес, количество – тоска! Главное – химия! Вступайте в реакции! Превращайтесь и синтезируйтесь! Создавайте новые соединения и элементы! Кипите, пучьтесь, разрушайтесь и взрывайтесь! Горите синим пламенем, наконец, но не лежите! Належитесь ещё в своём персональном гробике из бракованных досок! Мы с вами такое тут наворочаем, Поль, такое нашуруем! Народ валом валить будет! А ты же, Абрам, – Спиноза! Твоей интеллектуальной мощью можно город освещать! Про Федю я уже и не говорю.

– Ну, старичок! Ну, зловерный! Ишь как кулачками размахался! Выкладывай свой бред, выкладывай. Всё равно не успокоишься, пока не намордуешься.

– И выложу. Инициативу и творчество масс – в сторону внутризаводских проблем. Не шурупы там, а взаимоотношения. И никаких заумных выпендриваний – всё на самоуправлении. Всё на инициативе. А когда колесо сдвинется, то этим политическим импотентам ничего не останется, как или поддержать нас, или катапультироваться.

– И что в результате? Почётные похороны почётным членам и новые отряды динозавров?

– Радость! Только радость! Многого мы не можем, но пусть вокруг нас, пусть на время, но пусть будут улыбки! Горящие глаза! И вообще, пусть люди почувствуют, что свобода – не только осознанная необходимость, но и право свободного выбора и ответственность. Побузят, конечно, немного, но лишь бы проснулись. В общем, мелочи и ничего нового.

– Ну да... Почти бирюлечки... Особенно буза...

– Бездействие – хуже бессмысленного действия! – покончил с сомнениями Абрама Моисеевича Аполлон. – Стратегия утопична, но ясна. Как с тактикой?

– Да-а... Тактика... – протянул неугомонный эскулап. – Единственный плюс в главном минусе – сегодня всем всё до лампочки. Создадим иллюзию эксперимента ЦЕКАки, горкома, райкома и никто даже нюхать не станет. Где-то примерно такие же эксперименты уже проводились.

– Так об чём речь? – удивился Аполлон.

– Мы пойдём дальше. И гораздо... – встрепенулся доктор. – Никаких полумер. Всё до упора! В бесконечность! Пусть люди почувствуют, что им действительно доверяют до конца. Для этого хотя бы на месяц или два вместо призывной планово-отчетной галиматши надо для ограждения соорудить кипу определённых бумажек с печатями и подписями – и вперёд! Короче, дайте мне на месяц точку опоры, и если ничего не получится – застрелюсь!

– Ой-ой-ой! – иронично захохотал Абрам Моисеевич. – Смерть-то для этого света – бессюжетна. Пусть стреляются те, кто на ответственных постах гадят. Месячишко или несколько, я думаю, можно будет обеспечить без особой натуги. Впереди лето... то да сё... А потом... Тут у меня в голове и на потом кое-что есть...

– Вот! – обрадовался доктор. – Представляете, управление и контроль – массовые. Распределение доходов – тоже.

– Куда? Откуда? С каких хлебов? С госбанковских перечислений? Уволь! Это уголовщина!

– Сегодня уголовщина, а завтра – норма. Распределим! И без криминала. Дом культуры превращаем в Смольный, а...

– А тебя в Свердлов! Уже распределяли, и не раз! – безнадежно махнул рукой оппонент.

– Не сбивай! Опирайтесь на все обезноженные и обезрученные активы. Всех в дело, и ничего экстравагантного. Переведём мотор с холостых оборотов на ход – и всё! Одно большое клубное мероприятие!..

– Бахтубеков сразу нанюхает, куда ветер дует, – вспомнил Федя и побледнел.

– Бахтубеков?.. – как на риф, наткнулся доктор.

– Да бросьте вы кошмары нагнетать! Нашли фигуру! Слава богу, он всего лишь завком, а не первый секретарь райкома! – успокоил Аполлон. – Да я ему так мозги запудрю, что он ещё всех удивит.

– Правильно! – обрадовался Абрам Моисеевич. – Организуем боевой отряд жуликов и – рылом вперед! Жулик, он, брат, такой инициативный и творческий, что только держись! Нет, правда, Ньюма, это же совершенно гениально. Я их лично поведу!

– Ну-ну, давай... – успокаиваясь, буркнул доктор. – Ты хотя бы помоги мне сначала, а потом дуй в Израиль, то бишь в Швейцарию. Я слова не скажу против.

– Слава Богу! Наконец-то!

– Товарищи! – вдруг торжественно и с дрожью в голосе почти продекламировал Федя. – У меня такое ощущение, какого никогда... никогда не было...

– Жениться тебе надо! – чуть было не сказал Абрам Моисеевич, но промолчал.

– Давайте выпьем... ну хотя бы по стакану чая! За то, что свела нас судьба и нам так хорошо от этого. Я прочту! Я хочу прочесть! Я первую часть в психдоме написал. Депрессивную. А вот теперь... Нет, я прочту всё с начала:

Света! Темно! Солнца круг, как в дыму!

Где оно? Не видать...

Кто меня тянет в бездонную тьму?

Кто хочет жизнь отнять?..
Сердце схватила стальная рука –
Давит его и жмёт.
Миг растянулся в немые века...
Душно! В ушах поёт!
Синь – высока. Горизонт – далеко.
Воздуха – хоть глоток!
Боже мой, как умирать нелегко!
Как быстротечен наш срок!
Врешь, буду жить! Я не всё вам сказал.
Главное – впереди!
Кто это там меня трупом назвал?
Ближе ко мне подойди!
Плюну в твои я слепые глаза!
Ты их протри и смотри!
Видишь – там в небе моя бирюза.
Ну-ка, попробуй – сотри!
Видишь – там солнце горит в бирюзе.
То горит сердце моё.
В сторону тьму! Тьму люблю я в грозе.
Врёт заключение твоё!

Все молча потянулись к самовару.

Калитка хлопнула, и в беседку вбежал Бахыт – методист по спорту завода.

– Пожар! – выкрикнул он. – Ваш сарай горит! Я на машине! Живо! Живо!..

ВСЁ ТЕЧЁТ – ВСЁ ИЗ МЕНЯ!

Люди любят то, что доставляет им удовольствие. Большая часть любит искусство, детей и то, от чего они заводятся... и многое другое. Другая, гораздо меньшая часть, любит склоки, драки, муки ближних и всякие подобные штуки. И если первые вызывают симпатию, а вторые – наоборот, то третьи – только недоумение. Это те, совсем уже немногие, которые находят удовольствие в самоистязании и истязании их самих ближними. Автору даже кажется, что первые убеждённые злодеи возникли из сострадания к этим третьим. Ну, как доброй душе не подарить хоть капельку радости жаждущему и стенающему! Вот и получилось, что пущенное на самотёк добро обратилось в зло, и мир поделился на чёрное, белое и психиатрическое...

Бахыт Ермакович Султанбаев к третьей категории не относился. Не относился он и ко второй. Значит... Да-да, конечно к первой! И, в частности, в основном – к пунктику «От чего они, то бишь детки, заводятся». Дело, как говорится, благородное и, безусловно, альтруистическое. Приятное, доложу вам, дело, особенно если силы есть. А этого добра у спортработников – сами понимаете... К старости, оно конечно, и облысение, и обленение, и ожирение, и «пол-шестого», но пока...

– Пока кой чем ещё горим, пока сердца для кайфа живы, мой друг, красоткам посвятим телес конкретные порывы! – декламировал своим друзьям и знакомым Султанбаев.

Это, сами понимаете, уже не Пушкин, но еще и не Смирнов. Кто такой Смирнов? О, их много, и все – члены каких-нибудь Союзов. И все божатся, что их фамилии произошли от слов «с миром», а не от команды «Смирно!». Знакомству с одним из этих «миролюбцев» и посвящён данный эпизод, и мы встретимся с ним попозже, а пока – несколько штрихов к портрету Бахыта Ермаковича.

Спорт – это примерно такая же кормушка, как ГАИ и вырезвитель. Корсарам от внутренних органов, конечно, проще. Спел лермонтовское «Выхожу один я на дорогу» – и сотенка в кармане. Но и флибустьеры от спорта тоже не дремлют. Тем более, что песенка у них будет и попроще, и пошире – «Нынче здесь – завтра там!». Те, кто бьют рекорды, надрывая свои пупы, и не ведают, какие денежные Арагвы кипят и пенятся вокруг них – и оседают, и оседают в карманах у добродушных и серьезных, игривых и респектабельных и ещё каких хотите спортсменов-функционеров. Матёрые – так те вообще уже грабят и фарцуют молча, насупив брови. Они скорее относятся к третьей категории, то бишь к психиатрической, но кому от этого легче?

Так вот, Султанбаев еще не облысел ни морально, ни физически, и потому тянул в свой карман «честно» – и только для девочек, и только для них. И машину-то он приобрел оригинальной конструкции у самодельщика, правильно веря, что девочки в неё будут впархивать охотнее, и квартиру, забитую импортными мебелью (это не ту, в которой жил, и

тоже забитую, а ту, что для него и его друзей и товарищей являлась дворцом левых бракосочетаний), и жену покорную и безропотную. Впрочем, жену он не купил, а взял у Бахтубекова как залог их нерасторжимой дружбы и полного взаимопонимания.

Королевское родство!

Бахтубеков был тестем Султанбаева!

Доставив наших героев к месту происшествия, Бахыт даже не взглянул на горящий сарай, в котором хранился реквизит и прочий театральный хлам. Озаряемый всполохами пламени, он поспешил в кинобудку клуба, где вынужден был оставить двух прелестниц на попечение инвалида второй группы киномеханика Серёги, лишённого по пьяни одной нижней конечности. И пока наши герои помогали пожарникам разгрести то, что осталось от декораций и бутафории, Ермекович бил морду инвалиду, похоть которого оказалась балла на три выше Султанбаевской по шкале землетрясений Рихтера. Прелестницы же, как ни в чём не бывало, облачались в свои нижние доспехи и с нежностью поглядывали на отстёгнутую ногу сексуального пирата.

Неизвестно, чем бы закончилась эта межконкурентная борьба, если бы в кинобудку не постучался Смирнов. Тот самый, который член одного из Союзов и в частности – Союза писателей, и секретарь общества трезвости той же конторы. Прервав массаж лица напарника, Султанбаев открыл дверь. Прелестницы тут же выпорхнули и, гремя каблучками, побежали вниз, на ходу обмениваясь впечатлениями и повизгивая от восторга. Смирнов же только цокнул им вслед и, сверкнув огненными белками глаз, извлёк из кармана бутылку.

На некоторое время в кинобудке воцарилась деловая тишина и мир...

Иван Смирнов был личностью весьма выпирающей из общего ряда подобных. По неточным сведениям, а вернее – просто со слов самого героя, в одном из миномётных шквалов наших частей, перепутавших азимут или что-то там ещё, ему осколком мины шваркнуло по темечку, после чего он понял, что жизнь если и игра, то довольно опасная, и в ней если сам чего не урвёшь, то тебя урвут. И хотя после госпиталя он возвратился к боевым действиям, но уже в то время они начали давать некоторый крен, что не помешало ему в конце жизни стать ветераном Великой Отечественной войны и с великим нахальством и шустростью пользоваться всеми вытекающими отсюда привилегиями и почестями.

Впрочем, основания на эту шустрость были действительно заложены ещё во времена боевой молодости. Тогда, на коротких остановках эшелона, идущего на фронт, Смирнов выскакивал на перрон с кусками динамита, обмазанного мылом, и менял этот весьма необходимый в хозяйстве инвентарь на продукты питания. Как благодарные тыловые старушки им мылились, можно только представить, но можно и надеяться, что в печку сей продукт «стукнутой» фантазии будущего знаменитого русского поэта Казахстана не попадал и ножом или топором его не делили на недельные кусочки.

Однако пытливый травмированный ум на этом не остановился. Когда где-то на польских или чехословацких, а может быть, и уже германских полях Ваня обнаружил совершенно целый фаустпатрон, то не замедлил испытать его, предварительно попросив товарища отойти за спину, дабы ничего не случилось. Патрон благополучно сработал, и со Смирновым ничего

не случилось. Правда, товарищ лишился глаз и лицо его приобрело вид мочёного яблока, но хорошо, что жив остался!

Так решил трибунал в первый раз!

И лишь во второй, когда Ване поручили препроводить пленных в часть и он, горячая голова, не смог этого сделать до конца, а разрядил автомат в безоружных где-то на полпути, трибунал задумался и лишил его какого-то звания, оставив, однако, в действующих частях.

Теперь Ваня был осторожнее, и, если мысли под темечком всё-таки начинали постукивать, он брал карандаш или ручку и облекал их во вполне удобоваримую стихотворную, и если оплачиваемую, то очень цензурную форму.

Многообещающая молодость – не так ли? Тем более, что в последний раз во время войны родной осколок не дал обуздать себя в уже поверженной цитадели фашистского Рейха. Там Ваня, на пару с товарищем, привязался к двум местным “курочкам” и напоролся на конкурентов-французов. Ломовые приёмы ухаживания “стукнутого” уроженца Смоленщины не шли ни в какое сравнение с деликатной обворожительностью потомков д’Артаньяна и Арамиса, и Смирнов не нашёл ничего лучшего, чем лесину от забора, которой и проломил лоб одному из союзников на поле брани, но только не в любви.

Из соображений скорее политических, чем справедливых, начальство решило замять и этот инцидент и отослало «героя» от греха подальше. Но опять не в места не столь отдаленные. И поскольку теперь наступил мир, а темечко всё же ныло, то Ваня строчил стихи одно за другим и так энергично их проталкивал, что даже знаменитый Михил Аркадьевич Светлов не смог отвязаться от него иначе, как следующей эпитафией:

Открыл я Пушкина – увы, не ново!

Все это есть у нашего Смирнова!

И как у классика не дрогнула рука –

Обворовать такого бедняка!

С Пушкиным сравнили! И кто? Сам Светлов! После этого не стать членом Союза писателей было бы по меньшей мере оскорбительным.

И Смирнов стал им.

Членом Союза то есть, а не человеком...

На одной из встреч с читателями, которые до этого и не предполагали о существовании такого ископаемого поэтического гиганта, его спросили:

– Какую бы книгу вы взяли на необитаемый остров, если бы вам пришлось отбывать там двадцать лет?

– «Остров сокровищ!» – не моргнув глазом и не задумавшись ни на секунду, тут же ответил поэт.

– Почему? – опять спросили то ли пионеры, то ли пенсионеры.

– Я бы рылся! – пояснил поэт и повёл вокруг сорокаградусными очами.

Уже к этому времени Смирнов пил по-чёрному!..

Когда же на другой встрече, но уже с кондитерами, один из пятисот с жутким гаком членов Союза писателей Казахстана из числа аборигенов представил его как гениального русского переводчика-пульверизатора казахской поэзии (имелось в виду «популяризатор») и женщины ухватились от смеха за свои кондитерские животы, он опять повёл своими сорокаградусными очами и прорычал:

– Я их всех переведу! Как тараканов!

Ну что можно сказать? Шовинизм и явно не созидательного уровня агрессивность Смирнова были очевидны. Как и был очевиден ярый шовинизм гордости казахской литературы... ну, скажем, Бейгали Туртанбаева, памятник которому, похоже, отольют в бронзе и поставят в одном из самых козырных мест Алма-Аты.

Надо отметить, что подобные субъекты гордо называют вышперечисленные качества чувством национального достоинства, но это не более чем грим. Тут автор полностью согласен с Аполлоном, сказавшим, что у людей может быть или не быть только одно достоинство – ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ! И будут потомкам парить мозги добротой этих “надчеловеков”, их глобальностью мышления и человеколюбия, хотя при жизни в них доминировали лишь мания величия со спесью, хамство замешанное на злобном тестостероне и характерный для большинства “верхних” писателей махровый проституционизм.

К чему здесь Бейгали, спросите вы? А к тому, что он был первым защитником и покровителем Смирнова, ибо одного поля ягоды на одном поле произрастать и обязаны. И они росли. Каждый на своем кусте, но на одной ниве...

– Хотите загадку, бродяги? – спросил Смирнов, когда бутылка почти опустела.

– Да-вай! – миролюбиво икнул Бахыт и откинулся на подобие кушетки.

И Ваня начал:

Кто стучится в Мавзолей

С раскладушкой своей?

Он и маршал, и герой,

И писатель молодой...

– Чёрт его знает! – выругался Серёга. – Бейгали твой, что ли?

Инвалид уже с минуту безуспешно пытался приладить культю к деревяшке.

– Темнота! – победно прищурился Смирнов и продолжил:

Брови чёрные, густые,

Речи длинные, пустые...

– Я, пожалуй, пойду... – сказал Бахыт и сел.

Он понял, кто это...

– Подожди, подожди! – задержал спортсмена Ваня и, хохотнув, назидательно закончил:

Кто даст правильный ответ,

Тот получит десять лет!

– Сам написал? – сдавленно проговорил Бахыт и начал собираться.

Он давно знал Смирнова и, сильно подозревая, что тот провокатор и секретный осведомитель, держал себя с ним очень осторожно. «Если девушка красива и в постеле горяча, это личная заслуга Леонида Ильича!», так и вертелось на языке, но, слава богу, не вырвалось. Тем более что дальше закрутилось в голове ещё более крутое: «Поменяли хулигана на Луиса Корвалана. Где б найти такую блядь, чтоб на Лёньку поменять!».

– Эх вы... гегемоны! – вместо ответа выругался поэт.

Вылив в стакан оставшееся в бутылки и одни залпом выпив, он как-то по-особенному прищурился.

– Ну, этого-то вы угадаете. Этот ваш:

Никем не узнан и не признан,

Бродил по улицам, как тень.

И занимался онанизмом

В Международный женский день!

– Кто? А? Ну-ка, ну-ка!..

Собутыльники молчали. Хотя они были далеко не ангелы, но Федю уважали. И Смирнов это почувствовал. Он даже заскрежетал зубами от зависти. Уже давно его самого только терпели и боялись.

В это время на улице ахнуло так, что намертво привинченные к полу кинопроекторы звякнули, и все трое выскочили из кинобудки. Нет, не тушить пожар или спасти людей! Просто Алма-Ата – город сейсмичный. В горячке Серёга даже не заметил, что он без деревяшки, и лишь увидев, что землетрясения нет, начал проседать на воздушное пространство под культёй. В сарае же просто взорвалась канистра с каким-то горючим содержимым, и столб пламени взвился до верхушек тополей. На счастье мерзавцев, ветер дул от Дома культуры, да и пожарники работали на совесть...

Уже когда всё было потушено и лишь сизые сигаретные дымки зевак возбуждали беспокойство сворачивающих шланги бойцов, Апполон и Федя, изрядно закопчённые, подошли к легковушке. Только теперь Федя заметил, что автомобиль, в котором они были доставлены к пожарищу, – самоделка без номера и техталона.

Вокруг машины с тряпкой в руке суетился Бахыт. Он явно уворачивался от назойливого Смирнова, который покачивался рядом. По-видимому, к этому времени в кровь поэта начали поступать последние критические порции алкоголя, так как прямо на глазах с ним происходили характерные не только для его творческой личности метаморфозы. Сначала он сменил окраску – из нормального стал багрово-лиловым. Потом губы обметала отвратительного вида корка. И уже после этого послышалось первое «Пф!», сопровождаемое игривым пощёлкиванием и бормотанием.

– За что «Кота» зарезали, сволочи? – вдруг тихо, но очень внятно сказал он. – «Полкана» взяли, а «Кота»? «Кота» почему зарезали? Пф!.. Ну чем... Чем он хуже?

– Чего это он? – недоумённо спросил Федя.

– Очередной перевод сборника стихов для детей к изданию готовит, – ответил Апполон, который пытался в последнее время пристроить с помощью Вани хоть что-то из Федино фонда.

Только на днях он понял, что это абсолютно бесполезно и всё краснобайство поэта о его железных знакомствах с тем-то и с тем-то существует только для него самого.

– Ну, ладно, зверина! – зарычал вдруг Смирнов. – Сунься ты ко мне со своим «Одуванчиком»! Я тебе так его отделаю!..

– А это он про кого? – опять спросил Федя.

– Про конкурента, наверное, – усмехнулся Аполлон. – Эти члены Союзов только и делают, что жрут друг друга. Не в глаза, конечно. В глаза друг другу – сплошные дифирамбы и виляния задами.

– А как у меня лягушка квакает, а? – так же ни к кому не обращаясь, продолжил Смирнов. – «Дайте в луже умереть!» А про котика? “Выгнув спинку, словно мостик, он стоит, поднявши хвостик!” Классика!

После этого взрыва восторга из Смирнова посыпались сплошные «Пф!» и пощёлкивания, и он куда-то ушёл.

– Крепко на ногах стоит! – удивился гений.

– Ну, такие знают, чё почём, – вступил в разговор вынырнувший из-за машины Бахыт. – Аполлон Александрович, как договорились – машина на месяц ваша! Ремонтируйте её, делайте с ней что хотите, но чтобы номер и всё остальное к моему приезду были. Я сегодня уже тяпнул, так что вот ключи и доверенность. А я пойду вещички собирать. Ох и командировочка предстоит! Супер!.. Охота! Рыбалка! Девочки!.. “Были сборы недолги! От Кубани до Волги мы коней поднимали в поход!..”

– На чёрта тебе эта консервная банка? Своих дел невпроворот, – сказал Федя, когда Бахыт прыгнул на проезжающий мимо автокар и укатил в недра завода.

– Нереализованная мечта юности! – хлопнул по капоту директор. – Покопаюсь... Тем более в такой оригинальной конструкции. А потом, разобьется наш физкультурник на ней при первой же скоростной нагрузке. А он, как-никак, зять Бахтубекова.

– А-а, – понимающе протянул Федя. – Кто же этот шедевр лепил?

– А кто их на вашем заводе лепил в своё время? Митрич!

– А что, техничный мужик. С искрой!

– Был! Спился! В этом шедевре его только на дизайн и хватило.

Что правда, то правда – дизайн был. Конечно, в одном боку самоделки ребрилась вмятина, а бампер вообще отсутствовал, но это было как-то мало заметно. Каким-то чудным образом даже дефекты гармонировали с летящими линиями автомобиля.

– Похоже, что болты плохо затянуты, – продолжал Аполлон. – Слышал, как дребезжало, когда мы сюда ехали?

– Не-а.

– Ну, ясно. Не до того было. О! Меня наши старейшины зовут акт подписывать. Ты, пока люди не разбежались, напомни им, что сегодня в клубе диспут. Там, кстати, и пощупаем их демократическую мышцу.

Федя направился к группе людей складывающих пожарные принадлежности и вдруг чуть было не сшиб Смирнова. Только что не подняв ногу, тот брызгал на угол Дома культуры.

– Смирнов, тут же люди! – попробовал урезонить поэта гений.

– Где? Не вижу! – мрачно повёл очами действительный член Союза писателей. – Ты проходи, проходи, вундеркинд! Всё течёт – всё из меня!..

ЦИРК! ЦИРК! ЦИРК!

Вечером был диспут на тему «Свобода – право свободного выбора и личная ответственность!».

С большим трудом нашим героям удалось разрушить сразу заработавшую механику атмосферы собрания, но дальше этого дело не пошло. Практически у всех демократия была защёлкнута на мёртвые заржавелые предохранители. Одна молодежь, по стечению обстоятельств немногочисленная, пыталась о чём-то кричать, но её забивали слишком зрелые беспепелляционные голоса. Были даже такие, которые призывали к палочному сталинскому счастью.

– Сильной руки на вас нет! – кричали они. – По струночке бы ходили!

– Ноль в ноль! – отвечала молодёжь.

Театр поэзии во главе с Ким тоже сидел в зале, но молчал всем своим составом.

– Эти только при шестидесяти процентах зашевелятся, – с досадой говорил Аполлон Феде, на что тот лишь лихорадочно отвечал:

– Но зато как!..

И как бы в подтверждение слов гения на сцену поднялся Розенцвайг.

– Подождите кричать, – сказал он в микрофон и поднял руку. – Уже бог знает когда умные люди на Востоке поняли, что всякое насилие противно природе. Так?

Театр поэзии согласно закивал.

– На каком Востоке? На среднем, дальнем или том, что поближе? – раздался из зала ядовитый выкрик доктора.

– Зря язвите, Наум Аркадьевич! – невозмутимо ответил Григорий Альфонсович. – На том самом, откуда всё пошло! Экс Ориэнто люкс! С Востока свет! Так вот, там же люди впервые и поняли, что на страхе счастья не построишь. А некоторые тут – Сталин, Сталин! Самая опасная эмоция для всего живого – это страх, страх и ещё раз страх. И тем более бесконечный и панический. Разве я не прав?

– Да прав-то прав, но при чём тут Восток? Тем более, что есть версия, что всё пошло из Африки, а не оттуда, – удивился доктор.

– Каждый сверчок должен знать свой шесток... – сдерживаясь, начал Григорий Альфонсович, но вдруг налился кровью и, давась от распирающего возмущения, выкрикнул: – А вы, между прочим, уважаемый доктор, – Иуда Искарот! Вы продали свою нацию избранных мучеников и работаете на всякий безродный сброд! И этот ваш фашиствующий подонок... Он отщепенец, который морочит честным людям голову тем, что уедет, а сам наверняка является провокатором-кегебешником! Там, в лагерях, его и завербовали! Только такие и выживали там!

– Кто?.. Я?.. Меня?.. – взревел Абрам Моисеевич.

– Ты, продажная шкура! – вскочил Яков Шеевич. – Знаю я тебя! Сексот! Мне о тебе рассказывали!

– Ой, вей! Бей жидов – спасай евреев! – ещё громче взревел Абрам Моисеевич, и никто не успел и глазом моргнуть, как кандидат в эмигранты оказался около боксёра, где сразу же и получил...

Все вскочили.

– Вот она – ваша хваленая демократия! – наперебой кричало большинство, пока меньшинство разнимало дерущихся. – Вот оно – право свободного выбора!..

И долго-долго продолжался этот позор, и Аполлон изумлялся той быстроте, с которой даже проблеск разума переливался из одного сосуда в другой и всё рушилось.

Уже поздно вечером, когда вся великолепная четвёрка села в самоделку и, бренча и поскрипывая, покатила к своим домам, горячее обсуждение неудавшегося диспута как-то незаметно перешло в разговор о вере.

– Лучше вера в Бога, чем вот такое уродство! – кричал распалённый Абрам Моисеевич и осторожно трогал распухшее веко.

– Ну, это самое лучшее и надёжное, что есть на этом свете, – отвечал доктор. – И если бы не было изначального вселенского смысла, цели и Бога, то мы должны бы были создать их. Чтобы было сознанию на что опереться, когда уже не на что больше. Да даже для того же простого интереса нужно было бы это сделать. Это же ужас как любопытно, а значит – вкусно. Многие так и делают. И спекулируют! Любой верой кто-нибудь да спекулирует. А уж навязывают сплошь и рядом. Ты сам, кстати, об этом говорил.

– Ну и что? Что с того? Какое мне дело до того, какая рожа у врача? Лишь бы вылечил!

– О-ох! Не знаю, не знаю... Иногда в парадоксах обнаруживается такая логика... Вполне возможно, что когда-нибудь науки и религии возьмут друг друга под ручки и начнут такие краковяки отплясывать... Если, конечно, каждая перестанет доказывать с пеной у рта, что только она – верная, а все остальные – неверные.

– Ну, правильно! – поддержал доктора Федя.

...На коленях, кроткий и смиренный,

Пред толпою нищих – царь вселенной! –

Бог! великий Бог лежал в пыли!

– Смотри-ка ты, что цитируют! Где это вы вычитали?

– Здравствуйте! Ты же сам нам этот шедевр у “Целинного” наяривал?

– Я? – удивился Наум Аркадьевич.

– Ну да! – нехорошо холодея, подтвердил Аполлон. – Это когда вы из Фрунзе через Алма-Ату транзитом в Москву летели.

– Чего ради! Зачем через Алма-Ату, когда у меня был билет на прямой рейс. Абрам что-то мне говорил, но я не обратил внимания...

Абрам Моисеевич только развёл руками.

– Да вы шутите! – догадался доктор.

– Мы? – в голос сказали друзья, и Наум Аркадьевич сразу вспомнил, что он врач, а ребята не совсем здоровы.

– Ну, ладно, пусть будет по-вашему, – психотерапевтически мягко и осторожно сказал он. – Тем более что стихотворение есть такое у Мережковского. ”Сакья-Муни” называется. Вообще-то этот перелёт был какой-то странный. Какой-то провал в памяти. То ли от стресса это, то ли от выпитого. Накачал меня коллега на радостях от встречи... Пил, пил – как сладкий сок. Просыпаюсь – а под крылом Москва. Вот что помню, так это точно! Он говорил, что у этого напитка великое будущее. Приготовлен по каким-то чуть ли не инопланетным древнейшим рецептам. Модные сказки, конечно, но кто его знает...

– Вот именно! – успокоился Федя. – Такие чудеса в последнее время случаются, что того и гляди, наступит великая эра прозрения и спасения. И окажется, что и тот свет есть, и ещё

бесчисленное количество других, и все они являются началом и концом друг друга, и потому совсем не всё равно – разрушаешь ты или создаешь. И эти тарелочки затем и летают, что пытаются хоть как-то скорректировать наши безобразия, которые всем мешают.

– А религиозные храмы и святыни станут телефонными будками вселенной, – уже тоже спокойно усмехнулся Абрам Моисеевич.

– Вполне возможно, – опять очень серьезно и так же растерянно сказал Наум Аркадьевич. – Вполне возможно, что и сейчас они являются таковыми. Только, скорее всего, каждый из нас – и приёмник, и передатчик. Был провал в памяти. Был!.. Я вообще-то, действительно, обычно всегда в Москву из Алма-Аты летаю. И традиция у меня такая – в кино перед отлётом ходить. А во Фрунзе я вроде бы в кино не ходил...

– Ну вот! – уже совершенно обрадовался Федя. – В чудеса надо верить, несмотря ни на что! И если каждый из нас и приёмник и передатчик, то, значит, надо искать веру в себе, а не где-то снаружи. Да ещё, не дай бог, в толпе. Я тут подытожил на днях кое-какие наши шатания...

– Есть рассказ? – жадно спросил Аполлон, отгоняя последние тревожные мысли о том памятном дне, когда он и Федя встретили Наума Аркадьевича у Никольской церкви и кинотеатра.

– Ещё бы! Вот... – ответил гений и зашелестел бумажками.

– Читай! – приказал директор и включил освещение в салоне.

– Пожалуйста! *«Всё началось с того, что администратор Вася вместо положенного мясного рациона показал льву Чандру одно место, к которому, тот и приложился»*, – начал Федя, и тут же в моторе что-то застучало.

Аполлон резко остановил машину, и двигатель умолк.

– Веселенькое начало! – сказал герой и полез поднимать капот. – Читай, читай! Мне слышно...

Наум Аркадьевич и Абрам Моисеевич глядели на Федю с любопытством. А так как, ввиду отсутствия документов на машину, маршрут к домику доктора пролегал по тишайшим периферийным улицам, то стало слышно даже весеннее бормотание приканавных лягушек.

– Тогда я ещё раз... сначала... – сказал Федя и пристроился поближе к лампочке.

– Да читай, читай! – раздалось из-под капота.

И Федя продолжил:

ЦИРК! ЦИРК! ЦИРК!

Всё началось с того, что администратор Вася, вместо положенного мясного рациона показал льву Чандру одно место, к которому тот и приложился. Решётка не позволила льву взяться за дело как следует, но и того, что было, оказалось достаточно – Вася стал верующим.

– Тарелки! Летающие тарелки! – говорил он всем радостно. – Каждый шаг, каждый вздох контролируют. Какое счастье! И вообще, мы только лишь звено во вселенской цепи. С шансом, конечно. Да ещё с каким! Не реализовал, не использовал шанс – опять рождайся, опять пробивайся. Использовал – тю-тю в надзвёздные края. Ах, как хорошо!..

– Брось ты своих инопланетян приبلудных! Вавочку лечи! – пробовал остудить Васю инспектор манежа по кличке Ионыч.

Вася только укоризненно хмыкал:

– Библейское прозвище носишь, а тленом от тебя разит... Люди за веру на костры... на смерть... Хотя бы для блезиру во что-то поверил. Ох, не гореть тебе ни в аду, ни в раю. Ещё раз родишься инспектором.

– Что ты! – отшатывался Ионыч. – Изыдь!

И Вася шёл к вольнодумцу-профессионалу – клоуну Жоре.

– Под колпаком мы все! – сразу напал он на клоуна.

– Знаю, – равнодушно соглашался тот. – Иной раз как ляпнешь, так три дня трясешься. Потом думаешь – с чего бы? Сказал-то – тьфу!

– Да что твой колпак? На дурака!..

– И твой на дурака! Колпак под колпаком, под колпаком колпак! – смеялся Жора и тут же начинал сучить из ушей Васи свою дежурную бумажную лапу.

– Приземлённые вы все какие-то... Тяглом затасканные... – обижался верующий.

И было бы так всегда, если бы в цирк не пришёл новый жонглёр Коля. Тот сразу же повёл верующего в церковь.

– Смотри! – сказал Коля и ткнул перстом в фреску. – Вот один из них. Вот он – пришелец!

Обманчиво пролетарский вид распятого в конце концов Христа никогда не конкурировал с честно непролетарским видом всегда здравствующего Саваофа. Осунувшееся измождённое лицо мученика и шибко неприглядные на распятии мышцы не внушали мирянам

достаточного доверия ещё в те стародавние времена. И теперь, даже после длительной и почти убедившей Васю лекции о его сверхъестественности, впечатление не улучшилось.

– Бедный Христос! – думал администратор. – И кой чёрт понёс его на землю, где с продовольственным вопросом всегда было туго. Энтузиаст, – он глаголил на всю катушку! И что же? Распяли! И кто же? Свои!..

Последние фразы Вася машинально проговорил вслух.

– Какие свои? – подпрыгнул Коля. – Он же инопланетянин! Понимаешь? Совершенно чуждая нам сверхцивилизация! Смотри! Вот тут – в углу что изображено?

– Облако...

– Правильно! Правильно! При ясном небе, ярком солнце и в виде тарелки...

Вася обомлел.

Коля же схватил его и потащил...

А к вечеру представил апостолам.

– Еще один верующий, но не до конца, – сказал Коля и растворился в магической полутьме мерцающего от свечек помещения.

– Дитё! – рыкнул один из апостолов. – Да я лично от фары НЛО прикуривал!

– Известку надо есть! Известку! Тогда точно увидишь! – поддержала его девица с базедовыми глазками.

– Круг! Магический кру-у-г! – тоненько проблеял кто-то.

Все сели в круг.

Вася – тоже!

– Все взяли за руки-и, – неожиданно замогильно низко заговорил ещё кто-то. – Закрыли глаза-а...

Администратор подчинился и... увидел небо в алмазах. А среди алмазов – алмаз из алмазов, режущий пространство долгожданный неопознанный объект.

– Ты где работаешь? Где? – донеслось из пространства и, открыв глаза, Вася разглядел какого-то хмыря с жадным взором. – Что у вас есть, а?

– Хищники!

– Почём?

– Пи-иёл!

– Понял...

Хмырь исчез, и Вася опять смежил веки и удивился, когда снова увидел алмаз из алмазов. Чудовищных размеров, переливающийся и всё время меняющий форму, он уже входил в атмосферу Земли...

– «Да будет цирк, да будет смех, да будет сто чудес для всех!..» – услышал администратор у своего уха и вынужден был снова открыть глаза, дабы увидеть Колю.

– Смотри! – сказал тот и показал в центр помещения. – Натурель! Сам проверял!

Какой-то бородатый, усатый и грязноватый усилием воли катал по полу сразу пять шариков от настольного тенниса. Как привязанные за ниточки, шарики выкомаривали такие кренделя, что Вася встрепенулся и его административный ум замаслился.

Однако Коля не замедлил плеснуть холодной водицы.

– По сотне в день загребает врачеванием! – сказал он и опять куда-то исчез.

Шарики прыгали, двое в углу расчерчивали «пулечку», девица с базедовыми глазками, воровато оглядываясь, выдавливала в рот что-то из тюбика – тайная вечеря была в самом разгаре.

Васе стало скучно. Он снова смежил веки и с облегчением вздохнул, когда опять увидел алмаз. Тот набухал и пучился и вдруг, вспыхнув зелёным, начал выплевывать из нутра свои микроскопические копии. Те стремительно разлетались в разные стороны, а одна ринулась прямо на Васю. Это было так ощутимо, что верующий облился холодным потом и вскочил.

Потолок треснул!

Свечи погасли!

В центре комнаты, разбухая прямо на глазах, крутилась шаровая молния.

– НЛО! НЛО! – заверещала «базедовая» и бросилась к шару.

– Дура! – взревел «который прикуривал». – Не двигаться!

Все замерли.

Шаровая молния запрыгала как мячик и... лопнула!

Все попадали на пол.

На месте молнии стоял Христос – вылитый фараон Эхнатон.

– Ну, как? – спросил он администратора, который один остался стоять, потому что верил не до конца. – Как вы тут?

– Ничего... Боремся!.. – ответил Вася.

– Смотри-ка ты! Пять тысяч на исходе – и не надоело! – удивился подозрительный Бог. – Ну и кто кого?

– Похоже, что сами себя...

– Ох, детки вы, детки... – качнул нимбом и терновым венцом Христос-фараон и... растаял.

– Подожди, Господи! Помоги-и!.. – завопил Вася.

– Бог не нянька! – раздалось из трещины в по-толке, и края её медленно сошлись.

Свечи вспыхнули!

В полном ужасе апостолы выползали из помещения.

– Контакт... Контакт... – бормотали они и, как тараканы, разбегались во все стороны.

В помещение вошёл Коля.

– Ну как? – сказал он. – Берёшь номер?

Вася сел.

Взор его потух.

Теперь, когда он поверил до конца, это было слишком.

– Кто тарелку на фреске намалевал? – спросил он хрипло.

– Федька-оформитель, – охотно ответил Коля. – Мастер! А как моя молния? Как моя шаровая молния?

– Натурель, – сухо сказал Вася. – Христа вот только трогать не стоило.

– Стоило, стоило! Главное – эффект! – сказал Коля и засучил из-за пазухи и карманов диодно-триодно-микросхемную лапшу...

– Похоже, похоже... Ещё экземпляры есть? – спросил Аполлон после секундной паузы.

Он уже сидел у руля и крутил на пальце ключи.

– А как же! – ответил гений.

– Давай! Присоединю к личной коллекции истинно литературного мирового фонда.

– На! – Федя протянул другу пять пожёванных листиков. – Неужели понравилось?

– Класс! – щёлкнул пальцами Абрам Моисеевич.

– Непонятно... Ребус какой-то... – откровенно признался доктор.

– И ничего удивительного. Возраст-то у тебя призывной! – не преминул съязвить оппонент.

– Ещё неизвестно, у кого призывной, а у кого нет, – огрызнулся доктор.

– Будущее всех рассудит, – предотвратил новую вспышку дискуссии Аполлон. – Я – за буксиром. Арена великолепна, но фокусов не предвидится.

– Подожди, я тоже пойду, – сказал Абрам Моисеевич и вылез из машины вслед за героем.

Лягушки заквакали ещё громче.

Весенние ветерки щедро разносили одуряющие запахи свежей зелени.

Декорация природы была изумительна...

НАМ БЕЗЗУБЫЕ НУЖНЫ...

Новая авантюра доктора, споткнувшись на диспуте и совсем уже некстати сгоревшем сарае, неожиданно нашла поддержку. И именно в массах... На радостях Наум Аркадьевич даже, казалось, помолодел лет на пятьдесят.

– Сбылась мечта идиота! – периодически выкрикивал он реплику известного всем советским гражданам литературного героя и возбуждённо бегал ночами по двум комнаткам саманухи с ручкой и блокнотом в одной руке и чашкой с кофе в другой.

И писал, и писал тезисы...

Федя и Абрам Моисеевич тоже разгорелись не на шутку. Расположившись в беседке, они, как и эскулап, спали мало. Тем более что, параллельно с идеями и тактическими разработками, из гения так и сыпались литературные перлы.

Возбуждение и напряжение росли в прямом смысле не по дням, а по часам. И если бы не Аполлон, то торжество было бы абсолютным. Герой был единственным из всей компании,

кто, вспыхнув, когда дело стояло на нуле, совершенно остыл, когда лёд, казалось бы, тронулся на всю катушку.

И на это были причины.

И весьма веские!

Не без успеха внедряясь в доверие к завкому, Аполлон сравнительно легко и быстро обнаружил, что авторемонтное объединение одновременно является подпольным заводом по сборке и реализации как будто бы подержанных легковых автомобилей. Рабочие работали, перевыполняли план, а тем временем их негрузовая продукция шла... Куда надо было, туда и шла!

Но лица революционеров сияли, и потому герой продолжал помогать друзьям и даже проявлял инициативу, хотя, в основном, уже две недели всё свободное время копался в автосамоделке.

Смысл опять ускользал и дробился на мелкие сиюминутные полезности...

– Оптимизм уходит с годами и лишь к старости возвращается как маразм, – сказал герой и отошёл от автомобиля. – Ошибка Ньюмы в том, что не только взаимоотношения двигают экономику, но и экономика формирует взаимоотношения. В нашей системе координат, конечно...

– Не трогай деда. На стариков и младенцев нападать – всё человеческое потерять. Хочешь намордоваться – бей меня! Я идеалист и полный идиот, – отозвался Федя, который сидел за беседочным столом и одной рукой выковыривал столовой ложкой из огромной кастрюли крутую, как пельменное тесто, манную кашу, а другой что-то быстро писал и чёркал в огромной общей тетради.

– Похоже... Очень похоже! Только сначала я врежу себе, – Аполлон сел в гамак и начал тщательно протирать руки ветошью. – Подумай только – физически здоровый энергичный неуродливый мужчина, не бездарный и даже несколько раз дипломированный, вместо того, чтобы услаждаться биополем избранных красавиц, пить вкусное вино, есть изысканную, экологически здоровую пищу, плавать в бассейне или в море, играть в большой теннис или кататься на горных лыжах, и делать, делать деньги, занимается чёрт-те чем в чёрте каком заштатном свиарнике культуры. Ну не противостоестественно ли это?

– Ничуть! Диоген вообще за смыслом в бочку полез.

– А мы, похоже, в бутылку. Вот закупорят нас и вышвырнут на помойку. Что ты пишешь и пишешь? Пробивать надо. Пробивать!

– Тут уж что-то одно – или пробивать, или писать. И потом, ты же пробовал. И что?

– Твой «Цирк» через три месяца в «Шмеле» напечатают. Да ещё и с твоей фотографией .

– Да ну? Удалось!

Федя изумлённо выпрямился.

- Удалось, и без особой натуги при теперешней моей спортивной злости. Притворился червяком и пролез. В вашей червивой Алма-Ате только нематодам и шиковать!

– Можно подумать, что в Москве или Тбилиси шикают Дон-Кихоты.

– И то правда. Везде одно и тоже...

– Вот! Только процентные соотношения разные. – Ньюма когда появится?

– К вечеру. Слушай, неужели так и приняли – без поправок? Неужели «одно место» пропустили?

– А как же! Они же сами только его и показывают таким львам, как ты. Я предлагал вместо него «фигу» – не захотели. Это, говорят, не политика. Это можно. Это – то самое! Это самый главный их партийный аргумент, и показывать его не грех, а достоинство и привелегия. А когда я ещё и на их глазах кое-что подрезал, то даже зауважали. Своего брата-борзописца почуяли.

– Как? Я же говорил, что категорически против любых обрезаний. Что дано Богом – свято! И никаких жертв ему не надо!

– А созидательность?

– Это – да! Но в остальном ты против Бога во мне не особенно поднимайся!

– Ну, брат, если бы я не подрезал, то тогда тебе и твоему голографическому корешу – бесконечное одиночество в полной неизвестности. Скажи спасибо, что главные мысли сохранил, а то эти коновалы подкастрировали бы по самое «не могу!». А там есть зерно, есть... Открываю дверь, – звяк! Бум! Это редактор полупустую бутылку водки и стакан под стол прячет. Вот, говорю, принёс доброе, умное, вечное! «Не надо!», отвечает, «У нас есть!». И машинально – звяк! Ногой по стакану и бутылке...

– А почему «Цирк»? Чего?..

– Отчего? Почему? Догадайся – почему! Во-первых, потому, что про нас. А во-вторых, я же тебе уже сказал – зерно есть. Да брось ты так волноваться – не роман же взяли, не пьесу! А рассказ этот... «Не реализовал, не использовал шанс – опять рождайся, опять пробивайся. Использовал – тютю в надзвёздные края». Готовься! Твой шанс я реализовал на всю катушку!

Аполлон поджал ноги и, качнув гамак, продекламировал:

Так прожить, чтоб в памяти остался!

Чтоб в горький час ухода твоего

Не от тебя наш мир освобождался,

А ты освободился от него!

– Точно!

– Ещё бы!

Аполлон еще раз качнул гамак и встал.

– Я сегодня уже не увижу деда, так ты скажи ему, чтобы он не ругался с начальниками цехов и не предлагал им добровольно уступить на время своё место выборным кадрам. У них реальный план и какой ни есть, но профессионализм, а у него пока только благие пожелания. Да что ты тут пишешь?

– Письмо. В редакцию.

– В какую редакцию?

– В “Крокодил”!

– Так я же всё взял на себя! Ты мой хлеб не отбирай! Ну-ка, ну-ка – что там?.. «...Уважаемый смертный член Союза писателей или журналистов! А может, художников! А может быть, композиторов или ещё чего подобного. Смешно и грустно мне, бессмертному не члену любых Союзов, лицезреть ваши титанические потуги во имя жалкой гонорарной косточки с барского стола лауреатов, кандидатов и прочих титулированных ренегатов. Но бог с вами и вашей параноической убежденностью, что вы на своем месте под луной! Живите на радость вашим близким, знакомым, друзьям и врагам, ведь вам так мало отпущено – только сегодня и только сейчас. «Умрешь – похоронят. Как не жил на свете! Умрешь – и не встанешь к веселью друзей!». Это про вас сказано, про вас! Вы не обиделись? Ну и чудненько! Ваша параноическая убежденность, как всегда, непоколебима. А вот я обиделся. И вообще, у нас, бессмертных, очень развито чувство своей незавершенности, склонности к сомнениям, неуверенности в себе, самокритичности, и прочее, и прочее... Может быть, поэтому мы и бессмертны, что не перестаём ни на мгновение мучаться и вставать поперек изнеженного горла таких смертных, как вы...». Махровый цвет комплекса неполноценности!

– Что ж ты хочешь? Из “Крокодила” на один и тот же рассказ... в разное время посылал... пришли три взаимоисключающие рецензии. В одной: «Есть неплохой стиль, но нет характеров!». В другой: «Весьма остроумны зарисовки характеров, но стиль никуда не годится!». В третьей: «Нет ни характеров, ни стиля!». И уже во всех трёх вместе – во второй части рецензии: «Нет, к большому сожалению, ни идеи, ни авторской задачи, ни связывающей мысли, ни художественности, ни профессионализма!». Так прямо до истерики меня хотели, да вот незадача – ничего у меня нет! А может, они правы? Может я, действительно, бездарь и графоман?

– А как же! Судья у нас всегда прав, даже если он сам преступник! Наслушался сказок! Кто-то принёс рассказ и сразу все – гений, гений! Чем ты талантливее, тем сильнее зависть, неприязнь и отторжение. Причём на подсознательном уровне. Тем более что гений – это почти всегда поперёк общепринятого и цензурного на сегодня. Искренне радуются другому таланту только богоподобные. Такие, извини за убедительную нескромность, как я. Или ты! А нас – раз, два и обчёлся. И в редакторах такие, как мы, редко сидят. Я лично не встречал богоподобных редакторов. Ты, как все гении, – генетически беспризорный, а те, кто результаты твоих уличных мук читают, – прикормленные цепные псы. Не посылай им ничего. Не унижайся! С цепными псами разговор особый. Тебе это не по зубам! Это моё дело! Тут дрессура нужна тонкая и одновременно волевая! И никаких депрессий! Только победа! Да что там говорить? Лучшего литературного, да ещё и дармового агента чем я, тебе не найти! Спрячь свою гавкалку! Не опускайся до их уровня! И пойдём с тобой, да прогуляемся! Да и покушать, честно говоря, пора.

– Бери! – Федя пододвинул кастрюлю.

– Ты бы ещё ведическую травку предложил. Ох уж это ваше антигравитационное питание! Пошли, пошли! Я всё утро в машине копался...

В кафе, расположенном в парке имени двадцати восьми гвардейцев – панфиловцев, трапеза прошла тихо и без интересных событий. Да и качество поданного не сильно отличалось от обжорочного уровня. В довершение ко всему, когда Федя уже допивал компот, а Аполлон разочарованно взирал на свои, слегка тронутые, блюда, на улице грянули истребительные звуки военного марша.

Друзья вышли из кафе.

На небольшой площади перед шедевром православного деревянного зодчества сидел духовой оркестр. Не из трудновоспитуемых Калининского Дома пионеров, но тоже не из интеллектуалов. Безучастные и отрешённые лица полусамодельных музыкантов с сизыми носами наводили на мысль о безвозвратной гибели высокого и седативного духового искусства и процветании визгливого истерического электророкраздражителя.

– Господи, как фальшивят-то! – простонал Аполлон и схватился за зубы.

– А я не чувствую. По-моему – райская музыка! – сыто промолвил Федя и посочувствовал: – Абсолютный слух – горе!

Оркестр заиграл вальс, и Федя совсем раскис.

– Давай посидим... послушаем... – блаженно улыбаясь, сказал он и потянулся к скамейке.

– Ладно... Только для тебя...

Ради справедливости стоит сказать, что вальс звучал стройнее. Но всё равно долго герой не выдержал. Тем более, что в его желудке царилась весьма затянувшаяся скука. Утащив Федю к базару, он купил там пятнадцать палочек шашлыка и, лишь когда сам подкрепился и

доподкрепил друга, то подобрел. Обрато к оркестру он, правда, не вернулся, но зато согласился прогуляться к автомагазину «Тулпар», где Федя уже с месяц безуспешно пытался купить себе велосипед «Турист».

«Туриста» не было и сегодня.

Зато была автомобильная барахолка, и был поэт Смирнов. Неизвестно, каким ветром занесло его сюда, но факт оставался фактом. С очень сосредоточенным видом он ходил между самыми различными, как по маркам, так и по историческому качеству, автомобилями и приценивался. Сегодня Смирнов был ещё трезвый, а потому особенно задиристый.

– О, какой сюрприз! Попасём? – по-мальчишески задорно воскликнул сытый герой. – Наверняка опять мистифицирует. Видишь, какой надутый? Пойдём, пойдём!..

Скрываясь за автомобилями, друзья приблизились. Как раз в это время поэт остановился у голубой, как мечта, машины.

– Почём «Волга»? – спросил он так, что сразу один человек и два кавказца подскочили.

– Двадцать одна тысяча... – полушёпотом ответил человек.

– Восемнадцать! – совершенно профессионально рявкнул поэт.

– Двадцать! – включился в торг человек.

– Открывай капот! – властно приказал поэт, и капот открылся. – Заводи!

Человек влетел в машину, и мотор с полоборота заурчал. Смирнов скосил голову, с минуту послушал и махнул рукой. Человек выключил мотор и выскочил.

– Мотор шалит... Не спорь! У меня уши!..

Человек не спорил. Он только обиженно моргал.

– Телефон есть? – продолжал наступать поэт.

– Есть! – по-солдатски тут же ответил человек и суетливо написал на бумажке номер.

– Кого спрашивать? – не унимался поэт.

– Вадика! – отозвался человек.

Он уже почти совсем обрадовался.

Кавказцы заволновались. Когда Смирнов пошёл дальше, один из них тронул его за рукав и с таким видом, как будто бы только у него машина, а у остальных металолом, сказал:

– Слушай, у меня чёрная «Волга» есть...

– Где? Не вижу! – окрысился Смирнов.

– За углом! – обиженно удивился кавказец.

– Пошли! – тут же сказал поэт и пошёл за угол.

Там второй кавказец уже заводил сверкающую вороную красавицу.

– Не надо! – сказал поэт и ударил ногой по скату. – Машина новая, а скаты старые. Что это за скаты? Как губы старухи!..

Кавказцы закричали.

– Цыть, инородцы! – рявкнул поэт и, словно шпагу, выхватил из кармана красную книжечку с крупной золотой надписью «ПРЕССА».

Торгаши, как быки, уставились на удостоверение и, ворча по-иноземному, отошли.

– Видишь, как действует! – подтолкнул Федю Аполлон. – Никто не хочет связываться. Его даже в вытрезвитель не берут. Как удостоверение в кармане обнаружат, так на машиночке и домой. Он такими книжечками, как депутатскими мандатами, заряжается, прежде чем из дома выйти.

– Здорово ты его изучил! – удивился Федя.

– Ещё бы! И поил, и кормил, и по скверикам водил словно невесту. Уважает меня, подлец!

– Ну, тебя вообще все подлецы уважают.

– Внедряемся... внедряемся...

В это время Ваня как будто бы почуял, что за ним наблюдают. Он резко повернулся и лицом к лицу столкнулся с друзьями. Суровое лицо пятидесятидевятилетнего ветерана алкогольного фронта расплылось в самой наидобрейшей улыбке.

– Какими судьбами... – начал он.

– Да вот увидели великого русского поэта Казахстана и не могли проскочить и не засвидетельствовать... – так же широко улыбаясь, подхватил Аполлон. – Выбираете?

– Ребята! – обрадовался поэт. – Я же ни хрена в этом не смыслю! А этот толстенький-то обрадовался... Покупателя нашёл... Барыга!

– Про что ваяете? – спросил Федя.

– Всё про то же, – пошутил поэт. – Про аромат цветов, про пенью петухов, про выполнение плана.

– Колосится, волосится эта жёлтая пшеница? – не выдержал гений.

– Ох, неудачники, какие же вы злые, – сдержано покачал головой Ваня. – Главное для вас не есть, главное – цокать языком. Ты ещё мальчик мал и глуп и не видал больших залуп! Хочешь, прочту из детского?

И, не дожидаясь согласия, Ваня продекламировал:

А вот перед вами верблюд,

Которого все вокруг бьют!

Скажите, что вы не верблюд!

Тогда, может быть, не побьют?..

– Смирнов, не задевай моего художественного руководителя! – погрозил пальцем Аполлон. – Тем более, что ты же официально признанный великий, а у него весовая категория полной неизвестности.

Снова услышав слово «великий», Смирнов обмяк. – Эх, ребяташки, я же добра хочу. А тут чем больше задницей трясешь, тем меньше получаешь. Диалектика нашей жизни. Лучше послушайте, что я накатал про поэта Балаева!

– Опять! – буркнул Федя.

– Что опять? – подозрительно переспросил Ваня.

– Снова!

– Ну-ну! – сверкнул глазами поэт и, полуобняв Федю, выдал:

О ляжки юных баядерок

Ты трёшь свой жалкий недомерок.

Напрасен этот труд!

Купил бы лучше за пятёрку

На городском базаре тёрку –

Ведь старый хрен о тёрку трут!

– Нормально, дружище!.. На уровне... – смеясь, оценил директор.

Федя поглядел на него и вдруг тоже захохотал так, что Смирнов отшатнулся и в замешательстве пробурчал:

– Да не про меня это... Про Балаева... Я еще, слава богу...

Федя захохотал еще громче.

Всё в природе взаимосвязано, и все, хотя бы они этого или не хотят, друг на друга влияют. Видимо, поэтому после встречи с «великим» поэтом друзья настроились на живую литературную волну. В её закулисных традициях, перебив косточки всем, кто так или иначе попался им на зуб, они уже в который раз слегка повздорили на предмет возможности реализации чего-либо не конъюнктурного. В результате Федя даже решил сам зайти в редакцию и удостовериться, что его рассказ будет напечатан.

Редакция сатирического журнала «Шмель» только что переехала в новое здание, где власть имущие поселили под выборочный микрофонно-жучковый контроль редакции почти всех республиканских газет и журналов. Как и в старом, они выделили этой, якобы самой свободной и объективной в целях выпуска пара редакции, где заместителем главного редактора был секретный сотрудник КГБ, один из отсеков самого верхнего, двенадцатого этажа.

В вестибюле ещё пахло стройматериалами, и лифт работал с капризами. Где-то на уровне пятого этажа он встал, и дверцы не открылись. Это и помирило друзей. Вернее, не это, а присутствие в кабине ещё одного пассажира – худого истасканного мужчины неопределённого возраста с заумным лицом и ниспадающими до самых плеч патлами. Как только лифт встал, мужчина побледнел и бросился к створкам. Со страшной силой дёрнув их, он всунул нос в образовавшуюся щель.

– А-а!.. А-а!.. – жутко застонал мужчина.

Федя отшатнулся.

Аполлон же, наоборот, воспрянул и злорадно ощерился.

– Ты кто? – выкрикнул он. - Редактор?

– Ав... тор... – заплетающимся языком и задыхаясь, вышепнул мужчина и начал сползать на пол.

Аполлон замешкался. Но только на мгновение. В следующую же секунду он снова напряжился и, схватив мужчину за плечи, резким рывком дёрнул вверх и развернул к себе.

Глаза у автора были выпучены и кадык бегал вхолостую.

– Жми кнопку вызова! Это боязнь ограниченного пространства! Клаустрофобия! Сердце лопнет! – выкрикнул герой и, запрокинув, буйную голову уже почти не реагирующего автора, начал хлестать его по щекам, выкрикивая: – Бездарь! Графоман! Шизофреник! Тупица! Маньяк! Фуфло! Тряпка! Дрянь!..

Пощёчины сыпались одна за другой, а кнопка вызова прыгала и опасно проваливалась.

Вдруг мужчина дёрнулся, и Федя приготовился к худшему.

Однако в кабине произошло не то, что можно было бы ожидать.

Раздался звериный рык.

Потом звуки борьбы.

– Мерзавцы! Подлецы! Конъюнктурщики! Продажные шкуры! Подонки! Бездари!.. – выкрикивал уже не аполлоновский голос.

Федю садануло. Потом ещё раз...

– Держи его... Покалечится... – послышался сдавленный голос друга.

Оба вцепились в автора.

– Хр-р... – раздалось где-то сбоку, и створки лифта раскрылись.

В пролёте стояло человек шесть сотрудников одного из редакционных этажей.

– Отпускай! – крикнул Аполлон и, вытолкнув Федю, выскочил из кабины.

Мужчина остался один.

Шумно дыша, он сделал шаг из своего места заключения.

Сотрудники попятились...

Мужчина сделал ещё шаг.

Сотрудники начали комкаться...

Что было дальше, друзья не видели. Они бежали по лестнице вверх.

– Не только тебе дан дар врачевания! – радостно выкрикивал Аполлон в так бегу. – Нам беззубые нужны Салтыковы Щедрины!

– И такие Гоголи, чтобы нас не трогали! – подхватил Федя и остановился.

– Ты что? Ещё пять этажей!

– Да ну их! – махнул рукой гений и понёсся вниз выкрикивая всё громче и радостнее: – Нам беззубые нужны Салтыковы-Щедрины! И такие Гоголи, чтобы нас не трогали! Нам беззубые нужны...

В вестибюль друзья выскочили под ручку.

Изумлённая вахтёрша оторвалась от вязания.

Перед ней, распевая под русскую плясовую вышеназванную фразу, танцевали два добрых молодца.

– Обгонорарились, стервецы, – наконец сообразила вязальщица и продолжила своё конкретно-полезное дело.

ЭХО

Честные люди вспоминают прошлое так, как оно и было (или казалось, что вот только так!), а сволочи – так, как им это выгодно. Так вот, чтобы не попасть ненароком в разряд последних, автор вообще отказался от воспоминаний (ну там чуть-чуть кое-где!). И, думается, правильно сделал. В общем, пишу, как вижу. Сейчас! Сиюминутно! Сиюсекундно! Можно назвать это репортажем с места событий, можно дневником, а можно и ещё как позагвозистее, но суть от этого не изменится. А суть в том, что...

В прекрасном настроении друзья шли по весенним улицам центра Алма-Аты. Некоторое время разговор ещё продолжал виться вокруг притонов редакторского мира, но потом как-то сам собой перешёл к первотолчку сегодняшних дискуссий и событий – к Смирнову и к вероятности покупки им автомобиля.

– У него каждый год по сборнику стихов и переводов издаётся, – говорил Аполлон. – Это как минимум. Если бы он хотя бы на сутки просыхал со своими собутыльниками, то давно бы на «Мерседесе» катался. А вот что значит купить бедному советскому интеллигенту машину, так ты себе и не представляешь. У моих знакомых жена сэкономила каждую копейку. Даже вату дочерям не покупала – заставляла стирать тряпочки. Ходила десять лет в потёртой юбочке, которая от каждодневного глажения стала блестящей и просвечивала. Кормились всей семьей мойвой (мелкая рыбка – сорок копеек за килограмм). Наконец, купили. Казалось бы – радуйся! Ан – нет! Начались мытарства за правами на вождение. Откуда им было знать, что их специально заваливают на вождении – взятку выжимают. Год сдавали! Гаража – нет! Даже стоянка им не маячила. И, ко всему этому, когда права всё таки получили, то при первом же выезде дружно – всей семьёй – врезались в осла, за увечье которого платили компенсацию.

– Ну, это нетипично. Просто невезучие какие-то... – попробовал возразить Федя.

– Типично! Как раз типично для честных, порядочных интеллигентов средней руки, – спокойно возразил директор. – Они и живут в одной комнатухе... Ну, как ты думаешь, сколько человек?

– Четыре.

– Шесть! После смерти хозяйки – пять!

– Да-а... – задумчиво протянул Федя.

– До сих пор только хозяйственным мылом пользуются. Туалетным – ни-ни. Эх ты – зеркало жизни! Хозяйка – та, которая сэкономила, спала в ванне на досках. До тех пор, пока не помёрла от сердечного приступа. С народом надо беседовать, а не с такими, как Смирнов, который только и может, что пускать ветры «жизненной правды». Впрочем, и от таких, как он, иногда кое-что просачивается. Недавно в их писательском Союзе разбирали на партийном бюро писателя, который ткнул вилкой жену в живот. Встал председатель, подумал-подумал и вдруг спрашивает: – Граждане, а жена у него партийная?

– Нет, – отвечают рядовые члены.

– Так о чём нам говорить? – обрадовался председатель. – Вот если бы член партии ткнул члена партии, тогда другое дело...

Федя даже не улыбнулся.

– Распустил бы я их всех, – сказал он мрачно. – Сразу бы стало ясно – кто есть кто и чего он стоит в действительности.

– Философы говорят, что как только они выполняют свою роль, так сразу и самораспустятся.

– Вот и стараются изо всех сил не выполнить, – подвёл черту Федя и предложил: – Давай на троллейбусе несколько остановок прокатимся. Скучные здесь улицы. Шумные. Пыльные...

Если сегодня понедельник – трудовой день для всех нормальных советских людей, то у наших героев – выходной. Это автор сообщает для тех, кто периодически проникается благоговением к патрулям, отлавливающим на просторах и весях городов нашей Родины (в банях, кинотеатрах, парикмахерских, магазинах и чёрт его знает где ещё, с подачи гения КГБ Андропова) нарушителей трудовой дисциплины. Так что имеют наши герои полное юридическое право валандаться в любом направлении. Сегодня! Впрочем, может быть и завтра тоже. Если вечером мероприятие, то утром отгул.

Слышите, идиоты!..

В троллейбусе было светло, чисто и малоллюдно. Однако количество не всегда определяет насыщенность действием. Это и произошло в данном случае. Уже через несколько секунд после появления в салоне героев создалось впечатление, что троллейбус набит до отказа. Что

друзья сделали? Да ничего! Просто вместе с ними в салон вошёл ничем не примечательный внешне мужчина. Вот он-то и всколыхнул эфир. Пронзительно зыркнув по сторонам, мужчина вдруг качнулся и начал цепляться к группке студенческой молодёжи, гогочущей на задней площадке.

– Ну-ка, кто к кому присоединился? Казахстан к России или Россия к Казахстану? – начал он на чистом русском языке.

– А ты пойдёшь, спроси у водителя. Он всё знает, – отшутились студенты.

Мужчина нахмурился и, обозвав молодежь «не казахами», сам, тем не менее, опять продолжил на русском:

– Жеребцы! Родину предков просмеиваете!

Студенты перестали смеяться и растерянно заморгали.

Мужчина же продолжал:

– Пашите, пашите на них, дурачье! “Аз и Я” читали? Кончак был настоящий кипчак, а князь Игорь – трус и жалкий предатель!

Студенты заморгали ещё удивлённей.

В это время троллейбус остановился, и в салон вошла женщина с корзинкой. Мужчина, видя, что студенты не реагируют с должной силой, прицепился к ней:

– А-а, яйца купила! В своей России их не купишь. Чего живёшь тут? Едь в свою голодную Россию, едь!..

– Гражданин, поумерьте-ка свой язычок! – крикнул со своего места Аполлон.

– Что-о? На моей земле мне кто-то ещё и замечания будет делать? – с какой-то мрачной радостью взревел мужчина и шатнулся к директору.

– А глаза-то у тебя, дядя, трезвые. Сейчас мы тебя кое-куда доставим на опознание... – спокойно сказал Аполлон и начал подниматься.

Но не успел он встать, как мужчина метнулся к передней двери и, заорав водителю “Открой дверь! Сейчас сдохну!”, выскочил.

Теперь заговорила женщина:

– В ихнем Отраре откопали недавно яйцо с двумя дырками. Спросили аксакалов: «Что это?». Те почесали свои вшивые бородёнки, подумали-подумали и говорят: «Музыкальный инструмент!». Радость-то какая! А то всего шесть инструментов было, а теперь, слава Аллаху, семь.

Аполлон укоризненно посмотрел на женщину и сел. Та же продолжала всё смелее и громче:

– Из грязи их вытащили. Из навоза. И вот на тебе... Да они же тупые, как бараны. И в рабочие-то не охотно идут – всё норовят в начальство. Всё спесью только и наливаются. А чем другим им наливаться, если башка-то ни черта не варит? Одно слово – калбиты!..

– Мамаша, прекратите! – сквозь зубы процедил Аполлон и стал красным, как варёный рак.

– А что? Что? Не правда, что ли? – уже откровенно зло проговорила женщина и направилась к выходу. – А ты, наверное, еврей. Или грузин. А может быть, татарин. Тоже вонючки порядочные!.. – уже у дверей выкрикнула она и торопливо вышла.

Федя, начав улыбаться, оторопел. Слишком нереальным показалось ему произошедшее. Однако молодёжь на задней площадке вдруг горячо и недобро залопотала по-казахски и так же, как и Аполлон, начала покрываться красными пятнами. Их веселье тоже как рукой сняло. Уже выйдя из троллейбуса, студенты начали наскакивать друг на друга. Спор между ними превращался в скандал...

– Тьфу! – сплюнул Аполлон, когда вышел. – Ну и везёт нам!

– А всё начинается с того, что один вдруг начинает кричать: «Я русский! Я горжусь тем, что я русский!». Другой: «А я – грузин!». Третий: «А я горжусь тем, что я казах!». И так далее... – уже без улыбки отозвался Федя. – И все гордятся своей национальностью, хотя заслуг в этом ни у кого нет. И вот что ещё делают – срочно объявляют свой язык единственно главным и обязательным для всех, живущих на этой территории. Чтобы окончательно показать, кто тут избранный и родной, а кто посторонний и постольку-поскольку. И даже если выучишь, то всё равно посматривают косо в твою сторону.

– Не говори! – остывая, проговорил Аполлон. – Все рождаются на свет Божий не выбирая не только национальность, но даже отца с матерью. И, главное, на какой-нибудь сцене или трибуне они обнимутся и расцелуются, а в карманах по четыре фиги скрутят. Мол, врешь! Моя нация или порода качественнее! У меня шкура блестит шибче! Чёрт знает что! Сплошное “Кин-дза-за!”. Если уж до того дошло, что без определения, какой ты нации и какого ты качества, обмен в организме нарушается, то я признаю только две нации – ЧЕЛОВЕК и дерьмо!..

Разговаривая, друзья вошли в главную аллею соснового сквера, с одной стороны которого возвышался уже знакомый городской Дворец пионеров, с другой – ещё не знакомое здание корейского и уйгурского театров, а с третьей – уже совершенно не желательный для знакомства республиканский Комитет госбезопасности, плавно переходящий в Министерство внутренних дел. Через дорогу же, наискосок, прямо напротив министерства, периодически шумела и звенела двадцать пятая школа, естественно, носящая имя Феликса Эдмундовича.

– Я вообще не представляю, как человечество сможет о чём-либо договориться с такой пещерной родоплеменной установкой, – сказал Федя и, хрустнув суставами, сел на скамейку. – А ведь нам ещё предстоит встреча с инопланетянами. Или с пришельцами из других

измерений. Или из будущего. Как мы с ними будем общаться? «Мы – ЧЕЛОВЕКИ!» – будем орать. – «А вы кто?».

– А что будет, если предстоит дружеская встреча с выходцами с того света? – улыбнулся Аполлон и сел рядом. – В лучшем случае, все разбегутся кто куда.

– Это уж точно! Все тут же начнут искать свои национальные корни и снова сцепятся насмерть.

Друзья рассмеялись. Они представили себе, как выходцы из стран абсолютного равенства и братства, исцарапанные и несчастные, дают дёру.

– Ты-ы, щегол! Ты чё нас вчера учительнице сдал? Ты чё, Ковальчук? Мент местный, да? – раздалось буквально у ушей героев.

Федя вскочил.

Аполлон удивлённо начал озираться.

Никого рядом не было.

– А ты теперь ответь, что я вас сдавал? Да я даю слово пацана, что я вас не сдавал, – так же чётко прозвучал другой голос.

– Ты слово пацана даёшь? Да ты пацан?

– Да я тебе отвечаю, что я пацан.

– А ты дай слово пацана, что ты пацан!

– Да я тебе даю слово пацана, что я пацан!

– А кто тебя подписал? Такие же пацаны, как ты? С рогами? У-у, бычара! Пинчара лохмоногая!..

– Вон они! – указал Федя на двух разновозрастных подростков, стоящих в глубине сквера.

– Чудеса! Слышимость – как будто рядом! – ещё больше удивился Аполлон. – Ну и денёк! Смотри, длинный ещё одного подзывает. Ничего не слышишь?

– Ничего...

– А ну-ка сядем, как сидели.

Друзья устроились по возможности в первоначальные позы и тут же услышали второе отделение той же самой внешкольной программы.

– Ты чё нас вчера сбагрил, а? – растягивая фразы, гнусавил длинный.

– А чё такое? – ещё не сообразив ничего, отозвался второй.

– Чё ты нас сбагрил? – наступал гнусавый. – Нет, ты скажи, а? Ты чё, по приколу что ли, гад траншейный! Курва лагерская! А? Пинчара лохмоногая!..

– А чё-ё? Я тебя багрил? – сразу так же, как и первый, начал тянуть второй.

– Да ничё-ё! Чё мы там с Васечкиным курили, а? Гнида казематная! Вот козёл лохмоногий, а? Да таких убивать нужно! У-у, вшивый такой! Значит так... короче... Ты когда мне филочки принесёшь, а? Чё, мамашке сдал?

– Да не сдавал я!

– Да я тебе дам счас – не сдавал! Ковальчук! Ментяра позорный! Пёс вшивый... гнида... Чё зажиллил трюндель в карман? Вот вонючка, а? Вот я... Я тебе сделаю... После школы мы с тобой разведём стрелы... Да?.. Я тебе сказал! Всё! Помалкивай!..

Звук исчез. Друзья встали и уставились в сторону источника акустического чуда. Около длинного уже стояла порядочная группа подростков. Судя по тому, что двое уже быстро уходили, это были те, с кем он только что говорил. А тот, которого он держал за воротник, был следующий.

– Садимся! – быстро выговорил Федя и плюхнулся на скамейку.

В эфире звучало то же самое:

– А ты чё нас сдал училке, чё?

– Не сдавал я вас... – односложно заняла очередная жертва.

– Да как это не сдавал? Как это ты не сдавал? Чё, мол, сказал, вот мы курим там, да? Да не курили мы там, а селитровую бумагу жгли. Вот к-кабан! А? А еще пацан-пацан... Да какой ты пацан?

– Да я тебе даю слово пацана, что я пацан, – стандартно обиделась жертва.

– Да не пацан, не пацан ты. Не пацан!

– Да пацан, пацан!

– А кто тебя подписал? Такие же пацаны, как ты? С рогами? У-у, бычара! Пшёл вон отсюда! Или нет. Сейчас мы с тобой одно дело сделаем.

– Какое?

– Шмотки с пионерчиков снимем. А может, бабок насшибаем.

– Ну, давай... А чё эти глазеют?

– Пускай учатся. Вон двое идут! Эй, пацаны, идите-ка сюда!

– Чё такое?.. – слышались новые голоса.

– Есть бабки?

– Откуда?..

– От верблюда! Вы чё-ё!.. – угрожающе поддержала длинного его предыдущая жертва, ставшая теперь как бы отражением его.

– Да нету, нету!

– А вы чё-ё?.. Комсюки?.. Да, в натуре?.. – наступал длинный.

– Да вы чё?.. Пацаны!.. Вы чё?..

– Ты-ы! – взревел длинный. – Снимай, давай, свои колёса! Давай, снимай! Та-ак... Чё ещё?.. А! Ты джины, давай, снимай!

– Да вы чё, пацаны? Вы чё? Давайте не будем!.. – отчаянно запричитали жертвы.

– Раздевают, сучата! – крикнул Аполлон и оттолкнулся от скамейки.

Когда друзья подбежали, то увидели, что у одной из последних жертв на ногах уже не было кроссовок, а у другой – штанов. Длинный явно находился под действием наркотика и потому, увидев нападающих, сразу же полез драться. Обманутые уверенностью водителя, несколько его рабов тоже ввязались. Один из них налетел на Федю, но тот «ушёл», и подросток влепил кулаком прямо в глаз водителю. Водитель ухнул, сел на землю и замотал головой. Увидев, что промахнулся (да ещё как!), подросток страшно побледнел и бухнулся на колени. Ползая около поднимающегося длинного, он истошно завопил, растирая кулаком слезы:

– Ой, извянки, извянки!.. По запарке промахнулся... Извянки, брат, извянки!..

Среди сосен посыпались трели милицейского свистка, и, так и не применив силу, друзья рванули из скверика. Подростки – тоже. Тот, у которого сняли джинсы, так и бежал, держа их в руках. Его товарищ успел схватить лишь одну кроссовку, но тоже был, видимо, доволен до ужаса.

Не торопясь, подошёл милиционер. Он поднял вторую кроссовку, повертел её и, плюнув, бросил в урну. Подростки же, перебежав дорогу, бросились враспынную, а наши герои влетели в вышеназванную школу имени Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Пусть не подумает всё понимающий и всё знающий читатель, что автор специально загнал их туда, дабы они имели возможность пойти к директору или завучу и, как того

требует газетная гражданская совесть каждого, указали на безобразия, происходящие прямо под носом. Просто Феде, да и Аполлону, банально захотелось «кое-куда», а до ближайшего, да ещё и не закрытого на вечный ремонт общественного туалета было не только рукой, но и ногой не подать.

Метнувшись в один конец коридора и не обнаружив там искомого, герои побежали в другой конец. Там оно было, но... женское, а на втором этаже это оказалась... учительская. И на всём пути по стенам висели газеты, плакаты и стенды на... французском языке.

Школа была не самая аристократическая, но с французским уклоном. Не зря около неё, да и в ней, паслись типы подобные длинному, ведь на каждом втором ученике что-нибудь да было из престижного, а значит и остродефицитного шмутия.

Наконец друзья нашли то, что искали.

Справив не бог весть какое секретное дело, они уже хотели выйти, но вдруг снова услышали молодые голоса, причём и тут весьма четко, но с присутствием другого эффекта – реверберации.

– Ой, пацаны, тащимся-я... – тянул первый голос.

– Тащимся-я... – эхом вторили ещё два.

– О-о! Пацаны-ы... галёники у меня. Тихо, тихо!.. Сон вижу... О-о... – опять пропел первый, и на секунду воцарилось молчание.

– А чё... братан... крыша едет? Да? – спросил один из вторых с завистью.

– Тихо, тихо! Не мешай... – протянул первый. Видимо, крыша ехала баллов на семь, причём вместе со всем домом.

– А-а! А-а!.. – вдруг закричал третий.

– Ну, ты уже погнал по приколу, идиот! – выругался второй. – Сейчас же нас выкупят. Ишак!..

– Помалкивай! – ответил ему «погнавший» и тут же блаженно затыкнул – О-о... хорошо пацаны-ы... Директрисы нет... Директриса в отпуске... О-о... Кумарим...

– Чё... на физику не пойдём?.. – спросил первый голос.

– Да ты чё-ё?.. В таком виде?.. – удивился второй. – Сразу же выкупят.

– Да кого выкупят? Чё?.. – возмутился первый. – У меня шлифты красные? Да? Посмотри на мои шлифты. Красные?

– Красные, – ответили сразу второй и третий.

– Надо, наверное, закапать... а то опять из орбит вылезут... – сокрушился первый. – Сразу же выкупят...

– Да-а... и разбагрят... – подтвердил третий.

– Ну, ладно... чё... тогда давайте бомбанёмся ещё на два урока? – предложил первый.

– У-у! Ништяк! – неожиданно заорал третий.

– Чё?... Чё?... Поймал? – завистливо воскликнули первый и второй.

– Поймал, поймал!.. Тащимся, пацаны-ы!.. Давайте помолчим!.. – запел третий.

– Правильно, – поддержал первый и сделал несколько глубоких вдохов. – У меня тоже... опять галёники...

Друзья выглянули в умывальную и увидели трёх, сидящих у стенки на корточках, подростков. Как они их не заметили когда вбегали и как те не обратили на них внимания – непонятно. Зажав между кулачками «марочки» (марлечки, смоченные ядовитой жидкостью), они делали долгие затяжные вдохи ртом и закатывали глаза. Жёлтые лица, воспалённые глаза и круги под ними говорили о том, что ингаляция была далеко не лечебная.

– Ацетоном запариваются... или растворителем, – шепнул Аполлон.

– А я думаю, что это так сильно краской пахнет, а стены обшарпанные, – так же шёпотом подтвердил Федя.

– Ты к двери, чтобы не выскочили, а я их буду брать, – жёстко бросил директор, и Федя рванулся с места, а Аполлон навис, над сразу упавшими на пол токсикоманами.

– Чё?... Чё?... – обиженно и возбуждённо загнусавил самый крупный из них и, судя по голосу, первый. – К завучу потащите, да?

– Ни в коем случае, – неожиданно доброжелательно и спокойно сказал Аполлон и расслабился.

Он собрал «марочки» и пузырёк с какой-то технической жидкостью и выбросил всё это “добро” в урну.

– Значит бить будете, – уверенно вывел первый и, шатаясь, вскочил и стал корячиться в стойку. – Бейте!.. Бейте-е!.. – жалобно закричал он. – Ещё посмотрим, кто кого!..

Второй и третий тоже начали размахивать кулачками и ползти по стенке вверх.

– Эх вы... Будущее наше... – покачал головой директор. – Вы сегодня пообедали?

Подростки открыли рты.

– Пожрёшь тут у нас... – буркнул растерянно второй.

– А чё тебе? Чё?.. – уже больше по инерции выпалил первый.

– Вот видишь, Теодор, – я прав. У них здесь даже кухня французская. В смысле количества. А уж в плане качества – нет такого народа, как наш, советский, который мог бы похвалиться подобным. Пацаны, предлагаю культпоход в ресторан!

– Куда? – разом выдохнули второй и третий.

– В кабак, юноши, в кабак. Чё, ни разу не были? – отозвался сразу всё сообразивший и очень довольный Федя.

– Не-а, – выдохнули ещё раз второй и третий.

– Да чё вы верите им? – опять обиженно затянул первый. – В рестораны детей не пускают. В милицию они нас потащат. В милицию!

– Да кому вы там нужны, чудики? – удивился Аполлон. – Кто вами там будет заниматься?

– А на кой мы вам нужны? – тут же спросил первый.

– И это верно. Нам вы тоже не нужны, – согласился Аполлон и перестал улыбаться. – Нам вы не нужны, но мы можем вас покормить. Причём очень прилично. Кстати, и сами побеждаем как следует.

– Обойдёмся... – уже спокойнее сказал первый. Он окончательно поверил, что бить и репрессировать не будут.

– Я думаю! – опять весело сказал Аполлон. – Ещё не хватало, чтобы таким мужикам, как вы, няньки требовались. Но вот ресторан посетить с нами я вам советую. Второй такой шанс в ближайшие три года вряд ли предвидится.

– У нас уроки... – начал сдаваться первый.

Аполлон рассмеялся:

– А! Вспомнили! Слава богу! Будете учиться правильно пережёвывать вкусную пищу!

– Пошли, пацаны, пошли! Раз пахан предлагает, отказываться неприлично. Да и глупо. Полжизни будете жалеть. Да и дело-то – тьфу! Та же столовка, только с виду покруче, – отозвался Федя и отошёл от двери.

Слово «пахан» неожиданно подействовало. На пацанов пахнуло заманчивой для наивных детских душ крашенной под романтику натуральной уголовщиной, и они хоть и покрылись местами лёгкими пупырышками, но стыдась позора своей трусости, согласились. Да и жажда к приключениям в этом возрасте сильнее всего...

ЩЕПОЧКИ

*КРАТКИЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ
С ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫМ ПЕРЕВОДОМ
ДЛЯ МАЛОГРАМОТНЫХ
(автор тоже не семи пядей во лбу)*

1. БАЗАРЫ – разговоры, общения. Обмен мнениями.
2. БАКЛАН – драка, мордобитие.
3. БУХАТЬ, СБУХАННЫЙ – пить (алкоголь, естественно), пьяный.
4. ВЕРХОТУРА – проверка на крепость характера, испытание (спецразведтермин).
5. ВМАЗАТЬ – качественно ударить или выпить.
6. ВЫКУПИТЬ – выдать, донести.
7. ГАЛЁНИКИ – видения, индивидуальные мультики.
8. ГОП-СТОП – драка с последующим ограблением (способ активного творческого общения).
9. ЗАБЫЧИТЬ, УПЕРЕТЬ РОГАМИ В ЗЕМЛЮ – опозорить перед коллективом, перед коллегами.
10. КАЧАН – голова, по которой преимущественно бьют.
11. КЕРОСИНЩИК – провокатор, доносчик, очернитель.
12. КОСЯК – одна доза потребляемого (выкуренного) наркотика.
13. КРЫСЫ, КОШКИ – дамы низкого сорта.
14. КРЫША ЕДЕТ – «качан» кружится и сдвигается «по фазе».
15. КОЗЁЛ, БЫК – смертельное оскорбление.
16. ЛОМКИ – ломает всего, корёжит. Всё трещит по швам.
17. «МАКАРОН», «СУХАРЬ», «НЕМЕЦКИЙ КРЕСТ», «СКВОЗЬ СТРОЙ» и так далее – творческие варианты экзекуций.

18. МАЛЬЧИК, ЩЕГОЛ – сопляк.
19. МАЗЁВО, НИШТЯК – отлично.
20. ОБРАТКА – рвота.
21. «ПАРОВОЗ», «ЦЫГАНОЧКА», «ПИОНЕР» и др. – ритуальные способы потребления анаши. Туземные игры.
22. ПАЦАН – достойный уважения подросток, почти герой (автор сильно подозревает, что это слово произошло от идишского “поц”, что означает мужской половой член, но с годами все об этом замечательно забыли и заменили “о” на “а”).
23. ШЛИФТЫ – глаза.
24. ПОКОЦАТЬ – бить по шлифтам, чтоб набычились – вишнёвым цветом налились и вылезли из орбит.
25. ПОСТАВИТЬ НА СЧЁТЧИК – требовать с каждым днём возрастающую в чудовищных процентах сумму (похоже на банковское ростовщичество!).
26. ПРИКАЛЫВАТЬСЯ, ПРИКОЛ – шутить, смеяться, развлекаться, задираться, вести себя странно, шутка.
27. РАЗВОДИТЬ СТРЕЛЫ – выяснять отношения с помощью баклана (то же, что и «Пойдём, выйдем!»).
28. РАЗБАГРИТЬ, БАГРИЛА – донести, доносчик (современный «керосинщик»).
29. РАЙОН, ЧЕТЫРКА – географическое место сбора, своя компания по территориальному признаку, клуб по интересам.
30. СТРЁМНЫЙ – никуда не годный, плохой.
31. ТРЮНДЕЛЬ – всего-навсего три рубля.
32. УПРУТ В КОСЯК, ОПУСТЯТ НА РАЙОНЕ – опозорят, поставят в неловкое положение, не посчитают за пацана.
33. ФИЛОЧКИ, ФИШКИ, БАБКИ – витамин «Д» – деньги.
34. ЧЕФИР – слишком хорошо заваренный чай.
35. ШАНА – анаша (наркотик из конопли, дешёвый кайф).

Этот словарь-путеводитель сразу вводит нас в ещё более забавные, чем в предыдущем эпизоде, слои атмосферы. Окунёмся же, граждане! И без брезгливости, пожалуйста! Без брезгливости!..

Какой ресторан ближе всего к двадцать пятой школе? Все, кроме туристов, скажут – «АЛМА-АТА». Ну, как будто специально тот, с которым читатели уже имели счастье познакомиться. Впрочем, автор уже окончательно плюнул на слово «специально». И когда имя героя подростки приняли за кличку и начали вести себя необычайно доверительно, он не удивился. Попробуйте же не удивляться и вы...

На глупый вопрос Феде «Зачем вы нюхаете всякую гадость?» второй сразу же окрысился:

– Иди отсюда! Кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким помрёт!

– И водку пьёте? – удивился Федя.

– Ну, так... немножко... – загадочно посмеиваясь, уже совсем спокойно ответил первый.

– Стакан выпьешь? – вмешался Аполлон.

– Нет... С вами не буду... – усмехнулся первый.

– А чё так?

– Стесняюсь...

– Да-а? А чё стесняться-то? Дерябнешь сейчас... закосеешь...

– Неудобно... У нас свои люди на «районе»... свои «базары»... У нас там всё своё.

– Отдыхаете там, да? – опять не выдержал Федя.

– Мазёво! Ништяк! – ответил второй.

– Девочки-то есть? – опять спросил прямо и по существу Аполлон.

– Да так... «крысы» всякие... «кошки»...

– По одной на каждого или одна на весь коллектив? – ляпнул Федя.

Подростки остановились.

– Кончай!.. – угрожающе начал первый. – Прекращай!..

– Ну-ну... – успокаивающе похлопал по плечу первого Аполлон. – Вопрос нормальный.

– Да штуки три на каждого есть, но дуры дурами! – хорохористо и явно преувеличивая, вступил третий. – Да они, вообще, «сбуханные». Допьются, заразы... Пьют по-страшному...

– У них свои базары, у нас свои, – поддержал его второй. – Пацаны к ним, как «керосинщики», относятся... Ну, интересно же, как крыса бакланит. «Чё кефир болтаешь?» – обычно начинают. Или: – «На кого пенишься, шампунь?».

– Да-а. Стрелы разводят – это вообще приколы, – продолжал первый. – Одна там за кого вмажется, так такая драка разводится – это надо видеть! В юбках, в «бананах» как пойдут долбить друг друга. О-о! Это воще-е!.. Как дубинки нарежут себе... Да чё попадёт под руку, тем и бьют. По башке как дадут, так качан аж запухнет. Из-за пацанов, знаете, как стрелы разводят? Кто понравился – это мой пацан. А пацаны чё на них?.. Они поприкальваются с ними... уже с другой на следующий день. Им поровну – что та, что эта... А крысы маются... ходят...

– Бывает, крыс набухают, накурят, разденут и по улицам палками гонят голых. Они бегают, визжат... Среди бела дня бывает, – вставил третий.

– Ага, – опять подхватил первый. – На днях на коктемовских каскадах одну гнали... Она орёт... голая... бежит... А они за ней с палками... Спортсмены – в стороны! Ну, там всё время кто-то тренируется... Вообще с этими крысами связываться самое стрёмное дело. Женишься на какой-нибудь чертихе, а у неё там какой-нибудь друг... Лучше нет влагалища, чем очко товарища!

– Ну, это само собой! – рассмеялся Аполлон и переключил внимание. – Шану тоже потребляете?

– А что, есть? – тут же выстрелил первый.

– Нет.

– А-а... – разочарованно протянул подросток.

– Но ведь это хуже водки! – удивился Федя. – Печень... почки... мозги... хрен, наконец...

Подростки, видимо, уже привыкли к Фединому академизму. Они и глазом не моргнули.

– Да нам уже всё это поровну. В косяк уехал – всё! – откликнулся второй. – Там рогами упрёшься, уже не до этого. Там уже думаешь, как бы вторую дозу принять...

– А ну-ка, потомки, присядем, – сказал Аполлон и, бухнувшись на скамейку, снял туфлю и начал ощупывать стельку. – Кто в вашем районе главный? “Лысый”?

– Не-е. “Сверло”! – протянул третий. – Да сейчас вон... посадили его... Жалко парня.

– Да, мазёвый был парень, – поддержал первый и сел. – За постой он нам приносил шану. Он как поедет на планы за постой... Но скоро его выпустят. У него пахан – шишка какая-то...

– За какой «постой»? – не выдержал Федя.

Он многого не понимал, но только сейчас осмелился спросить.

– Каждый раз. Ты чё, не вгоняешься в тенденцию? – перевёл и тут же сказал новое первое.

Федя только поёжился.

– Как принесёт... – продолжал первое. – Как косячок забьём! Как пыхнем! Как чухнемся!.. Там останется на паровоз. Как напаровозим друг друга! А там пионер...

– Какой «пионер»? – уже смелее спросил Федя.

– Ну не «Будь готов!» же! – ухмыльнулся первое. – О-о, это воще-е!.. Так вот так... берёшь косячок... как накуришься, там остаток остаётся... Его так заворачиваешь... Раз! – первое очень энергично и точно начал показывать. – У нас на мизинцах ноготь специально отрощенный. Вот, видишь? И вот, когда сигаретку набиваешь, то пяточку делаешь, чтоб не просыпалось из нее. Ну, трамбуешь конец. И забиваешь последний косяк. Руки лодочкой делаешь, между пальцами вставляешь и, чтоб ни граммочки никуда не уплыло, втягиваешь в себя – ф-ф!..

– А то ещё в цыганочку иногда играем, – подхватил третий и, не ожидая вопроса Феде, пояснил, – Это пока все по очереди втягивают дым в себя, ты свою порцию бережёшь, а потом медленно выпускаешь... Потом там ещё остается немного, так другой стороной сигарету в рот вталкиваешь и вдываешь другому... А тот вдыхает... «Паровоз» называется.

– А уж «пионер» остается, то кто-то один добивает этот косяк, – дополнил второй. – А если шаны много, тогда каждый по косяку. Во-о! Тогда воще-е без базаров...

– Ну-ну! Чё притухли? – поддержал Аполлон. Он камнем начал забивать вылезший гвоздь.

– А чё травить? Чё, сами не знаете? Маленькими не были? – удивился первое. – Всё надо попробовать. Всё интересно. Ну, накуримся, кого-нибудь поймаем и приколемся. На верхотуру проверяем – пацан или не пацан.

– О-о! Верхотура – это вообще крах! – вмешался второй. – Меня проверяли...

– Ну-ну! – поддержал нить повествования Аполлон.

Федя молчал.

– Соберутся человек тридцать в круг и берут приколы какой-нибудь. Ответишь на первое приколы, второе дают. И так до десяти приколов. Ну, если не знаешь – никогда не ответишь.

– Это почему? – спросил Аполлон и, надев туфель, пошевелил пальцами ноги.

– А вот попробуйте, ответьте, – сказал первый. – Вот перед тобой как будто нарисована голая «крыса». Так вот так бей её палкой, чтоб кровь пошла. Что вы будете делать?

– Не знаю, – честно признался директор.

– Ну вот! – торжествующе воскликнул первый. – Тогда выбирайте: «макарон», «сухарь», «шлифты», «тромбон», «сквозь строй», или он же «немецкий крест». Или просто по шнобелю так нащёлкают, что лица не видно потом... Да мало ли что...

– «Макарон», «сухарь»... – начал Федя недоумённо, но тут же был прерван, так как подросткам не терпелось рассказать как можно больше.

– «Макарон» – это когда по шее все по очереди бьют, – сказал второй.

– А «сухарь» – когда по руке или ноге, чтоб отсушить их, – добавил третий.

– Ну «шлифты»-то все знают. Это двумя пальцами растопыренными по фарам как щёлкнут с размаху! – снова усмехнулся первый. – Так набычат, что кровью зальёшься... Но само то, когда все встанут один за другим и ноги расставят. Один палкой ка-ак врежет по заднице тебя. Ты между ног его, как мяч, – вжик!.. А тут тебя уже следующий лупит. Это «сквозь строй», или «немецкий крест».

– Да-а... Мазёво! – протянул второй. – А если сдашь мамашке, то «бык». Выйти из дому не дадут... Как тромбанут по башке! Коньки отбросишь там же...

– Так что же нужно ответить с этой... как её?.. С «крысой» на стене? – спросил Аполлон.

Он очень заинтересованно смотрел на подшефных.

– «Разрежу палец – накорябаю кровью!» – ответил первый и решил закрепить своё преимущество. – А вот другой приколы: «Сделай так, чтобы эта комната стала меньше». И ответ: «Надо покрасить её». Или дают тебе как будто палку и воробья в клетке и говорят: «Нужно застрелить его». Ответ: «Изображаешь ружье, делаешь вид, что взводишь курок, и кричишь – «Осечка!».

– А вот этот мне задавали, и я ответил. Знал потому что, – гордо заявил второй. – «Едешь на машине. Взади менты. По узкой дороге едешь. А впереди, навстречу тебе, – кент. Сворачивать нельзя. Останавливаться тоже. А если будешь ехать вперёд, кента задавишь». Какой ответ?

– Ну, это ввек не отгадать! – развёл руками Аполлон.

– О! – торжествующе заключил второй. – Ответ простой: «Сегодня кент, а завтра мент!».

– Гениально! – щёлкнул перстами директор. – «Кент», Федя, – это ты. Кореш!

Серьезность, с которой подростки излагали «малую академию» подворотни, требовала такого же серьезного отношения.

– У нас у всех лозунг: «Человек человеку друг, товарищ и враг!» – ещё больше обрадовался второй. – Тут он друг... мы курим с ним, вместе пьём... а тут какая-нибудь выкатит западла – тут он тебя «керосином» и обольёт. Керосинщики, знаете, какие? Друг, а керосинщик. Тут – раз!.. Баклан там... Или друг твой должен филочки, и он при всех вдруг льёт тебе керосину: «А ты помнишь, что ты должен там... вчера?». Или что-нибудь ещё придумает... Там уже чё?.. Не отопрёшься!.. Тут пацаны стоят и уже свидетели есть... И фишки уже тянут... Или ставят тебя на мослы, чтоб больше никогда так не делал... Или забычат... Или на счётчик поставят...

– Так по шлифтам нащёлкают, что моргала напухнут... И из орбит вылезут... Или на колы поставят, – видимо, припомнил свою героическую молодость третий. – Деревяшки заточат, руки завяжут, деревянные в землю и концы в шею. Чуть двинешься – ой-ё-ёй как больно! Сидишь, как смирный, пока не скажешь, когда филочки принесёшь...

– Зато как прошёл верхотуру, так – паца-ан! Накуриваешься – и можно на дело ходить, – с удовольствием подвёл черту второй. – Гоп-стопить можно... Прикальваться. Шмутки снимать...

– А если не захочешь? – осмелился вмешаться Федя.

– Не захочешь – заставим! Не можешь – научим! – тут же выпалил первый и обратился к Аполлону: – Может, вам ещё рассказать, как мы на «гоп-стоп» ходим?

– Давай! – махнул рукой директор.

– Едем в другой район. На баклан нарываюся щеглы. А потом уже старшаки вписываются. А впрягаются только бычьё на районе! Прутся – тоже бычьё. Ну, щегла запустят, он и говорит: «Чё, пацаны, знаете такой район – «Гробы»?

– А ты кто? спрашивают те.

– Я – «гробовской»!

– Да ты чё? Не может быть такого, – говорят те.

– А вы чё, на «Гробах» не были? – пищит щегол. – Да вас там опустят всех!..

– Да ты чё-ё? – кричат те. – На кого хвост поднял? Ты на кого рога точишь? На кого керосин льёшь?..

– Как грохнут этого щегла! Как дадут ему!.. Он идёт к нам и говорит: «Так вот и так. На наш район говорят, что он бычий, что забили его. Ну и так далее... И пошла драка... С пистолетов стреляют... Палками грохают...

– С «дур», что ли? – удивился Аполлон.

– Не-е! Это раньше с щеколдами оконными обрезы делали! А сейчас детские железные пистолеты покупают, вытаскивают всё в середине... боёк один оставляют. В бойке дырочку

сверлят, и в него дюбель втачивают. Потом трубку под мелкашку вставят – и пошёл!.. В каждой школе ведь тиры. Как поразграбят эти тиры, наберут патронов – и пошёл!..

– У нас Синицину-младшему пах пробрили... Что-то не принёс... то ли трюндель, то ли что ещё... – подхватил третий.

– Какой «трюндель»? Четвертак! – поправил первый и продолжил: – А чтобы боёк бил хорошо, резинкой усиливают. Вот... Кто район победит, тот его и доит.

– Представляю, как ваши педагоги носятся, – вздохнул Аполлон и снова снял туфель.

– А чё они сделают? – теперь уже удивился первый. – Вон Стаметов в школу ходит только затем, чтобы собрать своих пацанов и с ними курить. Покурят, а потом сбухатся надо, а филочек нет. Вот они и ловят щеглов. А Лариса Валентиновна как бешеная, делает вид, что ищет его, хотя знает, где он, но боится туда зайти. И сверху боится взглянуть на него. Они там в колодце сидят. Вдруг он её увидит и закричит на всю школу: «А чё вы меня пасёте? Кто я вам, что вы меня пасти будете?..». Она его ищет для того, чтобы другие учителя видели, что она его ищет, хотя найти его она не хочет. Да он ей и не нужен! Она его проводит до последнего звонка, ему дадут справку – и «Дуй ты отсюда! Больше я за тобой гоняться не буду!».

– А как справки медицинские подделывают сейчас, знаете? – включился второй и, не дожидаясь ответа, тут же, захлебываясь от азарта, выдал: – Берут уксусную эссенцию и разводят её марганцовкой. В другую чашечку разводят две таблетки перекиси водорода. Красной смесью мажут синюю пасту. Получаются красные пятна. Потом перекисью водорода смачивают. Всё это пузырится, пузырится и чистым становится. Немного, правда, желтеет, но отговариваются, что, мол, уронили. А две печати остаются. И ещё, если пахнет уксусом, тогда дезодорантом отшибают. Мол, с девушкой стоял... Душился, как шёл на свидание...

Аполлон опять простукал камнем туфель и надел его.

Федя смотрел на подростков, как на пришельцев из космоса.

Они же ничего не замечали и так разоткровенничались, что было видно, что давно хотели это сделать, да предлога подходящего не было.

– Верно! – подтвердил первый. – Недавно “Красавчик” из зоны вернулся, так такие вокруг него базары были! Кроссовки на липучках теперь, оказывается, «сырниками» зовут. «Сырники» на липучках – мазёвые. Как их напялил, так – паца-ан! Ну, у кого снимут, так ему всё... «Понты не колоти, пацан, – всё! Никому не сдавай, иди своей дорогой, козёл!». Да-а... Старшаки ещё чефир по-новому заваривали... “Красавчик” сразу это дело в свои руки взял: «Ты, – говорит, – иди на хату – чайничек тащи!.. Ты...» Ну, я, там, чай... Там уже пацаны книжки на индийский чай меняют... Тут...

– О-о! – не выдержал и прервал первого третий. – Индийский чай – это мазя-я! Воще-е!.. О-о, чефира бы напиться!

– А рецепты-то разные бывают, – мечтательно включился второй. – Чая больше – воды меньше. Вода горячая, вода холодная. Отстоять, там, две недели. Отстоять, там, три недели. Пока там плесенью не покроется... Или наоборот... Чё только не делают!

– Самое мазёвое, – закончил первый, – это как он отстоится, как газировка появится там в чае... Там уже о-о! Это вообще только старшаки пьют, которые только чувствуют в этом кайф. Как нажрутса они! О-о!..

– Но потом стрёмно, – вздохнул третий. – Обратка катит. Галёники жуткие. Крыша едет. Ломки...

– «Стрёмно», «стрёмно», – передразнил третьего второй. – Что ты понимаешь?

– Ну ладно, пошли! – сказал Аполлон и компания двинулась дальше.

– Как вы ещё на уроки-то ходите после всего этого? – подумал вслух Федя и осёкся.

Но подростки даже не обратили внимания на его интеллигентность.

– А чё уроки? – развел руками первый. – Сидишь, как профан. Учитель что скажет – не вгоняешься в тенденцию.

– Что, совсем не врубаешься? – сделал удивлённый вид Аполлон.

– Да как дурак сидишь, – подтвердил первый. – Вообще, лучшее самое дело... самое хорошее, чтоб быть умным... надо молчать. Самое мазёвое дело. Никогда в косяк тебя не упрут. Не опустят тебя на районе. Никто на счётчик тебя не поставит. Никто фишки тянуть не будет...

– А вы где на зоне сидели? – неожиданно спросил второй и засмутился.

Аполлон улыбнулся.

– Наконец-то! – сказал он. – А я всё жду, когда же нас спросят про главное. Я думаю, что мы как родились на зоне, так из зоны и не выходили.

– Так вы не... – начал первый и вся троица отшатнулась.

– Сидеть – не сидели, но быть – были. Я лично – не раз, – закончил Аполлон.

– Менты-ы! Атас, пацаны-ы! – закричал первый, но Аполлон уже схватил его, и второго.

Третий даже не пытался бежать, а только лупал глазами, как сова.

– Лабухи мы! Музыканты! Усекли? – выкрикнул Аполлон. – С шефскими концертами на зоне бывали. А нервничать не советую. Нервные клетки плохо восстанавливаются. И раз я решил покормить вас, так будьте любезны...

– А-а... – сразу успокоился первый, и вслед за ним остальные двое.

– И вот что... – добавил уже тише директор. – Я вам закажу отдельный столик. Можете брать всё, что в прејскуранте, и в любом количестве. Кроме выпивки, естественно. Но чтобы вели себя, как дома. Дома вы какие?

– Паиньки! – ухмыльнулся первый.

– Значит, договорились. Поберляли и похиляли!

– Чё-ё? – удивленно выдохнули все трое.

– Покушали и ушли! – перевёл Федя и улыбнулся.

И хотя в этот раз Аполлон не надел своего гипнотического перстня, но приём ему, Феде и подросткам был оказан тот же, что и в предыдущее посещение. Память у официантов была намётанная.

Подростки же ничему не удивлялись.

Всё встало на свои места и в их пользу, и трапеза проходила чинно и благородно. За соседним с героями столиком, аккуратно работая вилками и ножами, восседали вежливые и деликатные юные джентльмены...

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА, ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА...

А в это время семеро разноплеменных и нервно-весёлых действительно уголовных молодчиков отработывали очередной результат карточной игры. Вернее, отработывал один, а остальные наблюдали за соблюдением всех правил и, насколько позволял ритуал, помогали.

Зря говорят, что бандиты, убийцы и насильники – вне закона. Они просто в системе других законов. И никакой свободы там, так же как и здесь, нет. Только ставка за соблюдение ритуалов часто крайняя – жизнь или смерть, а перспективы – ну вообще никакой! Впрочем, а какая у нас-то перспектива?.. Впрочем... Короче, надо было кого-то «замочить», и выбор пал на... Наума Аркадьевича. Почему на старика, почему днём – это можно только догадываться. Мог бы пасть и на любого из вас, дорогие читатели (или слушатели, или зрители). А может быть, уже и пал, только вы ещё об этом не догадываетесь или не замечаете.

Не догадывался и доктор. До тех пор, пока что-то острое, проколов пиджак и рубашку, не упёрлось в межреберье.

– С нами поедешь, дед, – обрадовал самый весёлый. – И не шуми!

Переполненный троллейбус тяжело и мрачно молчал. Ухмыляющиеся физиономии всех семерых сверкали на этом, весьма подходящем, фоне, как начищенные медные пряжки.

– Всё! Проиграли в карты или проспорили, – правильно мелькнуло в голове эскулапа. – Играю маразматика...

Наум Аркадьевич поёжился и, как бы отодвигаясь от колючки, мягко ушёл от боли. Это было не так-то просто сделать, так как ноги стали ватными и по телу разлилась слабость.

– Что-то тут колется... – наивно забормотал он и начал проталкиваться к кабине водителя.

Опыт у доктора был преогромнейший, и из каких только передряг не приходилось ему выкарабкиваться! Поэтому и тут план освобождения созрел мгновенно.

– Куда вы, дедуля, вас же раздавят! – загудели милосердные пассажиры.

– А если я не возьму абонементы, то оштрафуют! – маниакально затряс головой эскулап.

– Так передайте деньги и стойте! – зло пискнула какая-то полупридушенная дамочка.

– Сами передавайте, если у вас миллион! – отпарировал доктор и, очень решительно отдавив одного из ухмыляющихся, просочился ещё на два шага.

Лопухизм престарелого клиента был настолько очевиден, что бандиты не задержали его. Правда, двое продолжали дышать в ухо, но это лишь для продолжения игры в «кошки-мышки».

Теперь доктор очень отчетливо вспомнил, что его вычислили ещё на остановке.

– Земляк, дай закурить! – начал игру первый.

– Не курю, – спокойно ответил доктор.

– Земляк, дай закурить! – тут же повторил просьбу слово в слово второй.

– Не курю! – уже раздражённое ответил доктор.

– Земляк, дай закурить! – ухмыляясь, тут же спросил третий, и доктор взорвался:

– Да вы что, не слышали, что ли? Не курю!

Все трое, стоящие почти вплотную к доктору, громко заржали, и он понял, что ребята балуются.

И ошибся!

Ещё четверо, как по команде, отделились от киоска и двинулись к доктору.

Но тут подъехал троллейбус, и толпа внесла в него Наума Аркадьевича и весельчаков.

Промежуток между остановками «Гоголя-Космонавтов» и «Гоголя-Сейфуллина» короткий. Как раз когда Наум Аркадьевич протолкался к кабине водителя, троллейбус остановился и дверцы открылись. Двое рефлекторно шатнулись к двери, дабы преградить дорогу клиенту, но доктор, тяжело дыша, очень решительно протянул рубль водителю, и бандиты опять задышали в ухо.

Всё было видно негодяям, особенно рубль, но не было видно метаморфоз, происходящих с ним. Как только лицо водителя поворачивалось к рублю, он мгновенно исчезал, а как только лицо отворачивалось, снова появлялся и настойчиво двигался, требуя отоваривания.

Рука водителя легла на тумблеры.

– Хр-р...- заскрежетали закрывающиеся створки двери, и тут же между ними, расталкивая вошедших с криком «Моя остановка!», пролетел доктор.

– Га-а! – изумлённо гаркнуло в троллейбусе, и три или четыре рожи прильнули к стёклам.

Но троллейбус уже выезжал на перекрёсток, а Наум Аркадьевич, сев в очень удачно подвернувшуюся легковушку, сунул рубль водителю и откинулся на спинку сидения.

– Эх, падаль я старая... вырвался... Теперь кого-нибудь другого зацепят... Надо было кричать... Бесплезно!.. – мелькнуло в голове, и сознание шарахнулось в сторону.

А в это время...

Нет, автор не собирается возвращаться в ресторан. Там всё было ясно и шло к естественной развязке.

А вот тут...

Светский российский лев катил по улицам Алма-Аты своё пузо. Катил неторопливо. Ему вполне хватало своих семидесяти лет и не меньшего количества гонора. Уже с час как он совершал привычный пешкодральный вояж по книжным магазинам, и лишь только его крупная голова с бычьим загривком появлялась в проёме двери очередного храма макулатурных изданий, как юные продавщицы приятно розовели и бросались навстречу.

– Здравствуйте, Николай Николаевич! Какими судьбами? – щебетали они наперебой.

– Здравствуйте, здравствуйте! – довольно хмыкал некогда неотразимый мужчина-удав. – Зарубежные новинки не получали?

– Пройдите сюда!.. – загадочно вышёптывали продавщицы и, хотя в магазине никого не было, испуганно оглядывались по сторонам. – Только для вас!..

Автор живописно оформленной книги «Строки, имена, судьбы», автор регулярно выходящей в эфир познавательной радиопередачи «Что нового у муз?», бывший оперный бас и заведующий литературной частью академического театра оперы и балета имени Абая, обладатель одного из крупнейших в стране собраний исторических ценностей и книг, член Союза журналистов СССР... – чего только ни автор и чего только ни обладатель – Николай Николаевич Грандкевич оказывал им честь своим посещением. Но главное, у девушек ощутимо материализовывалась иллюзия, что они хоть кому-то ещё нужны и хоть на что-то ещё годны...

Но вернёмся к доктору.

Обморок был кратковременен. Голову обдавали горячие волны, и тошнота ещё подкатывала, но сознание уже вернулось.

– Надо пройтись... – подумал Наум Аркадьевич и, остановив такси, вышел.

– Боже! Какие люди в Голливуде! Наум, ты ли это? Что с тобой? Тебе плохо?

Перед доктором шевелила губами гора Грандкевича.

– Да... Так...

– Возраст, батенька, возраст! Помнишь, как ты приговаривал: «Всеми есть своя мера и свой положенный аршин – не умрёшь ты от холеры, так умрёшь ты от морщин!».

Наум Аркадьевич побледнел ещё больше.

– Э-э, да ты действительно... Извини, не к месту пошутил. Давай ко мне! Тут совсем рядом. Чайку попьём... покалякаем... Лет десять уже как не виделись!

– Да... Что-то около этого...

– А у меня дома ты был в последний раз... Я что-то и не припомню... А! Это когда мы бузили! Ну, теперь у меня квартира... Ванная, брат, – это просто храм! Как мы Бахтубекова к стенке припечатали, а? Славная была битва, славная! Кого-нибудь из наших АРОВских встречаешь?

– Самохин умер. Слышал?

– Как же, как же... Опухоль мозга... Бедняжка... В оперном театре в своё время прима-балерун. Мда-а...

– Как Рая?

– Хороша как никогда! Да ты сам увидишь. Она сейчас как раз дома.

– Тогда быстрехонько на базар! Ты же где-то тут живёшь... рядом...

- Ох, старый ты волокита!
- Ты тоже не очень-то юный.
- Я? Я орёл до конца!

Какое-то время Грандкевич работал в Доме культуры авторемонтного объединения режиссером сразу двух Народных театров – театра детской оперы и театра оперетты. И в очередной, но выросшей до масштабов города склоке, под которую всем нам уже известный профком Бахтубеков гробанул так и не выясненную до конца, но очень большую сумму, они стояли на баррикаде справедливости плечом к плечу. Правда, доктор боролся за справедливость как за таковую, а Грандкевич лишь постольку, поскольку она совпадала с его эгоистическими интересами. Но сама справедливость высвечивала в обоих самые лучшие и благородные качества, и за это они были одинаково благодарны одному из светлых отрезков их жизни.

Обмениваясь впечатлениями о бурной почти что молодости, Грандкевич и доктор после вояжа на “Зелёный рынок” наконец-то поднялись на пятый этаж. В руках Наума Аркадьевича была сетка с фруктами и букет роз. На двери тускло, но очень претенциозно мерцала латунная табличка с выгравированными инициалами хозяина и его великосветской фамилией: Н. Н. ГРАНДКЕВИЧ.

- Убери ключи. Пусть Рая сама откроет, – сказал доктор и нажал кнопку звонка.

Дверь распахнулась.

На пороге в одной ночной рубашке стояла Рая.

ИМПЕРАТОР ВСЕЯ ЖЕНЫ

(динозавр в скорлупе)

- Мое почтение, Раечка! Это тебе! – восхищённо воскликнул доктор и протянул сетку и розы.
- Наум? Что за фокусы?
- Я не знаю, как вы живёте, а мы живём только так!
- Наум!.. Ну, спасибо большое!.. Ну, слишком шикарно!.. Ну, ты с ума сошёл!.. Ой, я в рубахе! Наум!..
- Это прелесть! Мм-чмок!

Поймав Раину руку, доктор припечатал звонкий поцелуй.

– Боже мой! – воскликнула Рая и убежала в комнаты.

– Лучше, конечно, без рубахи, – недовольно скривился Грандкевич.

– Тебе виднее, мучитель и самодур, – кольнул доктор и уже совсем весело пропел: – «А поутру она улыбалась пред окошком своим, как всегда!».

– Пошли! Пошли в кабинет... – буркнул Грандкевич и нахмурился.

Уже очень не первая, но, похоже, последняя муза-жена была значительно моложе самого творца, и это не позволяло расслабляться и окунаться в розовые иллюзии.

Кабинет представлял комнату, увешанную иконами, фресками, уникальными фотографиями, коллекциями орденов войны 1812 года, деталями военного обмундирования всех полков, участвовавших в той достопамятной заварухе, стеллажами редчайших букинистических наборов и стоящих прямо на полу в определённом эстетическом беспорядке колокольчиков и колоколов, обозначенных в воспоминаниях как «дар Валдая». Этих и подобных «даров», зачастую уже откровенно археологических, было столько, что можно было только посочувствовать тому, кто регулярно стирал с них пыль веков...

Письменный стол тоже был завален. Лишь в центре его чернела маленькая полынья, в которой, как бы случайно, алело удостоверение внештатного корреспондента «Вечерней Алма-Аты» и вызывающе белела стопка чистых листов. По правую сторону от удостоверения солидно возвышалась гора из библиографических редкостей, а по левую, прямо на полу, грозно застыл бронзово-медный эскорт индийских богов и богинь с совершенно мистическими улыбками, свирепостью и равнодушием на лицах.

– Николай, как твое здоровье в этой скобяной лавке? – невольно спросил доктор, когда был втиснут куда-то и между антикварным чем-то.

– Нормально! Тебе насрать, но хорошо! – резко ответил Грандкевич.

Встреча в прихожей и словосочетание «скобяная лавка» ощутимо ударили по его интеллигентности.

– Ну что ты врешь? Почему насрать? – в тон хозяину удивился доктор.

– Ну а какое тебе дело?

– Окружающая среда когда здорова – и я здоров!

– Да!.. И ты здоров. Экология!

– Верно! К тому же и профессия у меня... Николай, что это приносит тебе лично? – доктор прочертил рукой круг. – «Мерседеса» у тебя нет, Рая бриллиантами не обсыпана, лето на Гавайских островах вы не проводите в ласках и неге...

– Что приносит? – сразу же привычно успокоился Николай Николаевич. – Ну, это не удовлетворяет моих крупных интересов. Это мой досуг.

Слукавил Грандкевич, слукавил. Так как крупные интересы, в основном, не состоялись или ушли в воспоминания, то уже давным-давно коллекция удовлетворяла все оставшиеся.

– Мне это интересно. Об этом я пишу, – прибавил веса Грандкевич.

– Это сегодняшняя польза. И довольно дохлая, – в противовес подколол доктор. – А вот в плане перспективы – что это?

– А какая может быть перспектива? – растерялся Грандкевич. – Не знаю... Ну, я умру – оставлю Кольке. Колька – Митьке. И так далее...

– И всё?

– А что ещё нужно?

– Ну, где-то это кончится? Где-то Митька кончит оставлять? И куда это всё пойдёт?

– Мне это... Ну, я об этом не думаю. Об этом даже нечего думать.

– А вот я думаю. И о твоей коллекции в том числе. В этом, во всех своих проявлениях, конечном мире во всём должен быть свой конечный смысл. Своя логическая развязка. Она же – результат, который и есть истина. Знаешь, как это в драматургии: экспозиция – завязка – наращивание действием напряжения – кульминация – развязка.

– Ну, смысл в том, что это всё украшает мою жизнь. Это удовлетворяет мои интересы. Это мой мир. Моё увлечение. Вот и всё! Я сдохну – это мне до фонаря! – Николай Николаевич прищурился. – Я знаю, куда ты клонишь... Так вот, государству я не отдам даже кнопки!

– Почему?

– Потому что это не государство. Это – говно!

– Уже сцепились? – радостно вмешалась Рая, и вкатила на маленьком, тоже антикварном столике чашки с чаем, конфеты и лимон.

– Пока нет, но если ты позволишь, я его пощекочу, как встарь. У меня за десять лет... – загадочно подмигнул доктор.

– Накопилось! – усмехнулся хозяин, и Наум Аркадьевич неожиданно понял, на кого он так разительно похож – вылитый обозлённый французский киноактёр Фернандель.

– Только не перережьте друг друга! – улыбнулась Рая и вышла.

– Понимаешь... – раздражённо продолжил Грандкевич. – Когда в журнале «Родина» печатается в конце список – что белые эмигранты дарят, так сказать, из Парижа, из Нью-Йорка, я бы сказал: «Господа, какие же вы идиоты!». Я сказал бы, что этому государству кнопки дать нельзя, потому что оно всё разрушило, уничтожило, а теперь начинает вроде бы для престижа... Не нужно это ему! Это нужно Западу – «А, вот видите, как хорошо!». И какому-то контингенту русских людей. Контингент остался, которому дорога Россия. Который хочет, чтоб что-то осталось, который что-то собирает. Но не государству! Поэтому я даже кнопки не дам. Оно меня обманывает всю жизнь!

– Государство?

– Да. Оно и тебя каждую секунду обманывает. Но ты идеалист! Поэтому этого не замечаешь, или не хочешь замечать, чтобы слишком не расстраиваться. Вот оно отняло у меня дом дедовский. Вот фотография, вот... – Николай Николаевич ткнул пальцем в современную цветную фотографию длиннющего старинного трёхэтажного особняка.

– Экспроприация, брат!

– Это не экспроприация! Это был бардак! Это было... Какая же это экспроприация? Грабёж чистой воды! Безнаказанность! Да!.. Да!.. Я их ненавижу!..

– Ну, ладно, – переключил внимание доктор. – А почему ты собираешь разные коллекции?

Николай Николаевич по инерции всосал сквозь стиснутые зубы воздух и расслабился.

– Ну, во-первых, это шире... Так сказать, диапазон знаний... диапазон интересов. Потом, если не идёт что-то одно – идёт что-то другое. Не идут ордена – идут книги. Каждая вещь, которая приходит в коллекцию, доставляет мне радость.

– Любая?

– Любая! Любая вещь в коллекции!

– Осколки разбитой культуры!

– Правильно. Разбитой культуры. Нет-нет, да что-то и поступает.

– Мда-а. Значит, в итоге это всё только для тебя. И в этом твой смысл жизни?

– Да, Наум, в этом. Прожить отдельно свою жизнь. Прожить её достойно самого себя. А для кого ещё жить? Для государства?

– Ну, зачем же так? Окружающие – это тоже я. Это тоже моё. Моя среда обитания и взаимоподпитка. Как ты правильно выразился, экология.

– А мне насрать на окружающих! – машинально ляпнул Грандкевич и, поняв, что этого не надо было говорить вслух, набычился.

Наум Аркадьевич же, наоборот, встрепенулся.

– Ну, а Рая! – воскликнул он.

– Рая – это моя семья! А моя семья – моя крепость.

– Значит, у тебя только малый круг внимания?

– Да, малый круг. Я не человек партии. Любой партии. Любой!

– Но вольно или невольно ты всё равно работаешь и на средний круг и на большой.

– Потому что у меня есть идея России.

– А это-то к чему? Что это за идея такая? Интересно...

– То, что у вас, у евреев, полностью отсутствует! – резанул Грандкевич.

– Может, ты и прав, – ничуть не смутился доктор. – У нас, наверное, не было России. У нас вообще ничего не было, кроме мечты.

– А вот это ты брось! – возмутился Николай Николаевич. – Не прибедняйся. Как это ничего не было? Вы жили в СССР?

– Так причём здесь Россия? СССР и Россия – это разные понятия.

– Ну да. Тут ты прав. Для меня СССР тоже отсутствует.

– Ну, так что же такое Россия? Объясни это мне – неразумному!

– Россия – это Родина! Это великая страна! Это дух! Это национальный дух! Здесь русский дух! Здесь Русью пахнет!

– Национальный? Пахнет? Чем? Духами, что ли? Или чем покрепче? – ещё больше изумился доктор. – Что это такое? Непонятно...

Николай Николаевич удовлетворённо развёл руками:

– Непонятно, потому что у тебя нет понятия Родины.

– Ну, как же! Родина – понятие психологическое. Психологически-политическое...

– Ничего подобного! Это – духовное понятие!

– Так же, как и нация – чисто психологическое понятие, – закончил доктор.

– Ну, нет! Духовное! – замотал головой Грандкевич.

– Ну, как духовное? Что такое духовное? – начал горячиться доктор. – Духовное – это и есть психологическое. Комплекс привычек и привязанностей, наконец!

– А-а! Привычек! – взвился Николай Николаевич. – Не-ет! Так говорить не могут... так настоящий человек... полноценный... с идеалами...

– Расизмом! Расизмом попахивает, а не Россией! Что это такое – человек полноценный?

– Ну! Так мы будем с тобой говорить до вечера, – махнул рукой хозяин и потянулся к уже остывшему чаю.

Однако больше глотка он сделать не смог.

– Как это можно не иметь чувства Родины? – возмущённо забасил он. – Это только подонок может не иметь чувства Родины! И это он будет везде болтаться... И у него будет везде Родина... И он будет везде продавать... Кого угодно и где угодно.

– Что продавать? Нечего продавать! – удивился доктор. – Всё духовное принадлежит всем! Хочешь ты или не хочешь этого. Рано или поздно, но обязательно.

– Вот поэтому и нечего тебе продавать, что у тебя Родины нету, – беспардонно тут же развернулся в нужную ему сторону Грандкевич. – У тебя нету ничего. Ты это правильно сказал. Это потому, что ты – бездуховный человек. Ну, ты не русский!

От возмущения и возбуждения Грандкевич начал терять контроль над собой. Провокации доктора всё чаще достигали цели и, похоже, вели к непредсказуемым реакциям. Впрочем, так ли уж непредсказуемым? Из ничего ничего и не возникает.

– У меня Родина – Земля! А может быть, и Вселенная! – жёстко сказал Наум Аркадьевич.

– Ну, ты себя не чувствуешь русским. Правильно! Жид не может чувствовать себя русским.

– Картину «Над вечным покоем» нарисовал истинно русский. Хотя фамилия у него была – Левитан. И потом, я не жид!

– Ну, ты испанец, допустим, – отмахнулся, как от мухи, Грандкевич, не обратив никакого внимания на русского Исаака. – Потому тебе и насрать на Россию. Чем ей хуже будет, тем тебе лучше. Потому что все... Вся жидовня прёт отсюда. С радостью прёт, чтобы насрать этой стране, всё из неё выкачав.

– Да ну? Не всё и не все!

– Не надо! Слушай, жида-дворника ты не найдёшь!

– А что, дворник – идеал совершенства и верх достижений?

– Брось! Брось! Выкачано всё! Всё, что смогли! С кожаных комиссарских курток, мать их пере.б (употребив)! Вот я жидов бы сейчас не выпускал бы. Я бы их выводил на помойку и расстреливал бы...

– Экстремист! Если не сказать больше...

– Да! Я экстремист!

– Но почему? Почему?

– Потому, что это было то самое говно, которое сгубило Россию. Комиссарское!

– Комиссарское, но не еврейское. Евреи были угнетённой нацией в угнетённых.

– Ох, етит вашу мать!..

– Поэтому, когда представилась возможность заявить о себе как о свободных личностях, то пружина сильнее всего и развернулась среди них.

– О!.. О!.. – всё выше и громче зазвучал бас Грандкевича. – До чего же угнетённая!

– Государства не было, силы военной не было, все отовсюду гнали, вот они и вынуждены были утверждаться знаниями, талантом и золотом, – закончил свою мысль доктор.

– О!.. О!.. Все эти ваши Троцкие, все эти ваши ё.....е (употреблённые) Наханкинсы-Свердловы-Бухарины – жидовня! Сталин делал добрые дела... Когда пришибли, понимаешь ты, этого самого... Троцкого – это было доброе дело, потому что это был подонок. Подонок величайшего класса. Потому что это был человек, который ненавидел Россию. Он ненавидел Россию! Он ненавидел!.. Эта сволочь жидовская!.. Он истреблял физически казачество. Ты, наверное, ничего этого не знаешь?

– Знаю.

– А! Так за это ему памятник ставить, что ли? Ему и этому Наханкинсу, который распорядился расстрелять царскую семью?

– Так то же самое и Гитлер делал. Это геноцид! Неприемлемое следствие любого партийного или религиозного монархизма.

– Да мне наплевать на Гитлера!

– А мне не наплевать. Это следствия одного и того же явления. Даже в семье, если кто-то считает себя всегда правым и требует тотального беспрекословного подчинения, то непременно наступает геноцид. Вот у тебя в семье ощущается это, ощущается...

– Ладно, ладно... – поморщился Грандкевич и тут же снова побагровел. – Русские люди – это очень много дурацкого бараньего всепрощения... Вот это надо прекращать. Надо в себе воспитывать чувство ненависти и чувство непрощения...

– Ну, ты... Библии коллекционируешь... иконы... Ненависть – это дорога в никуда. Ненависть не созидательна!

– Ещё как созидательна! – распаляясь всё больше и больше, выкрикнул Грандкевич. – Я ненавижу партию – значит, я должен её разрушить и вместе со всеми строить это новое светлое здание. Я ненавижу коммунизм! Я ненавижу ЦК с этой... С блямбой на лбу!

– Ну, это верно – ничего особенно хорошего они не сделали.

– Абсолютно! – обрадовался Грандкевич. – Дело в том, что за шестьдесят с хвостиком лет они вообще ничего хорошего не сделали. Они угробили десятки миллионов людей...

– Ну, это всем ясно.

– Да! Всем ясно, и все молчат. А я ненавижу! В открытую! Ненавижу активно! Если завтра начнется гражданская война и у меня будут силы, то я пойду и буду расстреливать коммунистов. На первой помойке...

– Нельзя делать добро, творя зло.

– Брось ты эту толстовщину! Сейчас не то время. Не та жизнь. Надо будет стоять на крайних позициях: либо – да, либо – нет.

– Так уж и так всё практически прогнило. Погибли лучшие идеи человечества, и труп смердит...

– Да вот беда-то в том, что мы даём ему ещё жить. Потворствуем, понимаешь ли, этому дыханию, – уже мягче и спокойнее продолжал Грандкевич.

– Вот видишь – кое в чём мы с тобой полностью сходимся. Если мозг дохлый, то кофеин уже не поможет, – тоже спокойнее продолжил доктор. – Но всё равно в твоей агрессивности я не вижу созидательности. От чего у тебя такая агрессивность? Кроме твоего потерянного дома, конечно...

– Почему «кроме»? Почему? Партия и система сгубили государство. Довели его до полной катастрофы. Большое, цветущее, прекрасно жившее государство. Хотя многие поймут это лишь тогда, когда жрать нечего будет. Не надо, понимаешь ли, делать страха из царской России. Это жила страна! Могучая! Культурная! Она первая была по культуре в Европе. И по широте и по духу национальному какому-то. Характером! Чертами характера национального. А сейчас? Сейчас народ стал зверем. Сейчас кругом хам. Новая интеллигенция – это не интеллигенция...

– Согласен. Вот тут я с тобой абсолютно согласен. – Ну вот! Оттуда вот и идут все беды. Значит, говорить «спасибо» никак не приходится. Товарищи, кончайте! Уходите, так сказать, с арены! Куда вы лезете? Если бы меня попросили написать прокламацию, я бы следующее написал... вот тут у меня есть набросок...

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ! ДАВАЙТЕ ПОДУМАЕМ...

64 года назад залп «Авроры» возвестил начало социального эксперимента над народами, проживающими на 1/6 части суши. Разгон Учредительного собрания, смещение Временного правительства завершили государственный переворот в России. Свершилось насилие.

Какими бы благими пожеланиями ни руководствовались отцы эксперимента, это насилие как принцип коммунистической идеологии определило всю последующую историю страны.

Пирог, замешанный на крови, оказался несъедобным.

Неотвратимо и мучительно идёт переоценка ценностей. Миллионы жертв увёл за собой в царство мёртвых призрак, “бродивший по Европе». Неизмеримая дань выплачена народами фанатикам социальных экспериментов, всем тем, кто от имени обездоленных и угнетённых втискивал жизнь в прокрустово ложе марксистских планов переустройства общества.

До сих пор прах палачей собственного народа в почете покоится у стен Кремля, а живые душегубы, отмеченные наградами, получают иудины сребреники персональных пенсий. Так и не смогли выдавить из себя слова исторического покаяния современные большевики.

Да, Октябрь 1917 года подтолкнул мир к прогрессу, но только не саму страну, в которой он родился. Её отставание от развитых стран ещё больше увеличилось.

Страна стоит на краю пропасти, к которой её привела дорога Октября.

ДАВАЙТЕ ПОДУМАЕМ...

– Ну вот – сам видишь, что злом и разрушением невозможно творить добро и созидание. Непродуктивно!

– Что?.. Чего?..

– А, ладно! Истина в том, что подумать действительно стоит... Зря я эту кутерьму на заводе затеял...

– Опять?

– Ну, это будет порадикальней... Хотел не склеивать рану, не вырезать, а вытеснить живой клетчаткой, – омрачился доктор.

– Господь с тобой! Да что бы ты ни затеял благое, ни черта не получится, пока эту партийную раковую опухоль не выжгут калёным железом!

– И всё-таки я не выношу, когда формируются чисто национальные образования – неважно, Россия это или Израиль. Есть в этом что-то животноводческое.

– Это для тебя! – опять набычился Николай Николаевич. – А я до мозга костей русский. Мои предки были русские. Я горжусь Россией! Я болею за Россию! Вот я – русский! Всё!

– Ну, а если ты до мозга костей, то чего это у тебя фамилия – Грандкевич?

– Ну и что?

– А то, что все мы от Адама и Евы, а они, как тебе известно из писаний, были предками Авраама и Сарры, то есть если не мелочиться на племена, то евреи. Но это только в том случае, если еврей – библейский синоним слова «человек». А если нет, то никаких евреев, а только – ЛЮДИ! Что, конечно, истина, так как по этой же самой крови, то есть фундаментальной генетике, можно быть или человеком, или не человеком. И никаких евреев, арабов, немцев, русских, казахов, американцев, или кого-либо другого. А некоторым морочат голову тем, что если ты король, или еврей, или русский, то это тоже зафиксированная чуть ли не с сотворения мира генетика и это обязывает тебя почти на мистическом уровне выполнять определённые правила. Полная или чисто политическая чушь! А значит, понятие «национальность» – всегда понятие психологическое. Нация, так же как и религия, да и государство тоже, – это часть культуры. То есть того, что создано человеком, а не Богом.

– Да ничего подобного! Нечего мне тут сказки говорить!

– Значит, это кровь? Это биология и физиология или всё-таки психология? Ну? Американцы – это кровь?

– Тебе это трудно понять... – совсем смешался Грандкевич.

Он чувствовал, что мысль доктора, признавая его неправым, разрушает то, чем он дорожил больше истины. Поэтому он не понимал, а главное, не хотел понять того, о чём говорил доктор.

– Раз ты этого не хочешь... Раз тебе это неоткуда взять... Раз тебе это чуждо... – упрямо повторил он ещё раз и, как печать, прищёпнул: – В тебе нет понятия России! Нет!

– Есть! Есть понятия и России, и Казахстана, и Родины. Как, впрочем, у любого живого существа. То есть Родина – это то, без чего я просто не могу быть на этом свете. Это – вода, земля, воздух, дом, одежда, тепло, пища и так далее. Ну и привычки и привязанности тоже, естественно. Но это уже вторично и, как национальность, психологично.

– Это космополитизм, который ничего не даёт!

– Даёт! Именно он и даёт! Ненасильственный, естественный космополитизм – это будущее. Он перспективен! Он созидателен! Иначе все друг друга в конце концов перережут и на этом проблемы, а с ними и сюжеты, закончатся.

– Ничего подобного!

– Ну, Коля, а ассимиляция? Как ты её можешь отрицать? Это же естественный процесс. Это индивидуальный процесс. Чисто личностный.

– Нет!.. Ну, нам с тобой на эту тему нельзя говорить, – попытался ускользнуть Грандкевич. – У тебя нет аргументов.

– Как? – вскричал доктор. – Объективный процесс – не аргумент?

– Какие у тебя могут быть аргументы? – торопливо и так же упрямо забасил Грандкевич. – У тебя не может быть никаких аргументов! Ассимиляция – это не аргумент. Это – оригинальничание. Какая ассимиляция? Где ассимиляция?

– По всей земле!

– Кого?.. Чего?..

– Да люди и их нации смешиваются!

– Да где они смешиваются? Что ты херню порешь?

– Да даже во мне их штук пять по меньшей мере из разных регионов.

– Ну, етит... Ты же не пуп земли!

– Да чем разнообразней смеси, тем хромосомный набор более перспективен. Народы крайнего севера с древнейших времён всех пришлых к своим жёнам, сёстрам и дочерям в постель затаскивали, чтобы не выродиться. Что они о генетике знали? Они знали жизнь и потому такой обычай и закон установили.

– Мораль сей басни такова: пчела беременна была и медвежонка родила! Вот поэтому тебе надо уезжать отсюда. И искать, где твоя Родина.

– Да не надо никого никуда заставлять уезжать! Пусть каждый живёт там, где ему лучше. А категоричная национальная дифференциация и блюдение национальной чистоты – это мёртвая система. Ограниченная!

– Нет, это вечно живая система! – почти с угрозой прогрохотал Грандкевич.

– Жёсткая, система, а потому ломкая и обречённая на быстрое вырождение! – тоже выходя из себя, выкрикнул доктор.

– Живая! Россия бессмертна! Она выдержала даже шестьдесят лет коммунизма!

– Чушь! Ничего нет бессмертного в этой системе координат. Всё конечно. Вымерли целые народы, целые цивилизации. Вернее, растворились друг в друге. Ассимилировались. Шумеры, например, или хазары.

– Это прошлое, ей-богу... Что ты о шумерах говоришь?

– Ну, вымерли же как чистый вид! Если они были таковыми, что весьма сомнительно.

– Ну, вымерли – и вымерли.

– Значит, всё-таки нет ничего бессмертного в земных сюжетах нашего измерения?

– Ой, хватит херню пороть, которая меня не волнует совершенно, – почти прорычал Грандкевич и дрожащими руками начал помешивать ложечкой в чашке.

– Я же не говорю, что ты порешь херню, поэтому не надо говорить, что я порю то же самое, – неожиданно очень мягко и спокойно сказал Наум Аркадьевич и тоже усиленно заинтересовался чаем.

В кабинете повисла тишина...

Первым нарушил молчание доктор:

– Замечательный у тебя вид с пятого этажа. Парк Панфиловцев, как Беловежская пуша, смотрится. А за ним как будто и города нет, а сразу горы. Какой вид прекрасный! Кстати, НЛО вон там появляются часто. Но ты, наверное, и не смотришь на горы никогда, поскольку они всё время под боком. А там появляются шары...

– Серьезно?

– Конечно. Так что ты зря не смотришь. А вот я... «Дывлюсь я на нэбо, тай думку гадаю!...».

– Ни разу не видел... Нет, я верю, что что-то должно быть, но чтобы вот так...

– Не может быть, чтоб не было!

– Согласен. Вот тут и я с тобой согласен. Я в это верю.

– Да-а... Смотрю я на горы и думаю: чего это ты оказался в Алма-Ате? Жил бы себе в России, – снова завёлся доктор.

– О, милый, это длинная история!

– Это вас сослали, наверное. Тогда многих или сослали, или сажали, или расстреливали. Сталин-отец очень об этом заботился...

– Я приехал без всякого Сталина.

– А чего вдруг решил в эту... Ну, как ты иногда приговариваешь, – в Россию Казахстанскую? Почему сюда?

– Ну, это длинная история...

– Но это же всё-таки не Россия – Казахстан?

– Не Россия, – опять набычился Грандкевич.

– Ну, а что ж ты говоришь – Россия, Россия! Россия там где-то, а ты почему-то живёшь тут.

– Ну, это длинная история, почему так получилось... Ты же тоже не в Израиле живешь?

– Правильно! У меня Родина – Земля! И так как здесь состоялась моя максимальная самореализация, то тут я и живу. Но ты-то! Ты-то со своими убеждениями!..

– Ребята, давайте жить дружно! – раздался знакомый голос, и с чайником в руке вошла Рая.

– Раечка! – вскричал Наум Аркадьевич. – Какой он русский – Грандкевич? Ну, какой он русский? Ну, жидня! Жидня типичная!..

Этот удар бумеранга, да ещё и с апелляцией к Рае, вызвал в хозяине такой взрыв, что контроль над собой, а с ним и остатки интеллигентности улетучились, как пар.

– Ну, дело всё в том, что Россия тоже не всё прощает, и каждый плевочек в её лицо... – постепенно разгоняясь, начал он угрожающе.

– Что это за субстанция такая религиозно-надуманная – Россия? Брось ты, ради бога! – уже тоже почти не сдерживаясь, перебил доктор. “Меня тревожит вид твой грустный. Какой печалью ты томим? И человек сказал: я русский! И Бог заплакал вместе с ним”.

– Не надо-о! – замотал головой Николай Николаевич и вдруг с бешеной яростью рявкнул: – Идите вы на хер!

– А потом всех обратно! Только уже на других условиях! С поклоном в пояс! – так же бешено выкрикнул Наум Аркадьевич.

– Кого?

– Тех, которые уехали и уедут!

– Не-ет! Я бы это говно никогда не пустил. Это – предатели!

– Ну, мара-азм! Ну, мара-азм! Какие предатели? Какие?..

– Вся эта жидовня! Жиды – это предатели! Что они уезжают – очень хорошо! Мы, наконец, избавляемся от потенциального говна у себя в стране.

– Мозги едут, мозги! Интеллектуальный потенциал!

– Да ну? Это говно! Это мразь, которая уезжает... Они... Потому что они поняли, что хер выкачаешь больше теперь!

Николай Николаевич вскочил и, вытеснив побледневшую Раю из комнаты, начал бегать по тому скудному пространству, которое струилось между антиквариатом.

– Блядово жидовское... Сгубили на х.й (мужской член) страну, а теперь... Сгубили Россию, суки! Мразь ё.....я (употреблённая)! Ё.....я (употреблённая) в рот, понимаешь ты!

– Не понимаю! Не понимаю я этого! По-моему, тут еще Маркс что-то напутал, или, скорее всего, с ним что-то напутали, но он был не наш еврей, а немецкий.

– Да иди ты к ё.....й (употреблённой) матери!

– Да я-то тут совсем уж не при чём! – развёл руками доктор.

– Ё.....е (употреблённые) в рот! Расстрелы все жидовские! Царскую семью!.. Какого х.я (мужского члена) руки поднялись у них на такое дело? Юровские, б...ь (гуляющие задарма)! Мойши Юровские!

– Это идеология! Однопартийность!..

– Однопартийность?.. Да х.й (мужской член) вам в рот всем, чтоб голова не качалась!

– Хорошо-о! Приятная речь! – попробовал урезонить доктор, но Грандкевич катил, как танк.

– Брось ты мне тут качать – Россия! Х.й (мужской член) вы в России понимаете! И не х.я (мужского члена) вам там делать! Он распространяется – России нет, Россия – то! Переживём мы вас всех! И без жидов проживём! Дали вам по рукам! Дали по загривку, и они поняли, что х.й (мужской член) выкачаешь! Поехали, блядь!.. Ага-а! Блядово ё.....е (употреблённое) в п...у (женский половой орган)! А идите вы на х.й (мужской член)! Жидовские морды! О, блядь, я показал бы вам Кузькину маму! О-о, я бы вашу жидовню привёл бы в порядок! Моя бы власть – я бы показал бы! Вы бы взвыли бы! Етит твою мать! Едут в свою жидовню и там по-русски говорят! Ах вы е..т (употребить) вашу мать!

– Не имеют права говорить по-русски? – изумился доктор.

– Конечно! Говорите по-жидовски! Потому и едете, чтоб говорить по-жидовски! Какого х.я (мужского члена) вы там по-русски говорите? Русский язык позорите! Из России, понимаешь ли, дёрнули, а там по-русски говорят...

– Ископаемое... Ну, ты – ископаемое! Да пусть хоть на пальцах разговаривают! Язык – средство общения и передачи информации!

– Не-ет! – перебил Грандкевич. – Язык – национальная принадлежность!

– Если язык, как и нация, – самобытная часть общечеловеческой культуры, то – да, а если часть голоса крови, отличной от других людей, то – нет!

– Да брось ты! Что ты в этом понимаешь? Была бы какая-нибудь организация по возрождению России – я бы пошёл в её лидеры! Я показал бы Кузькину маму! И жидам, и коммунистам показал бы. Сгубили Россию! Сгубили, суки! Сгубили, сволочи!..

– Да система сгубила! Однопартийность! – отчаянно вскричал доктор. – Так же, как и монорелигии ведут к инквизиторскому геноциду! Точно так же, как и нацизм! И ведь у всех, вроде бы, благие пожелания! Даже Гитлер хотел, вроде бы, улучшить человечество, оставив только, якобы, качественнейшую его часть – здоровых арийцев, а остальных или уничтожить, или превратить в бессловесное рабочее быдло. Он и среди своих немцев провёл селекцию и истребил почти всех психически больных, горбатых, уродливых и сексуально нетрадиционно ориентированных. И что? Меньше их стало? Перестали с ума сходить? Или, может быть, сплошные гении стали рождаться? Где отряды новых Максов Планков, Лейбницев, Гёте, Шиллеров, Бетховенов, Гайднов, Моцартов? Где? Ну, при чём здесь немцы или русские, или евреи, если национал-социализм и псевдокоммунизм упали на них и подмяли разум? Хотя, конечно, если ты не баран, то стыдно...

– Тут жидам делать нечего, – выслушав всё и ничего не услышав, продолжил Грандкевич. – Надо ехать к себе в жидовню и говорить по-жидовски. Не надо!.. – снова заорал он, содрагаясь всем телом. – Россию не трогайте! Терпели говно всякое! Все комиссары были жида – это ясно! Все это знали! Это мразь! Подонки! И иди ты на х.й (мужской член) со своими угнетёнными нациями! Все, блядь, миллионеры в России были жида! Что ты мне херню порешь!..

Науму Аркадьевичу стало дурно, и он, поспешно взглянув на часы, громко охнул:

– Я пошёл! Ребята, я пошёл!..

– Куда? – сразу же пришёл в себя Николай Николаевич. – Куда ты, перец?

– Вот, Коля, я так и знала, что этим кончится! – отчаянно воскликнула сразу же вбежавшая Рая.

– Да нет, ребята, я просто крупно опаздываю! Спасибо вам за всё! – тяжело дыша и вовсю улыбаясь, сказал доктор.

– За что? – изумилась Рая.

– За откровенность и искренность твоего мучителя и за то, что ты, Раечка, всегда такая расчудесная. Приходите ко мне – в беседке посидим. Покалякаем на свежем воздухе. У вас тут душновато...

– Я надеюсь, ты не обиделся? – с сомнением спросил Грандкевич.

– Ну что ты! По-моему, это ты слишком уж обиделся! Пока, ребята, пока!..

На улице маска веселья и непринужденности слетела с доктора. Кроме страшной усталости, ощущение было такое, как будто бы он искупался в помоях.

– Ну и денёк! – прошептал Наум Аркадьевич и, в последний раз взглянув в сторону предполагаемого окна Грандкевича, добавил: – Бедная Рая!.. Бедная Раечка!..

СКАЗКИ ДЕДУШКИ НАУМА

Конечно, каждый думает о себе гораздо лучше, чем он есть и ничего в этом нет плохого и криминального, так как голая правда несёт за собой столько сложностей и самокопаний, что можно и в дурдом загреметь. А можете вы себе представить всё человечество в дурдоме?

Видимо, многогранник человеческих устремлений будет без конца стремиться к кругу и так никогда его не достигнет. А если и достигнет, то есть вероятность, что всё обратится в ноль, который и есть та самая конечная и изначальная истина, расколовшаяся сначала на две единицы, которые, в свою очередь, ещё на две, и так далее, и так далее. И начнётся всё опять сначала. И опять ноль расколется в одночасье на мириады частиц, и будут пытаться эти мириады упорядочиться в изначальную моногармонию, и опять ничего не будет получаться, а будут получаться всё новые и новые довольно забавные калейдоскопические комбинации. Потому как ноль хоть и абсолютная гармония, но на сегодняшний день, как накопление стимула для движения и творчества, – пройденный этап и для Бога, и для нас. Тем более, что само движение и творчество уже давным-давно пошло-поехало...

Впрочем, может быть и не так...

Но в том, что никакой из талантов не пропадает зря и не зарывается в землю, как считают многие, автор абсолютно уверен. И признание тут не имеет особого значения, ибо, как всёпроникающий флюид, таланты пронизывают эфир и всё, что попадает на их пути и во время их физической жизни, и, как подсказывает интуиция и после неё. Все гении современности и выдающиеся личности, известные и неизвестные, являются лишь трансформаторными узлами, аккумуляторами и ретрансляторами собирающихся в них и около бесчисленных идей и озарений. Потому-то и радуемся мы и гордимся, когда приводится лично пожать руку гению. Инстинктивно каждый чувствует, что встречается со своим самым лучшим, которое он, сам того не ведая, подарил человечеству. Жаль, что этого никак не хотят понять многие из «ретрансляторов» и «аккумуляторов». Они так гудят о своих личных заслугах, что, в конце концов, превращаются в унитазы, с соответствующей утечкой и беспощадной исторической оценкой. Преклоним же колени перед мудростью жизни и её безвестными глашатаями! Их гораздо больше, чем известных, и к звёздам им приходится продираться сквозь сплошные тернии и безысходность. С одним из них мы сейчас и познакомимся ещё ближе, чем раньше, но уже в более приемлемой для его возраста ипостаси.

Вот он – Наум Аркадьевич!

А что вы удивляетесь? Сейчас он предстанет перед вами не только как врач от Бога и борец за интересную нормальную жизнь, но и как просто дедушка. Дедушка Наум!

Чёрная полоса неудач и странного стечения обстоятельств продолжала преследовать доктора. Впечатление было такое, что судьба задалась целью добить его до конца. А когда за дело берётся такая матрона, то сами понимаете... Очередной удар был коварно-банальный, а главное, неожиданно результативный. Наума Аркадьевича уже в который раз, но почему-то слишком обидно, обозвали старой жидовской мордой и так толкнули, что можно сказать – избили. И к его заводской деятельности это не имело никакого отношения. Просто доктор, где-то в очереди, как всегда при всех, назвал подлеца – подлецом, вора – вором и подонка – подонком, и это так не понравилось названным, что они тут же поспешили подтвердить диагноз эскулапа. Подводя черту под предыдущим эпизодом и этим, так некстати (а может быть, и кстати!) подвернувшимся случаем, тут можно сказать только одно:

И сам поэт горбат

И все стихи его горбаты.

А кто же виноват?

Евреи – виноваты!

И где только и за что только не расплачивался доктор реализуя свой шумный характер, но вот и он сник. Человек он был, а у людей (как, впрочем и у всего остального!) всё имеет свой предел. Тем более что и возраст был далеко не юношеский. Под восемьдесят было нашему доктору, граждане, под восемьдесят! Да и визит к Грандкевичу сказался... Вот по всему поэтому и лежал он теперь целыми днями в своём гамаке и безучастно смотрел на хрустевшие на ветру прошлогодние стебли хмеля.

Федя и Аполлон в очередь не отходили от своего любимца.

Но больше всех всполошился Абрам Моисеевич. Он тут же оформил отпуск и, словно нянька сидел у изголовья друга, делая вид, что испытывает величайшее наслаждение от возможности зачитывать ему вслух всякие заграничные и отечественные сенсации. Он даже принёс транзисторный цветной телевизор, но тщетно! Наум Аркадьевич лишь жалко улыбался и просил только одного – не вызывать врачей.

– Ньюма, я ещё не скоро уеду. Я решил! – говорил Абрам Моисеевич.

– Ну и что с того? – совершенно не удивлялся доктор. – Что изменится?

– Да плюнь ты на всё это... На то, что произошло с тобой...

– При чём здесь «это»? Я просто устал... – вяло отвечал Наум Аркадьевич и умолкал.

Так прошла неделя.

Доктор угасал...

Наконец Абрам Моисеевич не выдержал. Во-первых, достойно проводить близких до могилы – святое дело каждого, считал он. Иначе любое общество рушится. А во-вторых, благотворное влияние родных и любимых способно творить чудеса. Поэтому, ничего не сказав другу, он побежал на переговорный телефонный пункт и уже через три дня вместе с Федей и Аполлоном встречал в аэропорту сына Наума Аркадьевича с его женой и внуком.

Гениальность прозрения вчерашнего претендента на эмигранта действительно оказалась так же эффективна, как и проста. Ещё через три дня Наум Аркадьевич снова улыбался, сидел на веранде, пил чай и показывал внуку, как надо рисовать воду в стакане, чтобы она была «как живая». Сын же доктора был в полной растерянности. Забирать к себе отца было опасно. Он так сросся со своим саманным домиком, беседкой, заводом и друзьями, что это мог быть конец. Переезжать же к нему тоже было непросто. И условия далеко не лучшие, и работу по специальности найти не так-то легко, и те же друзья все не здесь, и вообще – что, вы не знаете сами эти наши жуткие и почти неразрешимые проблемы с престарелыми родителями, жильём и всем остальным?

Теперь о Феде и Аполлоне!

Ясно, что после приезда сына Федя сразу же временно (ох уж это необозримое временное!) перешёл жить к Аполлону. И вообще, колесо судеб сделало резкий поворот. Он, правда, ещё не был особенно ощутим, но он был. И хотя машина всё так же стояла в палисаднике Наума Аркадьевича, но герои вместе с Абрамом Моисеевичем всё чаще сидели в беседке или в саду. Неподалёку, но всё же в стороне от счастливого деда с внуком, хлопочущей очаровательной невестки Леночки и сына.

Доктор же ничего не замечал и полностью впал в совершенно отличную от своего боевого ритма повествовательно-воспоминательную эйфорию, и речь его была насколько раскрепощена, настолько и неотредактирована. Впрочем, шибко ли мы сами себя редактируем, когда просто живём? Так давайте же наберёмся терпения, подойдём поближе и окунёмся в жизнь в её совершенно реальном времени, виде и ритме!

Луна и море

(сказка первая)

– Ну, стакан у нас получился что надо! – удовлетворённо сказал дед и карандашиком прибавил несколько завершающих штрихов.

– Ага... – отозвался внук и начал рисовать на другом листе что-то, пока мало понятное.

– Луна! – сразу догадался дед.

– Ага, – не удивился внук.

– А как мы туда полетим? – озадачился дед, и внук сразу же принял условие начинающейся игры:

– На ракете!

– Правильно! Но не на простой ракете, а на такой, которую можно, как змей воздушный, запускать. Один конец верёвки к кораблю привяжем, а другой чтоб болтался на земле, – сказал дед и набросал контур ракеты, который внук начал тщательно обводить. – Канат откручивают, а ракета крутится, крутится и всё выше, выше, выше, выше... А потом, как невесомость пошла, так начинает её Луна притягивать к себе. Тянет, тянет, тянет... Ну а там, в землю, конечно, якорь, и, смотришь, какой-нибудь пацан потихоньку, пока мама на базар пошла, привязался к якорю... Верхом сидит. «Хо-хо!» говорит. “Счас я тоже на Луну пойду!”.

Оба рассмеялись.

– Ну, знаешь, как весело! – смахнул слезу дед. – Это мне самому интересно. Я бы сам полетел.

– Это по канату – раз! Вдох не успеешь сделать – уже на Луне, – сказал внук и нарисовал человечка, бегущего по канату, как пуля.

– А радиоприёмник с собой возьмем? Чтоб весело было! – предложил дед и покосился на «Сельгу» чуть ли не первого выпуска, бог знает когда подаренную ему сослуживцами.

– Конечно! – не задумываясь ответил внук и добавил: – И скафандры надо. Или вот этот... Как его?.. Ну, противогаз этот... Как его?.. Ну, аквалангу! Акваланг!

– С ластами? – обрадовался дед.

Он долгое время работал в причерноморских санаториях, и всё, что касалось воды, радовало и волновало его чрезвычайно.

– Нет, ласт не надо. Акваланг просто взять – и всё, – отрезал внук.

– А когда окунуться? – удивился дед.

– Не обязательно – окунуться, – заявил внук.

– Как не обязательно? Там же вода, наверное, есть? На Луне! – возмутился дед и лукаво сощурился.

– Да ты что? – изумился неграмотности деда внук.

– Море Спокойствия!.. Море Бурь!.. – начал перечислять дед, но был прерван безапелляционным заявлением внука:

– Ничего там нету, кроме ям и кратеров!

– А зачем тогда ехать туда? Нечего ехать, – искренне сокрушился дед.

– Там грунт берут!

– А зачем он нужен?

– Для исследований!

– Уу-у, это скучно! Давай лучше, знаешь что?.. Давай лучше в Крым поедem! Там, по крайней мере, в морекупаемся. На солнышке положим. Рыбу половим... А то, что ехать туда – на Луну? Только ямы да... да... эти самые... рытвины, да ухабы, да песок какой-то. Зачем она нам нужна? Там песок один!

– Не-а! Там грунт! – упрямо повторил внук.

– А деревья всё равно там не растут, – беспощадно доказывал своё дед.

– Там дождя нету! Выше облаков ведь в сто раз! – отчаянно тянул свою нить внук.

– Фи-и! Дождя нет! Да мы можем туда шланг пустить!.. Поливать!.. – охотно подкинул новую идею дед. – Прямо с земли... По канату! Сразу водичка будет. Искусственное орошение. Смотришь, через год там и яблоки выросли, и апельсины...

– Нет, ничего не будет. Там холодно... – в раздумье проговорил внук.

– Клубника... – по инерции продолжил дед и тут же предложил: – А холодно будет – электрические обогреватели поставим. Отражатели солнечные поставим. Много-много! И растения будут согреваться и расти. Смотришь, клубничка выросла... Потом черешенка...

Такое предложение показалось внуку очень реальным. Но разбуженная к действию его инженерная мысль требовала завершенности.

– Не будет ничего! – решительно отрезал он. – Надо будет тогда эти... как его?.. Как его называют?.. Теплицы поставить! А в теплицах... там солнечный свет уже...

– Электрические нагреватели! – добавил дед.

– Да. Там батареи такие большие, – согласился внук.

– Во! – обрадовался дед. – И будет всё согреваться. И туда можно, когда холодно, залезть и погреться... и опять вылезти. Как в бане всё равно!

Внук рассмеялся.

– Да! – сказал он. – Только там пара нету!

– А пар можно легко сделать! – подбросил новую идею дед. – Прямо воду кипятить, и пар получаться будет.

Спровоцированное воображение внука работало во всю:

– А потом там будет молния. Гром! Молния, гром и дождь. И гроза!

– Ага, – согласился дед. – И ребята там танцуют и поют, и говорят: «Гром гремит, Луна трясётся, поп на курице несётся!».

Оба опять рассмеялись.

– И воспитательница там будет, – добавил дед.

– Не-е, – сразу сморщился внук. – Она на Луне будет мёрзнуть.

– Как мёрзнуть? – удивился дед. – Ей холодно – она в теплицы залезет!

Вот это внуку почему-то совсем не понравилось.

– Она будет бегать по Луне. Разгонится и будет бежать, бежать... И ей станет жарко, – решил он.

В это время из сада вышел сын Наума Аркадьевича. Он нёс два ведра яблок. Был конец июля, и летними сортами яблок усеяло всю траву под деревьями. Урожайный выдался год! Единственное, что омрачало праздник природы, – так это черви. Их на каждое яблоко приходилось как минимум по штуке. Простим же нашим героям их бесхозяйственность. Не до борьбы с вредителями садов им было!

Увидев яблоки, дед сразу озаботился.

– Ты слушай... – сказал он сыну. – Ты червей не кушай... Они знаешь... Они могут в желудке размножиться!

Внук внимательно слушал.

– Ты вон... возьми нож... Перережь пополам! – закончил дед.

– Ты что хрипишь? – озабоченно спросил сын.

Голос у деда действительно изрядно просел.

– А потому, что я говорю! – объяснил дед.

– Прокашляться надо было!

– Кхе! Кхе! – прокашлялся дед и сделал пробу голоса: – «Гром гремит, земля трясётся, поп на курице несётся!».

– Ларингит, – безнадежно махнул рукой сын. – Это потому, что вчера...

– Не-ет! – весело протянул дед и прижал к себе внука. – Это просто я не выкашлялся! Вот это, наоборот, даже хорошо. Хриплым голосом таким... баском... вроде как старый моряк. Они всегда говорят маленько с хрипотцой.

– Эй, – говорят, – сыграй налево! Право руля! Лево руля! Смотри вперед!.. Под борт! Лезь на мачту!

Один говорит:

– Есть – лезть на мачту!

И лезет на самую верхотуру.

– Ну, – спрашивают внизу, – Земля видна?

– Нет, – говорит. – Не видно ещё! Ни черта не видно! Одна вода кругом!

– Нету? – говорят ему. – Слезай!

Он слезает.

– Боцман! Боцман! – кричит.

– Бывает боцман, лоцман, а бывает просто Кацман!.. Вот какие люди бывают, Да-а... А капитан, знаешь... такой загорелый. «Морской волк!» – называют все его. Лицо у него, как у негра... Морда такая... бородка... усы... А сам ходит вот так... и смотрит по всем сторонам. – “Эй!” – кричит. – “А-а!..” Его боятся все жутко! Как гаркнет, так прямо все залезают... прямо под стол от испуга!

– Ух, ты! – заворожено выдохнул внук и, перелистнув страницу, начал рисовать море, корабль и капитана.

– Вот капитаны какие бывают... – продолжал вдохновенно дед. – Так это капитан. А штурман? Ты знаешь, что такое штурман?

– Не-а! – весело и бодро подхватил внук.

– Должность штурмана не знаешь? Какой же ты моряк?

– У-у! – в восторге оттого, что его уже произвели в моряки, выдохнул внук.

– Штурман – это у нас который крутит руль! Который руль держит в руках. Баранку!

– А-а! – вспомнил внук. – А я думал, это боцман.

– Боцман – это другое дело... Боцман, лоцман – это... А штурман... Это у него баранка такая круглая, как у шофёра.

– Штурвал! – вспомнил внук.

– Штурвал, – согласился дед. – «Баранка» – называется по-нашему.

– Что с яблоками делать будем? – вмешался в разговор сын.

– А что с ними делать?.. Во! Сок из них будем гнать! – сразу отозвался дед. – Ты разрежай их и готовь к соковыжималке.

Сын кивнул, взял вёдра и ушёл в дом. Внук растерянно моргал, озадаченный таким прозаическим словом, как «баранка».

Наконец он нашёлся:

– Не-е, вот так... Не баранка! У штурвала вон такие вот палочки. Штурман берет на штурвале за палочки и крутит... А сам смотрит. А корабль идет или туда, или сюда...

Внук рассмеялся, представив, как это должно быть.

Дед тоже.

– Это жуткое дело! – сказал он. – А если штурман напьется пьяный, а капитан заболел и встать не может, так он вот как делает...

Дед показал, как делает штурман, и внук это понял.

– Корабль становится пьяный! – сказал он. – Штурман стоит на одном месте, а корабль крутится во все стороны.

– Ну да, – согласился дед. – Во все стороны! Ха-ха-ха!..

Оба надолго рассмеялись, очень живо представив себе эту хореографическую картинку.

– А эти!.. – продолжал дед сквозь смех. – А все пассажиры: “Ой, батюшки, как он нас довезёт?”. А помощник говорит: “Ничего. Не беспокойтесь. До утра он протрезвеет”.

Оба опять весело захохотали.

– А тут к штурману подходит другой помощник... рулевой... – продолжал дед. – “Товарищ штурман, вы... вы... вы... не... не... пойдёте!..”. Боится его страшно. “Отдохнуть ма... маленько. Я за вас штурвал ма... маленько по... подержу.” Штурман говорит: “А-а? Доверять штурвал? Ни под каким видом!”. Он ему не доверяет, а пароход вот что делает... Вот так вот едет...

Дед показал, что делает пароход, и продолжил:

– Пассажиры думают: “Ну, всё сейчас...”. – “Ребята!” – говорит один.

– “На камешки налетим!” – вставил внук.

– Да, – согласился дед. – “Ребята!” – говорит, “Последний парад наступа-ает!”.

Дед запел, и оба снова заливисто рассмеялись.

– “Всё равно...” – говорит. – “Ничего не сделаешь...” – сквозь смех выдавил дед. – “Давай хоть песню споем! Врагу не сдаё-отся наш гордый “Варяг”. Пощады никто-о не желает!”. Тогда другой помощник говорит: “Вы что? Бросьте дурака валять! Это он напился больше, чем нужно было. Он один выпил две бутылки водки. Виски”, – говорит, – “нажрался! Добрался до ящика, а я не успел закрыть, понимаешь, это... кладовую. И он натюкался и пошёл, схватился за руль”. Тогда все пассажиры стали просить штурмана: “Дяденька, пойдй отдохни! Пойди отдохни маленько! Мы подержим руль!”. – “Что-о? – ревет штурман. – Отдохнуть? Вы мне на мель корабль посадите!”. А сам вот так вот качается. Вот так!.. А пассажиры... Э-э! Если б ты видел, что делается с пассажирами! Пароход-то то в эту сторону, то в эту...

– Ну и что? – замороженно спросил внук.

– Как что? То на один бок, то на другой! Все как яблоки катаются! О-ох!.. Это прямо жутко!.. – заплакал от смеха дед. – Весь состав пассажиров летит, как яблоки!.. Пассажирки молодые: “Ай! А-я-яй!” – кричат. А штурман: “Что вы айкаете? Кто на море не бывал, тот и горя не видал! Вы что думаете, переплыть море – это такой пустячок? Вот ещё часика два поплаваем – и всех ко дну пуцу!”. Помощник руками разводит: “Наверное, он зарёкся не довести до конца корабль...”. Сам бледный... Подходит ещё раз к штурману и говорит ему так ласково-ласково: “Товарищ штурман, ну... Ну, прилягте маленько! Ну, выпейте... чашечку кофе!”. А штурман смотрит на него, как зверь. Какой кофе тут тебе! “Ты мне”, – кричит, – “преподнеси беленькой!..”. Ему не хватило!..

Неизвестно, чем бы закончилась столь занятная импровизация, но в это время вошла Лена, невестка Наума Аркадьевича, с двумя полными сетками продуктов.

– Здравствуйте! – сказала она. – Ну, как вы тут?

Дед тут же засуетился:

– Принимай!.. Сын, принимай сетки!.. Что ж ты смотришь? Принимай у Лены!.. Принимай всё! Приёмку делай! Ой-ё-ёй! Смотри, какое количество на себе таскала!.. Я же говорил – надо было на машине ехать!..

– Вот, Олег, смотри! – сказала невестка и вытащила из одной сетки книгу о насекомых. – Вот муравьиная матка с крылышками...

– Ух, ты! – сразу же переключился внук, так как страшно увлекался в последнее время насекомыми.

Сын Наума Аркадьевича, приняв сетки, тоже с интересом смотрел в книгу.

– Да-а... – протянул дед, рассматривая фотографию. – Она, между прочим, не пьёт вот как тот штурман, про которого я рассказывал. О-о! “Жизнь насекомых”! Смотри, какие здесь картинки! Вон... личинки! Во-о, смотри – «насекомые – строители», «насекомые – учителя».

– Ага! – хохотнул внук, приняв шутку.

– Все думали, что он учитель, а он был просто укротитель! – тоже рассмеялся дед, видимо, вспомнив “сталинский рай”, и продолжил: – Видал, какие надписи? «Священный капр». Это интересная книжечка!.. Сын, что ж ты смотришь на Лену как баран на новые ворота? Разбирай продукты, разбирай!..

Чума и Ялта

(сказка вторая)

После обеда, в приготовлении которого принимали участие все герои, и особенно Аполлон, сокрушавшийся по поводу нерасторопности своего временного автосервиса, друзья вместе с Абрамом Моисеевичем уехали в клуб, а Наум Аркадьевич перебрался в беседку. Туда же переместилось и всё его семейство. Правда, внук тут же убежал, и причиной этого был визит соседской вольно гуляющей дворянки Майки. Майкой ее назвал сам доктор, так как впервые она прибежала к нему в мае. На самом же деле у дворянки было другое имя и другой хозяин. Впрочем, она с удовольствием отзывалась на оба, так как и там и тут её кормили и баловали.

В беседках хорошо беседуется!

Не правда ли – оригинальная мысль? А главное, всегда свежая, неожиданная и верная! Наверное, поэтому, когда невестка с сыном начали резать яблоки, очищая их от сердцевины и червоточин, дед и перешёл к своим воспоминаниям и рассуждениям. И поскольку разговор до этого вился вокруг всевозможных инфекций и, в основном, болезней “грязных рук”, то он начал повествование о королеве инфекций – о чуме.

– Был я на чуме! Не простой, а настоящей! Такой чуме, где люди два дня – и умирали! Это было в калмыцкой степи. А я ещё был тогда студентом четвертого курса. У нас в Саратове, где я учился, был такой краевой институт микробиологии и эпидемиологии. Назывался «МИКРОБ». В общем, они набирали молодых людей в экспедицию... Желающих...

– Значит, это не обязательно было? – спросила невестка.

– Нет-нет, Леночка! По своему желанию! Нам, студентам, нужно было одеться, а деньги платили большие... Туда ехали вторым классом... пароходом... И обратно – вторым классом. Сначала в Астрахань... потом в Царицын. Это было при Советской власти... Это уже потом Царицын превратился в Сталинград, а теперь в Волгоград. Это был город... В зелени весь!

Летом мы приехали! А от Царицына в ста километрах – вспышка чумы... В калмыцкой степи, среди калмыков. И мы туда ехали на простой деревенской арбе. Со всеми медикаментами и всякими снаряжениями. Целый поезд ехал... много таких повозок. И люди ехали... и врачи... А главный наш начальник всей экспедиции, Суворов, на легковой машине ехал. А рядышком с ним ехала санитарная машина. Суворов был такой опытный эпидемиолог, который уже и огонь и воду и медные трубы прошёл и все чумы пережил. Он тогда уже был лет пятидесяти-шестидесяти... По-нашему, это был человек уже зрелый... Приехали мы туда и начали там работать. Работа была военизированная. Никаких разговоров! Сказано – сделано! Один верхом, другой на арбе... куда пошлют, туда и едет. Где-то подозрительный случай по чуме... Подозрение только... пятнадцать-двадцать километров... Сразу же верхом едет туда человек... студент, фельдшер... и проверяет. Мы выискивали очаги и собирали всех заболевших в одно место. Там был уже карантин, и очень строгий. Государство затрачивало колоссальные деньги на то... что если в каком-нибудь посёлке, селе или хуторе один человек заболел чумой, то весь хутор окружали, как военизированный лагерь, и не выпускали никого в течение известного времени. Всё подвергалось дезинфекции, дезинсекции, всё сжигалось, что можно было сжигать. А люди, которые там жили... здоровые люди... Скажем, один случай заболевания, а сто человек страдает из-за этого... Та-ак... Им всем оплачивали деньгами специальные хозяйственники компенсацию за сожжённое. Чтоб не было бунта. Коров не разрешали ни впускать, ни выпускать, и сено им доставляли. А у нас, где мы жили, – в Заветном... село Заветное... такое было маленькое... там была развёрнута больница. И там было человек десять – пятнадцать больных с бубонной формой чумы...

– Но они же все умирали! – удивлённо воскликнула невестка.

Сын Наума Аркадьевича не раз всё это слышал и потому лишь довольно улыбался её наиву.

– Нет, Леночка, они помирали у нас не все, – ласково успокоил невестку дед. – Они помирали приблизительно восемьдесят процентов... Почти что все! Но кое-кто... Из десяти человек двое выздоравливали.

– Но это же остаётся иммунитет потом на всю жизнь, – уже спокойнее констатировала Лена, на что дед так же мягко, по-отечески возразил:

– Ан нет – на полгода только! Там у нас один был... переболел, выздоровел и у нас же сделался санитаром. Полгода он уже не боялся. Хозяйка, у которой мы жили, которая нас кормила... Как она заболела, мы не знаем, но факт тот, что она заболела у нас чумой и через два дня умерла. Ну, тут, конечно, сразу все всполошились... Всё-таки близко... рядом... Потому что когда мы заходили в барак, где лежали больные, то надевали такой костюм... Как скафандр!.. Как эти самые... космонавты! Это что-то невероятное! Жара! Лето! Это всё надеваешь на себя вкруговую и ходишь... Руки в перчатках...

– Резиновые? – изумлённо спросила невестка.

– Резиновые, – подтвердил дед и продолжил:

– Здесь это... очки! Здесь закрыто... Дышать почти что нечем! Два или три раза я заходил в этот барак. Там специально были при бараках люди... Но мне приходилось два-три раза... Так... Лёгочная форма – сто процентов смертности, бубонная вот так... Это, значит, желёзки начинают опухать и... Ну ладно... Сыворотку делали... Всё это...

Дед задумался и помрачнел.

– Там были жуткие случаи, – продолжил он через некоторое время. – В каком отношении? Я уже говорил, что Суворов был самый главный и ответственный начальник... Дисциплина была строжайшая!.. Даже, пожалуй, строже, чем на военной службе. И вот как-то однажды один человек погиб за два дня, а там скрыла какая-то сельская местность... А у нас узнали и пошли выяснять, в чём дело... Отчего погиб... Так этот самый Суворов подъехал на своей машине... за ним ехала санитарная машина... и при нём стали вскрывать могилу... В общем, вскрыли могилу, он оделся соответствующим образом, взял скальпель, сделал срезы и тут же пошёл делать анализ. В машинах всё было приготовлено... лаборатория и так далее... Суворов был самый ответственный и самый знающий! Когда он это сделал и выяснил, что чумы нет, то мы закопали труп обратно и уже собирались уезжать в штаб, как эти две машины окружили неграмотные люди... Они даже водки не видели... Они пили «арьку». Из молока гнали. Что-то вроде самогона. Так вот, эти самые люди... они на русском-то языке еле-еле говорили... стали говорить Суворову так: «Вы вскрыли могилу. Вот... А нам известно, что вы получаете очень большие деньги от государства. Зарплата у вас большая. И у всех сотрудников тоже. Вы заинтересованы в том, чтобы у нас была чума!». Вот как они повели дело! «И вот то, что вы тут вот это... опрыскиваете – это как раз чуму вы прыскаете. Вы нас обманываете!». Суворов, тоже через переводчика, стал им говорить, что это неправильно. Что это дезинфекция...

– Ой! – испуганно воскликнула невестка.

– Да, это было, – продолжил дед. – Дезинфицировали мы сулемой. Настоящей сулемой! И вот жители стали говорить: «Докажи, что это не чума, – выпей! Вот тогда мы поверим!». И под страхом смерти заставили его выпить...

– Кошмар! Это же яд! – в ужасе всплеснула руками невестка.

– Да – яд. Настоящий яд, Леночка, – спокойно продолжил дед. – И он выпил что-то полстакана или стакан... Иначе хотели убить его тут же на месте. Там это были разъярённые невозможно люди. Они считали, что определённо мы разбрызгиваем эту самую чуму... Он выпил и, когда они отошли, сел в машину, проехал метров сто – и сразу ему в другой машине стали эту сулему выкачивать... промывать... Его спасли. Он отделался только большим испугом и сравнительно всё обошлось... Но факт остаётся фактом! После этого случая, кроме нас, студентов, туда посылали людей в гражданском, вооружённых с ног до головы. Они всё там оцепляли и охраняли нас...

Дед сделал небольшую паузу и продолжил:

– Теперь другой случай. Приехал к нам один студент. Не саратовский. Саратовских нас было трое. Трое мы приехали – трое и уехали. Там выдержали... Это страшно вообще... Страшно!.. А один приехал с какого-то другого района. И он каждый день заболел чумой.

Психической! А значит, признаки чумы начинаются с чего? Боль вот здесь начинается... в горле... желёзки начинают болеть... температура... И каждый вечер или днём он ложился: «Температуру мерьте! У меня начинается!.. У меня начинается!.. У меня начинается!..». Неделю он промучился так и всех нас перемучил. Потому что стали измерять температуру каждые два часа. Он не даёт житья!.. Его смотали и отправили домой.

– Пока цел! – сочувственно сказала Лена.

– Да, пока цел, – согласился дед. – Но мы выдержали...

– Никто больше из санитаров не заболел? – спросила невестка.

– Нет, – успокоил дед. – Санитары были все переболевшие. И из врачей никто не заболел. А до нас один врач, который первый обнаружил чуму, – он заболел чумой и умер там же. И за ним ухаживала его жена... там тоже... Она тоже заболела чумой и тоже умерла. И там их и похоронили... Вот после этой вспышки мы туда и поехали... Мне, главным образом, приходилось заниматься разведкой. Верхом на лошадь – и пошёл... по карте туда, где кто-то заболел, чтобы взять мазок и всё прочее... Ехали в своей обычной одежде...

– Но это же риск? А вдруг там чума – и всё!.. – воскликнула Лена.

– Ну да, – согласился дед. – А как же! Риск всё время! А без риска ничего нельзя! Мы приезжаем как граждане, идём в сельсовет, узнаём – кто заболел. Меряем температуру... Смотрим: грипп – не грипп... Может быть, и грипп, а может быть, и нет... Иной раз... я не забуду никак... там кто-то заболел гриппом, и меня послали... Когда я приехал, тот, кто заболел, уже выздоровел. А уже вечер был. Ну, этот... как его называют... председатель сельсовета говорит: «Ну, доктор...». Он меня доктором называл, а я ещё был студентом. «Садитесь, покушайте! Потом поедете! Да переночуйте! Куда же вы на ночь глядя?». А я приехал на деревенской лошадке... с сумочкой... и дорогу плоховато знал... километров двадцать-двадцать пять... Там какие-то направо, налево, направо... Так я и ничего не запомнил! Ну, думаю, надо послушать председателя сельсовета. Тем более – ничего срочного нет. Мы сели, и он начал меня угощать крутыми яйцами и «арькой». Ну, я выпил стакан... чувствую – не очень крепко... съел яичко... Выпил ещё стакан... думаю – что такое? Понимаешь ты – голова чистая, а встать не могу. Оно в ноги вдарило! Я говорю: «Слушайте, я ведь на работе. Я приехал обследовать. Хорошо – у вас тут ничего нет... но я должен возвращаться обратно». – «Ну, останьтесь до утра! Что ж вы поедете?». «Нет-нет!». Я настоял на своём. С его помощью (он меня уже под ручки подвёл к лошади) я хотел на лошадь взобраться. Не могу! Ноги не поднимаются! А голова совершенно ясная. Он меня посадил на лошадь и говорит: «Вы лучше оставайтесь. Но, если вы так хотите ехать, езжайте, конечно. Лошадь местная – она доведёт». Ну, ладно... Я сел. Но-о! Поехал... Уже солнышко заходило... Темно... Куда я ехал, я уже не знаю. Эта «арька» – как пиво... только потом разбирает... В дороге разобрало! Ехал я, ехал, ехал я, ехал... но я тебе скажу, лошадь почти что не трогал. Только «Но-о!» покрикивал. И держался, чтоб не свалиться. Она сама меня часа в два ночи привезла в штаб. И вот тут-то я чуть было голову не потерял. Не в переносном, а в самом что ни на есть прямом смысле. Там, когда въезжаешь в штаб, ворота и калитка. А сверху – деревяшка. И эта лошадь прямо, не останавливаясь, в калитку и вошла. А эта деревяшка – по горло мне... Хорошо, что от толчка я нагнулся и проехал. Лошадь, значит, быстро и бодро вошла, и меня встретили все из отряда: «Приехал! Приехал!». Дело в том, что

когда кто-нибудь уезжал, то все смотрели, насколько он уехал – на всю жизнь или на день. Вот это случай был! Но вот тот случай со студентом – это невозможная вещь! Он с утра вставал и житья не давал ни начальнику, ни нам. «Уже начинается! Уже начинается у меня! Проверьте! Пощупайте пульс!». Тот щупает пульс... «Температуру! Градусник!...». Неделю с ним возились... Потом отправили как не выдержавшего...

Дед взял одну из очищенных яблочных долек, осмотрел её и, удовлетворённо хмыкнув, положил обратно.

Повествование продолжилось:

– Мы уезжали тогда, когда кончилась вспышка. Вот всё меньше и меньше... Уже новых случаев нет... Осталось уже человек шесть, восемь... И вот тут тоже интересный момент был, который тоже нужно рассказать, потому что он ярко запечатлелся. Суворов был удивительно требовательный. Это – начальников начальник! Строгий до невозможности! Во время работы никаких разговоров! И у него была военная дисциплина. А как же иначе! Он и сам каждую минуту мог заболеть чумой. Когда же кончилась чума и больные выздоравливали и их просто подкармливали, и мы уже сворачивали снаряжение и собирались домой, тут Суворов показал настоящее свое лицо. Он послал двух или трех шофёров на какую-то там речушку за раками, поставил на стол спирт и устроил пир. Мы, как следует быть, сварили раков, развели спирт и пировали вместе с ним до утра. Я только там таких вкусных раков и ел. «Вот теперь вы знаете – насколько я строг был в работе, настолько теперь давайте отдыхать!» – сказал он. И вот мы там пили и ели... А во время работы никто из нас ни разу не выпил ни грамма спирта, поскольку такая напряжённая работа, что не до этого. Напряжённое состояние! Когда идёшь домой и думаешь: «Вот-вот тебя чума прихватит!». Так тут не выпьешь, понимаешь ли...

Дед сделал небольшую передышку и, видя, что все с большим интересом внимают его речам, продолжил:

– Интересно в Ялте тоже... Нет, там не было чумы! Я работал там на «скорой помощи». Дежурил днем и ночью, а в свободное время купался в море. Иногда даже ходил в гостиницу «Интурист». Тогда можно было... Там были прекрасные ванны! И вот эти ванны меня страшно прельщали своей белизною и комфортом. В этой ванне можно было находиться сколько угодно. Время неограничено! Плата была повышенная, но меня это не интересовало, хотя то, что на мне было, – это и было всё моё имущество. Меня интересовал отдых! После этой ванны... После того, как я отдохну... После того, как позавтракаю, я иду на пляж, как курортник. Отдыхаю, купаюсь и чувствую себя курортником именно благодаря этой ванне! А на другой день опять суточное дежурство... Вот во время этой работы... создалась такая ситуация... Дело было незадолго до войны... Уже было напряжённое состояние... Уже в Ялте были люди подозрительного типа... Уже встречались такие люди, которые подходили и говорили: «Вы знаете, это всё временно!...». В общем, какие-то странные типы там были. И вот нам месяца три не платили зарплату...

– А на что вы жили? – спросила невестка.

– Вот! – отметил дед. – У меня была какая-то серебряная ложка... Так я, работая врачом на «скорой помощи», постоянно ходил на базар продавать её... и ещё там какую-то мелочь. А

куда было деваться? Все работали, а денег в банке не было. И каждый жил на те сбережения, которые у него оставались. В основном, продавали на базаре. И всё хуже и хуже, хуже и хуже становилось, так что приходилось почти что... Ну, голодать! И вот я прихожу к директору поликлиники и говорю: «Послушайте, три месяца мы зарплату не получаем, а я человек приезжий – плачу здесь за всё наличными деньгами. Живу в гостинице. Ну, какой-то хоть аванс можно мне выдать, чтоб я не ходил продавать последние тряпки, которые у меня есть. У меня, говорю, уже и тряпок-то этих нет». Директор говорит: «Знаете что, я вам вполне сочувствую. Мы все в таком положении. Хоть и местные, но живём тоже не очень... Напишите заявление с просьбой выдать вам хоть какой-нибудь аванс в счёт зарплаты, а я напишу в бухгалтерию: “Выдать!»». Я уже не пишу количество, а пишу, как просьбу... Он пишет: «Выдать!», и я иду в бухгалтерию. Главный бухгалтер посмотрел-посмотрел – и вернул мне записку. «Директор для меня в этих вопросах не начальник» – говорит. – У меня есть финансовые органы, финансовая дисциплина. Мы зарплаты не получаем, а из других статей я денег вам платить не могу». Я говорю: «Да, но всё-таки такое критическое положение... Знаете... больше не к кому обращаться. Я человек здесь посторонний, приезжий...» – «Нет-нет-нет-нет!». Ну, «нет» – я повернулся и ушёл. Ушёл и продолжаю работать, потому что больше делать-то нечего. Это, как я говорил, было перед войной... Очень напряжённое состояние... Вы знаете, как это было... уже масло было в очереди по сто грамм... и очередь крутилась – по сто грамм набирала раз по десять... В общем, так...

Дед вздохнул.

– А я дежурю по «скорой помощи» ночью и днём... Как-то ночью вызывают к человеку – лёгочное кровотечение. Ну, приезжаю... Два часа ночи... смотрю – человек лежит на диване, изо рта у него кровь льётся, и вокруг обильное количество вылитой крови. Он лежит уже с почти бессмысленным выражением. У нас там было это... В Ялте было большое количество туберкулезных, и вот эти каверны иногда вызывают кровотечения. Довольно часто там бывало это, и мы уже знали, как их лечить. Мы им вводили три-пять кубиков камфорного масла и ждали некоторое время. Кровь останавливалась. Я, значит, беру шприц, делаю укол, смотрю... а это тот самый бухгалтер, который мне отказал. Он на меня смотрит... уже приходит в себя... «Доктор... помните, я это... Это я... помните?..». Я говорю: «Что теперь помнить? Помнить нечего!». Ну, в общем, я там у него около часа был, пока кровотечение не остановилось окончательно. Он два-три дня дома полежал и потом опять вышел на работу... Я тебе, Леночка, просто хочу сказать, что этот бухгалтер был такой педантист... такой аккуратист... Он со своей стороны был прав, но практически, в жизни, как человек, он был неправ, потому что я в тот день какую-то вещь буквально за копейку продал, чтоб покушать. Через какое-то время нам выдали какую-то часть зарплаты, и, конечно, мы как-то выходили из положения, но, встречаясь со мной, он чувствовал себя виноватым. Теперь, спрашивается: так вот, закон законом, а как кровь горлом пошла, так тут уж всякие законы потеряли смысл. Когда я у него дома сидел, он говорил: «Доктор... вы меня простите!..». Вот такие случаи бывают... У Суворова закон был человеческий, а у этого бухгалтера – бумажный! Вот так!..

Детство золотое и сегодняшний день

(сказка третья)

– Ну-у, что-то вы приуныли, братцы! – воскликнул дед. – Вон Лена даже яблоки перестала чистить. Какой же мы сок сегодня пить будем? Нагнал я на вас жуткостей...

Не успел дед сокрушиться как следует, как в беседку вбежал внук. За ним, восторженно дрыгая хвостиком, влетела Майка.

– Во! – обрадовался дед. – Лучше я расскажу про моё детство! Про то, как я был вот такой, как Олежка... Майка! Маечка!..

Дворняга запрыгала под рукой деда, норовя лизнуть его в лицо.

– У нас семья была не то, что теперь. Шесть человек! Отец работал учителем в гимназии, а мы с Надей (моей сестрой) всё время играли вместе. Я был самый младший в семье, часто болел, и меня постоянно пичкали всякими калориями... что-то вроде шоколада и так далее... Я их терпеть не мог, а всё съедала обычно Надя. О, она любила покушать!.. Так вот... Как-то ей купили куклу. Да не простую куклу, а роскошную! Ты слышишь, Олежек?

– Слышу, слышу! – прокричал внук и выбежал вслед за Майкой из беседки.

– А, ладно! – махнул рукой дед. – Это, я думаю, и вам будет интересно послушать. Надя катала эту куклу в колясочке по улице... ходила с ней... все смотрят... Кукла сидит, как настоящая большая девочка в колясочке. И Надя сзади ходит, а кукла едет, музыка играет из неё, и головку она так сюда... и направо и налево... Всем кланяется! И Надя ходит так гордо, и все ходят вокруг и смотрят... И, конечно, девочки все ей завидуют: «Ах, какая кукла! Как настоящая!». Так вот, я её подначивал: «Давай посмотрим, почему она головкой машет то направо, то налево? Что за механика там внутри такая?». Недели две Надя не позволяла, но потом не выдержала – ей надоело: «Ну, давай!». И вот мы с ней сидим... она немножечко старше меня была... и разбираем куклу. Интересно – жуть! Возраст – семь лет! Вот, вроде как у Олежки. И только мы, понимаешь, раскрыли... и всё! И музыка перестала играть, и головка перестала крутиться. Всё! А потом уже – «О-о!.. Уже не интересно-о!..». Мы и колесо поломали одно, и кончилось дело это... Вот так...

А вот ещё одно интересное явление в нашем раннем детстве!.. Мы с Надей играли ещё в песочке. Она, может быть, забыла, а может быть, и помнит. Это было на Военной улице в Екатеринославле. Теперешний Днепропетровск. И там мы, значит, во дворе играли. Я с Надей играл, а к нам приходил Женька-мальчишка и его сестричка Валя... Осторожно! Жми так, чтоб руки не переломать! – обратился дед к сыну, который начал крутить соковыжималку. – И вот он приходит со своей сестричкой, а я, значит, со своей... Вот... – продолжил дед. – И мы играли в песок... Вот играем, играем, играем, играем, строим домики всякие там... перегородочки... башни там строим... Ну, и как это обыкновенно, – крепости. Из песка. Сидим себе... прямо как в раю находимся! Они себе строят, а мы себе. Какие лучше получатся. Строим мы, строим, и вот по какому-то поводу... кому-то чего-то не понравилось, и он говорит: «Моя лучше!». А другой: «Нет, моя!». В общем, на этой почве мы начинали спорить до тех пор, пока не ссорились. Тогда Женька брал свою сестричку за руку, выходил с

ней со двора и по улице ходил мимо забора и доходил до ворот. Пока они ходили до ворот, то у них уже вся злоба пропадала, и он, значит, своей сестричке говорил: «Пойдём опять играть?». – «Пойдём!». Они заворачивали в ворота и заходили обратно. А мы с Надей сидим, и нам скучно тоже. Я говорю ей: «Зачем мы поссорились? Так играли хорошо!». А она отвечает: «Ты не беспокойся! Вот они сейчас опять придут!». И действительно, смотрим – через несколько минут они в ворота входят. Входят во двор, подходят к нам и так непринуждённо говорят: “Ну что, давайте опять играть? Мы уже не ссоримся». – «А, не ссоритесь? Ну, ладно!..». И мы опять мирились и снова начинали играть. Так мы играли во дворе с Женькой и Валей... Давай, я тебе помогу! – предложил дед, на что сын лишь отмахнулся. – Ну, ладно... Вообще, Надя была ещё с детства очень толковая... Практичная! Так как она была немножко старше меня, то она часто не просто играла, а в свою пользу! В этом же дворе жили... сейчас вспомню... этот самый... Варшавский! У него были деньги, и, как теперь я понимаю, он капитал вложил в дело. Тогда это было новшество – «Завод искусственных газированных вод». К улице он сделал красивый магазин... застеклённый! В середине входишь – это вроде как кафе. И колб было!.. Десять, пятнадцать колб, наполненных всевозможными видами натурального сиропа! Клубничный сироп, малиновый, апельсиновый, свежее сено... Появлялся шоколадный, сливочный, ром с шеколадом... Даже появлялись такие... Новые придумывали способы, чтобы заманивать людей газированную воду пить. Так придумывали новые сиропы: сироп «Двести тысяч!». Это тогда был выигрыш по лотерее. И мы приходили туда. Продавали искусственную газированную воду не так, как у нас теперь, – баллонами... А там, за этим залом, стояла машина, которая работала: «Жук-чук, жук-чук, жук-чук...». Она всё время вырабатывала газированную воду. А тут стояла хорошенькая продавщица... красиво одетая... И тут у неё фужеры... тонкие такие бокалы... И газированная вода с натуральным сиропом за четыре копейки. Или за пять копеек «шоколад с...» – можно было смесь делать. “Дайте сироп «шоколад со сливками!»». Или «лимон со сливками!» Всевозможные придумывали смеси. И она давала любую, какую тебе нужно было... А колбы были наполнены сиропами всех различных цветов радуги. Красный, жёлтый, зелёный, оранжевый... Это прелесть!.. И ты сидишь... там столики были... и ты пил... Так это считалось... когда мы четыре копейки имели, – большие деньги! Мы собирали, собирали. Выпрашивали у папы, у мамы... Наберём восемь копеек и идём пить. Газировку! Но обычно у нас не бывало столько денег... по копейке было... Тоже в фужер наливали... без сиропа... И вот, значит, открыли завод искусственных газированных вод, и народ стал ходить валом. Варшавский зарабатывал, конечно, на этом деле... Но у него были двое детишек маленьких... Нашего возраста. И Надя всегда играла с ними в завод газированных вод. Отец у них – богатый человек... У него завод, а мы были – ну так... обыкновенные служащие. Для нас эта вода была – большая роскошь! А дети – есть дети!..

Дед рассмеялся.

– Ну, вот... Играем мы, играем и тут Надя начинает инициативу проявлять. «Ну, – говорит, – давайте играть в завод газированных вод!». А детям это нравилось, потому что у них настоящий завод был. И вот, значит, Надя вначале была продавец. Она вроде разливает в бокалы это самое... газированную воду. И говорит: «Хорошо, а что мы будем наливать? У нас ничего нету! А ну, – говорила она ребятам, – пойдите домой и возьмите несколько бутылок газированной воды!».

Дед опять рассмеялся.

– Те бежали сразу к этим самым... приказчикам... которые знали детей. Они им всегда давали воду. И как только воду приносили, Надя сразу не открывает, а всё ещё пока играет... «Вот, значит, мы открываем завод газированных вод! С сиропом стоит четыре копейки, без сиропа – по копейке!..». И мы уже... тут приносят дети стаканчики... ну, фужеров не давали, потому что мы их просто разбивали, а давали стаканчики маленькие... И вот Надя играет... Полчаса мы играем, пока она не говорит: «Ну, теперь давайте будем продавать газированную воду!». А дети маленькие, знаешь, как взрослые. «Ну, – говорит Надя, – теперь ты продавец, а я – покупатель!». Кто-то из детей Варшавского становится продавцом, а Надя даёт ему что-то вроде пуговицы или что-нибудь другое, и тот открывает бутылки и наливает... Настоящую газированную воду! И мы пьём... Так мы играем, играем – не хватает! Надя объявляет: «Всё распродано! Идите, ещё берите! Потому что, скажете, очень много посетителей было!». Дети бегут сломя голову! Приносят ещё бутылку... В общем, напивались мы столько, сколько хотели. И тут же одновременно из песка и прилавков лепили... всё это... Теперь, когда мы уже напились, наигрались, они идут домой, а Надя мне говорит: «Ну, вот видишь – мы играли-играли и водички напились!». Ха-ха-ха-ха!.. – залился смехом дед, да так залился, что прямо до слёз. – А денег, чтоб покупать, не было! Вот когда-нибудь вы Наде можете рассказать это... Она вспомнит, потому что она была старше, чем я... Неужели она забыла?.. Она же хозяйничала – играла в завод искусственных газированных вод! Ха-ха-ха-ха!.. А денег у нас не было... А если копейка была, то бежим и без сиропа просим. А сами смотрим на сироп и думаем: «А! Как люди некоторые с сиропом пьют? Какие они счастливые!..». Но у нас, я тебе скажу, сейчас люди все пьют с сиропом. Я удивляюсь: кто пить хочет, кто не хочет – всё равно с сиропом. Стандарт! Люди превратились в обезьян. Они потому пьют с сиропом, потому что все пьют с сиропом! Ни одному человеку, который хочет по-настоящему пить, с сиропом не нужно. Ему надо воду! Но редко-редко, когда кто-нибудь скажет: «Дайте мне без сиропа!». Копейка стоит. И сегодня – копейка! А продавщица на тебя вылупливает глаза... Думает, что ты с ума сошёл... Все пьют с сиропом, а тебе без сиропа наливай... Ну вот... А в старое время... Недоброе!.. Недоброе старое время – большинство людей, когда хотели пить, пили без сиропа. А с сиропом пили... Как тебе сказать... люди, которым делать нечего! Они хотят полакомиться... «Дайте мне стакан «ром с шоколадом!» или: «Дайте мне «сливки с лимоном!»». Лимонный сироп и со сливками... Очень вкусное!.. Замечательное!.. И знаешь... Бокалы не такие, как сейчас, а тоненькие и, конечно, побольше. И когда наливали, так они бурлили!.. Прямо игра была там!.. Три, пять минут она там бурлила... Вода газированная... Била прямо в нос! Газировка!.. А сейчас? Сейчас просто тебе наливают всякую дрянь, и люди пьют. И рады, что хоть это есть... И довольны... Ширпотреб! Потом некоторые удивляются: «Вот, старым людям всё кажется – не то!». И дождик не такой, как раньше был, и солнце раньше светило, так действительно – светило! Если светит, так жарко! А если дождь пойдёт, так несколько минут, но проливной дождь! А потом смотришь – опять солнышко вышло! Опять сухо! Опять белые костюмчики надевали и ходили, и радовались... А сейчас... Не то дождь, не то снег, не то туман, не то солнышко... Не разберёшь – нет! Тоже похоже на солнце, но нет – не то!» Так вот, теперь удивляются некоторые: «Это старики всегда выдумывают! Всегда ворчат!». А я вот подумал... хоть я и человек пожилой, но подумал, что что-то есть тут... какая-то правда! В чём тут правда? А в том, что солнце, конечно, было, как раньше, так и сейчас, и дожди, как раньше, так и сейчас были, но сейчас вся жизнь сделалась такая... не совсем яркая! Если ты ешь мороженое, так оно недостаточно сладкое, если хотите знать. Раньше, я помню, мы, когда покупаем порцию мороженого у мороженщика, так мы потом бежим водичкой запивать. Оно такое сладкое – как мед! Если мы пьём газированную воду с сиропом, так она сладкая! Это лакомство! А сейчас мороженое кушаешь одну порцию... взял вторую порцию – всё равно! Ешь, ешь, а во рту пусто. Так я думаю – почему

старики такие ворчливые? А потому, что сейчас очень много искусственного ущемления. То есть если мы берём мороженое, так там сливок недостаточно. Оно не пышное! Раньше мороженое пышное было, а сейчас... спрессованное! Какое-то... ну... чего-то добавляют, чтобы оно, что ли, не так быстро растаивало... Но оно уже не такое! Раньше если сто грамм, так оно почти стакан занимало. А сейчас маленькое. Кушаешь, а во рту и вкуса никакого нет! Именно поэтому... Это, конечно, мелочь – мороженое! Но целый ряд других вещей есть... Масло возьмите... Возьмите молоко!.. Так молоко уже под влиянием культуры есть белковое, обезжиренное, диетическое, и всевозможные напридумывали такие вещи... Это культура! Это верно! Но всё уж слишком специализировано! Я считаю, что у нас есть много специализированной глупости! Что значит – специализированной? Это значит – вы покупаете ботинки, а шнурки в другом магазине надо покупать, потому что шнурки – это другая специальность! Так вы не можете там же, в этом магазине, где продают ботинки, шнурков купить! Нету там! «Мы, – говорят, – шнурками не торгуем!»

– Нет, есть! – возразил сын Наума Аркадьевича.

– Иногда есть, а иногда такая дрянь, что невозможно... Вот глупости много есть! Культура – есть культура, но надо же иметь голову на плечах! Вот... Вы идёте, предположим, в киоск, покупаете газету... А, это сейчас появилось! Там уже и конверты продавать стали. А то ведь одно время вы газету покупаете и хотите купить конверт... «Нет, конверты мы не продаём!». А если конверт продаётся, так без марок. А марки... должны ходить... бегать куда-то на почту... И так далее, и тому подобное...

– Наклеек нету!.. Переводных картинок! – вставил внук, который, пропустив детскую часть повествования, уже с минуту завороченно внимал взрослой части.

– Во! – обрадовался дед поддержке внука. – Наклеек нету! В общем, всё время приходится людям тратить время... превращаться в каких-то охотников. Когда молодой человек ищет... ему нужна гаечка... так он идёт и ищет-ищет-ищет... Он найдет её, но он должен обежать весь город, и потом, в конце концов, он находит... Он пырхается из-за этой гайки, и потом вся эта машина, которую он приобрел... она теряет для него особенную... Если он молодой, он ещё катается, а который постарше, он думает: «Ну её, понимаешь ли! Буду я из-за этой мелочи возиться!..». Вот возьмите, например, такую развлекательную область, как рыбная ловля. Казалось бы – хорошо! Я когда-то любил заниматься рыбной ловлей. Но в какой-то период времени стали появляться всевозможные препятствия: «Рыбу ловить с такого-то времени по такое-то! В таком-то месте по такое-то! Если не зарегистрируешься, так вас могут оштрафовать!».

– Так нет рыбы! – заметил сын Наума Аркадьевича.

– Вот! – согласился дед и продолжил: – Так прежде, чем получить такое развлечение, вы превращаетесь в какого-то... как тебе сказать... в человека, который обязан всевозможные правила выполнять-выполнять-выполнять! А сама рыба-то – её уже и нету! Ха-ха-ха-ха!.. Целый день сидит... ха-ха-ха-ха!.. А почему это происходит, я вам сейчас скажу... Есть целый ряд браконьеров, так они из этого делают наживу. Они с этого живут. Ну и пусть с ними борются! А настоящему любителю, так это гроб с музыкой! Он должен целыми днями ходить сначала в Охотсоюз, потом зарегистрироваться... Потом принести два заявления... Потом – где родился... Одним словом, я всегда вспоминаю эти юмористические рассказы...

они меня выручают! Если вам что-нибудь надо, подайте: «Два заявления, три отношения, четыре справки, пять анкет. Рекомендации администрации. И в заключение – свой портрет!». Тарара-ра-ра, тарарара!.. Так я лучше песенку на мотив «цыплёнка жареного» спою и остаюсь дома. А раньше я очень любил заниматься рыбной ловлей. Когда захотел, лежу... или сижу на пляже и занимаюсь... Никто меня не дёргает. А сейчас везде тебя проверят: «Паспорт есть? Прописан? Не прописан?.. А у тебя тавро есть на спине или где-то еще?..». Единственное, что не хватает, – так это чтоб каждому человеку на ягодицу приспичивали печатку. Тогда уже не нужно смотреть тебе в паспорт. Печатка есть, значит, уже прописанный. А то чёрт его знает!.. Паспорт ведь, знаешь, как бывает... У одного мордорот меняется... Он на паспорте фотографировался с бородкой, а на самом деле снял бородку и ходит без бородки... Тот смотрит на паспорт – не похож! Ну... Ха-ха-ха-ха-ха!.. «Я не виноват!» – он говорит. «Ну не похож! Там борода, а тут у тебя бороды нет!». Ха-ха-ха-ха!.. «Да я сбрил!» – «А какое мне дело? Тебе нужно было фотографироваться в том наружном виде, который у тебя есть!». Ха-ха-ха-ха!..

Наум Аркадьевич от души насмеялся и продолжил: – Вот я хочу сказать, что всё это происходит ввиду того, что люди друг другу не доверяют и каждый хочет, чтоб всё было нивилировано... Стандартно! Вот я в больнице как-то лежал... так там лежал рядом человек. Я с ним прекратил разговаривать. И видно – человек тяжелобольной, но ужасно видно, что когда он был здоровый, он был ужасный бюрократ. Ну, может быть, не бюрократ, но придерживался всё порядка и закона. Про такого примерно я уже рассказывал... про бухгалтера. Вот... Кто-то принёс цветы. Ну, цветы – как цветы! Я не выбрасывал... я в свободное время переливал водичку туда, чтоб цветы подольше были... И разговорились... «Вот, – говорит, – где покупали цветы?». Ему отвечают: «Да вот – на перекрёстке!». А он говорит: «Вот тоже безобразие мне! На каждом перекрёстке цветы продают! Цветы надо продавать в определённом месте! На базаре! На «Зелёном»! Там цветочный ряд! Иди туда и покупай!». Я в это время лежу, значит, на другой койке и говорю: «А знаете, я считаю, что где бы ни были, лишь бы там, где люди спрашивают, там цветы и должны быть. Чтоб людям было легко и свободно купить цветочек и принести. Человеку и так тяжело. Он продукты купил... то купил... то купил... а потом ещё пойдёт специально на базар два цветочка покупать? Он замучается!». Ну, мы с ним разошлись в этом вопросе... Он говорит, что всё должно быть в определённом месте. Отвели тебе место – там и сиди! А я считаю, что это неправильно. Там должно быть тоже место, но почему я должен, например, за виноградом, который частники продают, так обязательно на базар таскаться? А почему его нельзя в любом ларьке продавать? Почему там, на базаре, можно продавать частный виноград, а в городе в самом центре нельзя? И продавай! И зарабатывай!.. Не разрешают! Теперь, я иду в столовую или ресторан. У меня времени-то в обрез – час я могу покушать! Так если я с собой не взял дополнительных каких-нибудь продуктов, то я жру то, что есть в столовой. А в столовой, да и в ресторанах многих, почти всё стандартно. С базы берётся! А на базе – полугнилое. Так что получается? Если я хочу свежее что-нибудь иметь, так я должен с собой взять или помидорчик, или огурчик... или сметанку и маслице. Но для этого я должен ходить по базару. А почему нельзя, чтобы люди, которые на базаре продают, продавали в любом месте? Только чтоб гигиенично было! В соответствующих условиях, но разрешать! Пусть около ресторана!.. У нас должна быть государственная торговля, но её нет! А частнику не разрешают. Придёт частник – его сразу за шкурку и штраф-штраф!.. И вот я иду в ресторан и вынужден брать пиво. Или водку. Я не хочу его пить, но нельзя. Буфетчица будет смотреть на меня, как на инородное тело, случайно попавшее в ресторан. Людей приучили, в основном, пить там... Мне неудобно! А с чего эти рестораны живут? Они только и живут с того, что с

одного человека сдирают за десятерых! С большим трудом я начинаю выбирать там, что кушать... Почему? Потому, что всё основано на худшей стороне старого времени. Понимаете, в чём дело? Никто ничем не интересуется, а уж людьми – тем более. Лишь бы выжать у них деньги!.. Тут остались в яблоке черви! – дед показал на подозрительное яблоко.

– Да нет! Нет червей! – успокоила его невестка.

– А чёрт его знает!.. может, это самое... как его называют... знаешь что?.. Я не знаю... Эти... не зернышки... как они... черви из чего выходят?..

– Из бабочек! – машинально лягнула Лена.

– Вот!.. Бабочка может быть, – сказал дед и вместе со всеми рассмеялся. – Не бабочка – нет! Кружочек такой беленький...

– Червоточина! – гениально догадалась Лена. – Червь выходит из червотчины!

– Из червотчины, – согласился дед и сделал страшные глаза в сторону внука. – Я ужасно их боюсь!.. И, вы знаете, вот я иду, иду и думаю, что выход один – выдерживать характер и без пол-литра не разберёшь. Так я покупаю где-то пол-литра вина, перелью себе в это самое... в термос. Выпью стаканчик – и тогда иду, выдерживаю характер. Но туда – в ресторан – я ни копейки лишней не хочу дать. Принципиально! Если бы была возможность малейшая, я бы там написал большой плакат: «Граждане! Здесь вас обирают! Спаивают! Пользуются вашей глупостью! Тем, что ваши жёны работают в это время или не знают, что вы делаете. А вы здесь последние рубли получили и гоните их! А на что? На ерунду!». Водку продают – и сорок процентов надбавки... На кой чёрт это?.. Ну, вы давайте хоть кушать!.. Ничего подобного! Они... как это вам сказать... В старое время были эти... шинкари! Они тухлую селедку продавали и водку. Человек выпивал... рабочий... и что ему дадут, тем он и закусывал. Он уже не разбирал... Вот и всё! Вот приблизительно это и делают теперь везде. А если скажешь им что-нибудь, так – «О, нет! Что вы?!». Они что делают? Обленились – невозможно! Лена, это такие... Их всех надо выгнать! Вот я вам говорю точно! Не потому, что я против них, а стиль работы такой, что они все испортились. Все сделались нехорошими людьми. Они смотрят только на карман! На деньги! И работать никто не хочет! Когда они начинают готовить пищу, так сразу готовят на три дня, а потом подогревают и подогретую вам дают. Какоенибудь блюдо... яичницу, например, сделают, и она у них лежит холодная...

– Ну, уж яичницу они жарят тут же! – скорректировала Лена, но деда трудно было сбить, и волевой напор указывал на то, что всё, что он ни говорил, было им выстрадано.

– Раз нет требования, нет и спроса, – сказал он и остановил сына, который попытался что-то вставить: – Подожди минуточку! Когда что-нибудь нестандартное спрашиваешь, они говорят: «Нет, не можем!».

– Ну, потому что твой голос, как в пустыне! – всё таки вставил сын.

– Ну да! – согласился дед. – Это как белая ворона я всё хожу... Все плюют на пол, а я ишу урну, куда плюнуть. Или все бросают окурки на пол, а я хожу и кладу в уголочек...

складываю... Они смотрят – «Белая ворона пришла!». Вот. Это понятно... Надо вот этот сок, который вы из яблок делаете, процедить...

– Чего его цедить, чего? – удивилась Лена. – Мы сразу его выпьем. Мы не будем его на зиму хранить. Сейчас прямо вместо кваса и будем пить. Народу-то у вас вон сколько...

– О-ох! – вздохнул дед и позвал внука. – Олег!

– А! – с готовностью отозвался внук.

– Хочешь вишнёвый кисель? Натуральный!

– У вас что, есть ещё и вишни? – изумилась невестка.

– Есть! – гордо сказал дед. – Я их сам заготавливал!

– Я вишни не любил и не люблю! – категорично заявил внук.

– А ты попробуй! С сахаром, знаешь, какая вкуснятина! С блинчиком!..

– Может, лапшу куриную будешь, Олежек? – предложила невестка.

– Вот лапшу можно... Но не сейчас! – ответил внук и выбежал из беседки.

– Ну, пусть немного ещё погуляет... – сказал дед. – Так я что-то вам хотел сказать... Особенно, конечно, я злюсь оттого, что многое уже не могу делать сам. Вот это я злюсь больше всего. Единственное... Я вот с собакой Майкой разговоры здесь веду, когда все уматываются... Я говорю: «Нравится мне твоя поза унылая, грустно-задумчивый взгляд!». Она смотрит на меня – я на неё. Я беру последний кусочек батона и думаю: «Господи, что ж это я кормлю её не как следует быть!». А как-то я сварил себе и Феде молоко с дунганской лапшой и дал ей, так она была довольна!.. Она прямо напоминает мне... Я вот прямо тебе скажу... Когда один на один... Я теперь понимаю, почему за границей есть люди, которые даже памятники ставят собачкам. Держат их в комнате, ласкают. Потому что, когда один на один мы с ней остаёмся, я смотрю не на неё, как на маленькую лялечку. У меня такое впечатление, что это ребёнок. И поведение её, хоть она и собачка, как у ребёнка. Она бегает вокруг да около и через минуту забывает, что я ей запрещаю в дом входить. Зайдёт, я посмотрю – она убегает. Но когда я ей кушать даю, так если б ты знала, с какой радостью она... Да-а... Так между прочим, питание является второй жизненной необходимостью.

– Первой! Питание – первая жизненная необходимость! – поправила Лена.

– Первое – это движение! – возразил дед.

– Нет, питание! Не поешь – не подвигешься! – стояла на своём Лена.

– А-а... Пока не движешься, ничего и есть не хочется.

– Ладно!.. – рассмеялась Лена. – Полежишь, всё равно есть захочешь.

– А вот когда ребёнок рождается, он прежде всего ручками, ножками болтает... пиши-ит! А потом уже кушать начинает. Так вот: движение, питание, а потом размножение.

– Нет, сначала – питание, – упрямо повторила Лена.

– Ну, ладно, – не стал дальше спорить дед. – Но, вообще же говоря, жизнь – это есть движение! И движение вперёд! Или, может быть, назад... Это неважно. Для бессознательной жизни – безразлично. Одни говорят, что человек от обезьяны произошёл, другие утверждают, что обезьяна от человека произошла. Вот... Что был человек, а потом сделался обезьяной. И действительно, мы смотрим – очень часто люди, когда они вырастают, начинают подражать друг другу. Обезьянничают! Сначала они это делают бессознательно, а потом это входит в привычку, и они становятся... Но, конечно, то, что вчера и сегодня полезно – оно и завтра и послезавтра тоже будет полезно. Это не вызывает никакого сомнения. Вот в чём дело. А остальное – это... Я хочу вам сказать Лена, милая моя, к сожалению, я пробовал десятки раз...

Вбежал внук и схватил яблоко, на что дед тут же сделал ему замечание:

– Так – не кушай! Как этот червяк будет у тебя в животе?

Внук только кивнул и выбежал из беседки.

Дед улыбнулся и продолжил:

– Леночка, милая моя, если бы Ленин бы сейчас бы вот здесь был бы!.. Вот с тобой бы... так ты бы сказала, что он против Советской власти! Сразу ему говорят: «Ага, ты инакомыслящий!». Почему? Потому, что, вы сами понимаете, когда выходит человек и на груди у него целый иконостас, то... Здесь он герой... здесь польский герой... здесь крест уже появился заграничный... Я совсем не против! Но нужно... Это называется... У нас значкисты были... Понимаете? Вот у нас, когда революция произошла, потом появились значкисты. Физкультурники! У него в голове пусто, но он прекрасно умеет на коне прыгать... Трапедии!.. Всё такое... Он получает первую категорию! И вот эти значкисты начали проникать в государство. И вот стали уже... Разве вы видели когда-нибудь, чтобы какой-нибудь ответственный человек за границей приехал со значком? Король какой-нибудь и то старается спрятать орден какой-нибудь, чтоб не видно было... Эти ордена как образовались? Орден дамской Подвязки в Англии есть... Причём очень симпатичный орден. Вы знаете происхождение его? Там одна дама во время танца... у нее подвязка сорвалась и упала. Молодые люди... пажы: «Хи-хи-хи-хи!». Засмеялись! Де, мол, такая интеллигентная, такая красивая, изящная дама – и вдруг из-под юбки вылетает подвязка. Король... он там при этом был... услышал, подошёл, поднял подвязочку, отдал даме, а этим пацанам (по-нашему!) сказал: «С завтрашнего дня вы будете помогать этой подвязки, как высшего ордена королевства!».

– Орден королевской Подвязки! – поправила Лена. – Ну да! – согласился дед. – Назвали «Орден королевской подвязки». Вот вам, понимаете, в чём дело... А какие-то пацаны смеялись... Ну, это понятно... Так я не против орденов, но... Я вам хочу сказать – я всё время учусь! Чтобы я ни делал, если вы мне скажете и я вижу, что лучше, – всё! Безоговорочно начинаю повторять, делать то, что вы... Слушайте, в Англии есть... я не знаю, может быть,

это вранье, но я где-то читал, что там есть какой-то странный, своеобразный обычай. Не случайно в Англию съезжались революционеры. Там есть такой обычай: раз в году мэр города, лорд какой-то, подъезжает на легкой машине... кабриолете... и останавливается за сто метров от мусорного ящика в центре города. Раздевает свой фрак, надевает робу и вытаскивает мусор. Этим он показывает, что труд одинаковым образом присущ и простолыдину, и королю. К сожалению, мы этого не знаем. Нам не дают, понимаете ли, таких знаний!..

– Да показушничество! – попробовала поспорить Лена, но дед ей этого не позволил.

– Не показушничество! – категорично обрезал он. – Пётр Первый ходил вместе с этими... с ребятами, и работал, и кушал с ними. И они строили здорово, потому что, если бы сейчас кто-нибудь вроде какого-нибудь цекиста там... в центре... пошёл бы и стал с рабочими то в одном месте работать, то в другом месте... Не разговаривал, а прямо приходил бы и работал... Нет этого! Никто в это не верит! Каждый морочит голову! А Пётр ходил и работал вместе с рабочими... с крестьянами... И кушал с ними вместе. И это не случайно. Он был убежден в этом, и он...

– Он работал с ними, но тем не менее им жилось при Петре хуже, чем до него, – опять вставила Лена.

– Да он строил! Строил! – взвился дед. – Больше он ничего не мог сделать! А у нас это всё разговоры пустые!.. А как доходит до дела, они все в кусты прячутся! Они все идут по домам и посылают заместителей своих...

– Ну что ж вы хотите, чтоб эти старики, которые едва дышат, ещё пошли мусорный ящик выгребать? – возмутилась Лена.

– Не в этом дело, – возразил дед. – А в том, что молодые смотрят за ними. Смотрят, что они делают... Пойди, посмотри, что творится? У нас такое разделение, расслоение общества, что, если ты читала немножко политическую экономию когда-то... Расслоение общества такое, что дальше некуда! Трещит всё по швам! В любом месте начальник – есть начальник, а подчинённый – подчинённый! Только, конечно, в самой глубинке... там, конечно, ещё рабочие выбирают бригадира...

– Вот это порядок, – удовлетворённо подчеркнула Лена. – Если каждый несёт свои функции. Если начальник – есть начальник, а подчинённый – подчинённый!

– Вот так и должно... – начал было дед, но теперь невестка прервала его и закончила свою мысль:

– А если всё это смешается вот так вот, – порядка не будет никакого.

– Правильно! Это всё правильно! – вскричал Наум Аркадьевич. – В семье то же самое есть! Каждый делает своё! Хозяйка – своё, хозяин – другое. Но тут совсем другое дело! Тут смотрят свысока! Де, мол, это низкий труд, а это высокий! «Я не для того училась и не для того учусь, чтоб, понимаешь ты, с официанткой пойти и принести тебе кушать!».

– О-о... – попыталась что-то сказать Лена, но дед ей этого не позволил.

Мирный разговор давно перерос в жаркую дискуссию, и сын Наума Аркадьевича довольно улыбался. Он любил деда такого – живущего!

– Да я тебе говорю! – метал гром и молнии дед. – Заведующая рестораном не ходит ни в коем случае! Она сидит, как пава!

– А чего это ей ходить? – удивилась Лена.

– А потому ходить, что народу много! Люди ждут по полчаса, а официантки бедные не успевают. А она сидит! Она смоеся в крайнем случае! Завмагазином не пойдет вместе с продавцом работать! Нет! Она не работает продавцом – она завмаг! Расслоение получилось! Она – специалист!..

– Расслоение в том, что те, кто занимается привилегированным трудом, те и живут лучше! У них свои магазины, у них своё снабжение, у них свои склады!.. – скорректировала невестка.

– У кого? – недоуменно спросил дед, так как его сбили с мысли.

– У начальников! – пояснила Лена. – Я говорю, работать они должны каждый за себя – начальник должен заниматься руководящей работой, подчинённый должен заниматься своим делом...

– Обязательно... – согласился дед.

– Но жить... – продолжала Лена. – Возможности у них для житья должны быть одинаковые!

– Моральное состояние имеет большее значение, чем материальное!.. – закачал головой дед.

– Дело не в том... – попыталась закончить свою мысль Лена, но дед прервал ее:

– Я тебе кусок, понимаешь ты, котлетки дам и себе такую котлетку дам, а это ничего не значит...

– Нет-нет-нет! – вставила Лена. – Я не согласна, что именно завресторана должна...

– Не должна! – возмутился дед непонятливости невестки. – Вот именно – не должна! Вы меня не понимаете! Не понимаете одной вещи! У неё моральное состояние ненормальное! Она считает ниже своего достоинства это сделать! Вот в чём дело! Ей совсем и не нужно это делать, если официантки справляются. Но если они пыхтят, она будет что угодно делать, куда угодно ходить, прятаться... Завмаг – то же самое... но они не будут работать вместе с ними! Они не снизят своего... своего, понимаешь ты... своего эполета! Своей звёздочки! У нас нету нормального отношения к труду! Вот по этой-то причине санитарки, уборщицы ужасно плохо себя чувствуют... Они ругаются!.. Они ненавидят свой труд! Они помогают людям, но

свой труд ненавидят! Считают низким этот труд, потому что ни сестра, ни врач, ни кто другой им не хочет помогать. Это, мол, грязная работа – выполняй ты! Вот в чём дело!.. Моральное состояние, Леночка, самое важное! Вот я у себя на работе чуть ли не матом про себя ругался: «Я вам покажу, что такое коммунистический!.. Бригада коммунистического труда!.. Покажу!..». Так чёрта с два! Меня сожрали коммунисты же, которые рядышком были. Почему? Я занимался своей деятельностью, санитарки – своей, сестра – своей, но зарплату я делил поровну. Так взъелись все остальные: «А-а, ты прожектёр! Ты делаешь то, что мы и без тебя знаем! Мы коммунисты! Коммунистическая партия!». В том-то и штука, что, когда доходит до самого главного, никто не хочет этого делать. И сразу все уходят. А потому, что материально невыгодно! Леночка, я тебе говорю не потому, что мне хочется. Это я испытал на своем опыте... К сожалению! Я рад был бы, чтобы я ничего этого не знал! Вот и всё!

– Ну, вы идеалист, Наум Аркадьевич! – покачала головой Лена. – Материальный стимул всегда был главным.

– Что-о? – переспросил дед.

– Недаром все сейчас говорят о материальном стимуле, – продолжила Лена. – Он был всегда главным!

– Так как же без материального стимула? – удивился дед. – Я же не говорю про это! Но я хочу сказать, что из одной крайности мы переходим в другую. Всё время! Какая же у нас крайность? Мы сейчас перешли в такую экономическую крайность, что у нас в ресторанах форменным образом спаивают народ. Я про рестораны говорю, чтоб понятнее было. Туда ходят люди только затем, чтобы выбросить где-то заработанные трудовые... или нетрудовые деньги.

– Всегда так было, – продолжала увещевать Лена. – Как будто при капитализме так не было. Рестораны для этого предназначались...

– Так именно и было, но не везде, – отпарировал дед. – Я хочу сказать, что ресторан сейчас превратили исключительно в кабак! Там водку только дают! Знаете, как в публичных домах: когда человек приходит, сразу выходит красавица и показывает ему самые красивые места. Она этим привлекает его. Сразу... грубо... понимаешь ли... А слушайте! При капитализме тоже была водка, но старались так: «Пейте нарзан!». В ресторане, где всё время водку пили, где тысячи рублей гоняли, – приглашали людей не пить, потому что почти всякий идёт в ресторан выпить немного, а приглашали: «Пейте нарзан! Пейте минеральную воду! Пейте чай! Крепкий! Заваристый!».

– Ну и что? Ну и пойдёте вы туда?.. – недоумевала Лена.

– И люди пили кофе, коньяк... И тут же и коньяк был... А у нас в одну сторону всё! – продолжал дед.

– Кто хочет, тот пьёт, а кто не хочет, тот не пьёт! – опять вставила Лена.

– Лена, вот что я вам скажу... – попробовал продолжить дед, но невестка перебила его:

– Оттого, что пьяница прочтёт «Пейте томатный сок!», от этого он водку пить не перестанет.

– Да не могу я!.. Не могу зайти туда! – отчаянно вскричал дед. – Мне стыдно заходить из-за того, что туда алкашники приходят только! С детьми – так вообще нельзя представить, чтоб кто-нибудь сидел! Они на меня смотрят... мол, что ты пришёл? Кушать нечего... Эти самые... обманывают... Они дают всякую чепуху просто под водку! Если ты водку не берёшь, они на тебя смотрят как эти... Официантки, которые там работают, – они просто испортились! Может быть, были хорошими, но превратились в ужасно нехороших людей! Они только смотрят... Для видимости, для внешности они говорят хорошо, а... Посмотрят, сколько ты водки выпил, сколько коньяка... сколько она на этом заработает... И, главное, в голове у них! В голове! Только самый низкий денежный расчёт! Вот! Я вам говорю, Лена, вы не знаете! Вот вы походите среди людей, которые вот это вот... то в ресторан ходят, то в эту самую... в пивнушку! Мне пойти покушать негде!.. У нас есть хорошее! Есть! Должно быть!.. Если бы было всё плохое, давным-давно ничего бы не осталось от Советской власти! Но, к сожалению, у нас очень много дряни... Слишком много... И самое главное – вы ничего не можете сделать. Ничего не можете сделать!.. И люди едят такую дрянь, какая им попадётся. Человек должен со вчерашнего дня заранее подумать, что он завтра будет кушать. В общем, получается очень много отрицательных сторон... Слишком много... Для граждан! А, конечно, для милиции это очень удобно: оштрафанул – и чтоб тебя здесь не было! Чтоб тебя здесь не видел с твоими помидорами! Раз ты частник, так торгуй себе на базаре в отведённом для этого месте. Иди – там сиди! Вот!.. Так и кажется, что каждому хотят на ягодицу печать прищипандорить какую-нибудь, чтобы было уже точно ясно, что ты уже человек зафиксированный и прописанный по-настоящему. Тавро, как лошадям... Так вот этот паспорт!.. Раньше над этими паспортами настоящие люди всегда смеялись. До определённого времени у нас любой документ, подтверждающий личность, мог служить правом на жительство. А потом опять ввели старорежимные паспорта. Так ещё хуже, чем в старое время, теперь. Хуже! Потому что паспорт теперь – это батюшки мои! И в гостинице тебя не примут, и на самолёт билет тебе не дадут! Одним словом, ни черта ты без паспорта не стоишь!

Неожиданное возвращение деда к середине разговора было столь же естественно, как и весь он сам.

– Для контроля... – попыталась вставить Лена.

– А почему? – согласился дед. – Потому что все врут! Понимаешь ты, один житель острова Крит приехал и говорит, что все критяне врут. Ему говорят: «Раз так, значит, и ты врёшь, что все критяне врут. Значит, не все критяне врут? Некоторые правду говорят?». Тот говорит: «Может быть!» – «А раз может быть, то, может быть, и ты говоришь правду?» – «Может быть!» – говорит критянин. – «А раз ты говоришь правду, то...». Ну и так далее, бесконечно... Сказка про белого бычка. Конца и края нет... Вдруг для контроля потребуется... Вот так люди и ходят... Потеряли всю жизнерадостность! Я знаю, что я говорю! Всё хорошо, когда это имеет какую-то меру среднюю. Но когда людей никто не видит, а видит только одни паспорта – это глупость! Вот и получается, как у лошадей: тавро есть – это хорошая лошадь! Тавра нет – плохая! Вот и всё! Глупость! ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН БЫТЬ СВОБОДНЫМ! И всякий документ, достаточно достоверный, подтверждающий его личность, должен приниматься. Можно и паспорт, в конце концов, подделать, и всё что

угодно!.. Тут одна как-то, когда я был моложе, говорила: «У меня есть документ, что я разведена!». А я ей говорю: «Знаете, вы можете с любым человеком жить, а завтра переночуете с другим. Что, он вам соли насыплет на хвост? Не насыплет!». А для чего это всё государство делает? Для чего? Для чего этот Дворец бракосочетания? Кому оно нужно? Оно нужно определённым лицам, у которых кредо – «Разделяй и властвуй!». Когда больше всего зарегистрировано, тогда человеком легко командовать. Это понятно! Потому как ты знаешь, что жена твоя такая-то и ты с ней зарегистрирован. Попробуй с такой-то... и я тебя могу привлечь к ответственности за разврат. Уже я тебя могу прижать. А настоящие люди без всяких паспортов жили, поживали и без всяких документов бракосочетания любили друг друга всю жизнь. Некоторые на эшафот шли рука об руку! Мужчины и женщины! В Сибирь ехали! И были, которые зарегистрированные, а были и те, у кого просто настоящее чувство было. ЛЮБОВЬ ДОЛЖНА ДЕРЖАТЬ! А у нас держит не любовь, а паспорт, дом, квартира. Сплошь да рядом мы видим, как муж уезжает в командировку и зовёт жену свою, а она говорит: «Нет, не поеду! Я могу потерять квартиру в Москве!». Он говорит: «Ну и потеряй! Я здесь имею хорошую квартиру!» – «Нет!» – говорит, – я из Москвы не уеду! До свиданья и до свиданья!..». Он прожил там два-три года, женился на другой, а первая ему и говорит: «Ну и счастливого пути! Для меня квартира важнее, чем он, потому что я здесь живу в Москве, а он – шиша!.. Сегодня его в Новосибирск послали, а завтра куда-нибудь ещё к чёрту на кулички!..». Вот до чего дошло! Никогда этого не было в таком количестве раньше! Тогда говорили: «Брак по расчёту!», но... Да раньше брак по расчёту делали только люди богатые, а бедным не с чего было расчёт делать! А сейчас всякая шваль только и занимается тем, что только по расчёту. Любви-то нет! – И дед запел: – «Утомлённое солнце нежно с морем прощалось! В этот час ты призналась, что нет любви!..». И так далее... Так вот, я вспоминаю эти гагровские песни... Они это пели почему? Потому, что всё равно ВЛАДЫКОЙ МИРА БУДЕТ – ЛЮБОВЬ! А не труд. А труд так же необходим, как воздух! Как вода! Никто не будет говорить, что владыкой мира будет воздух. Без воздуха нельзя жить! Без труда тоже нельзя. И тем более – без творческого. Но чтоб владыкой мира – труд, – это рабство! Вот и всё! ТОЛЬКО ЕЮ – ТОЛЬКО ЛЮБОВЬЮ ДВИЖЕТСЯ МИР! Так говорили раньше, и так понимают очень многие и сейчас. А некоторые, у которых любви не было, так они нажимают только на труд. У многих политических деятелей любви тоже не могло быть, потому что какая уж тут любовь, когда его гоняли как сидорову козу! Сегодня он в Москве, а завтра где-то в другом месте прячется от властей. Прячется! Ему нужно скрываться – он подпольщик! Так какая там может быть любовь? Это не любовь – это просто беготня! Понимаешь ты... Так вот они-то провозгласили, что владыкой мира будет труд, потому что понятно, что всю жизнь он трудился... У него больше ничего не было, как только – труд. И так они и говорили: «Пошёл на дело! Пошёл на дело!». Только дело и понимали. А эта любовь – это чепуха! Это предвзятое обстоятельство, без которого нельзя де, мол, существовать...

- Так они и говорили вроде бы о любви к ближнему... - неуверенно вставила невестка.

– Кто? Они? Подожди!.. Подожди минуточку!.. – остановил её дед. – Я не об этой любви! Я о нормальной! Так вот он где-то полюбил, где-то разошёлся, поел кусочек хлеба и ушёл-пришёл... Это не любовь! Это – физиологическая потребность! Вот она-то сейчас превратилась в доминирующее состояние. Люди превратились в почти животных. Только физиологические потребности – и всё! А владыкой мира – труд! А труд... Опять же повторяю – без труда нельзя жить. Это то же, что сказать, что владыкой мира будет – тепло! Без тепла человек умирает? Умирает! А без любви вроде можно жить. Люди кастрируются и воздерживаются, и вообще... люди всю жизнь работали в подполье, и никакой любви там...

Какая там любовь могла быть? Люди шли на смерть за какое-то дело, за какую-то идею... Так вот идея и слово «идиот» имеют один корень – «ид»! И если человек одержим какой-то идеей, он побеждает во многих случаях... А вот Гитлер потянул за собой в могилу десятки миллионов людей. Этот... тоже одержим идеей... Но они в конце концов обязательно ошибаются и где-то погибают. Со мной тоже так... Один от того погибает, другой от этого... Толстой тоже, понимаешь, убежал и воспаление лёгких схватил не там, где это нужно, и не вовремя... Это уже неважно... Но это потому, что идея им овладела. Как это марксисты говорят: «Когда идея овладевает массами, она приобретает материальную силу!». Это вполне понятно! Когда люди в горящем здании спасают свою жизнь, они становятся бешеными. В дверях образуются пробки, и большинство погибает. А никакого пожара, возможно, и не было. Кто-то крикнул: «Пожар!», бросил дымовуху – и всё. А почему так произошло? Потому что люди полностью попали под влияние идеи пожара и страха перед ним. Что это значит? Идея нужна обязательно! Без идеи никакое дело не делается! Даже когда человек кушает, так он вначале думает, что он будет кушать... и хочет ли он!.. Но превращать идею в самоцель нельзя так же, как превращать дело в самоцель. Ни в коем случае! Человек делает для того, чтобы жить! Человек работает для того, чтобы жить, а не живет для того, чтобы работать! И в этом всё дело. А некоторым людям морочат голову. Им говорят так: «Ты живешь для того, чтобы работать! Вот для чего ты живёшь! Вот цель твоей жизни! Работай!..». Это называется – рабство! Там какая-то литературная затычка написала: «Нам солнца не надо – нам партия светит! Нам хлеба не надо – работу давай!». Вот так... Ух!.. Замучил я вас своими рассказами. Хватит! Сын, носи вишнёвый кисель и дай попробовать Лене! Пусть она оценит его как хозяйка! А я ваш сок попью...

Дед налил себе соку и с удовольствием выпил.

Жаркое июльское солнце клонилось к закату...

Lapidusya@mail.ru